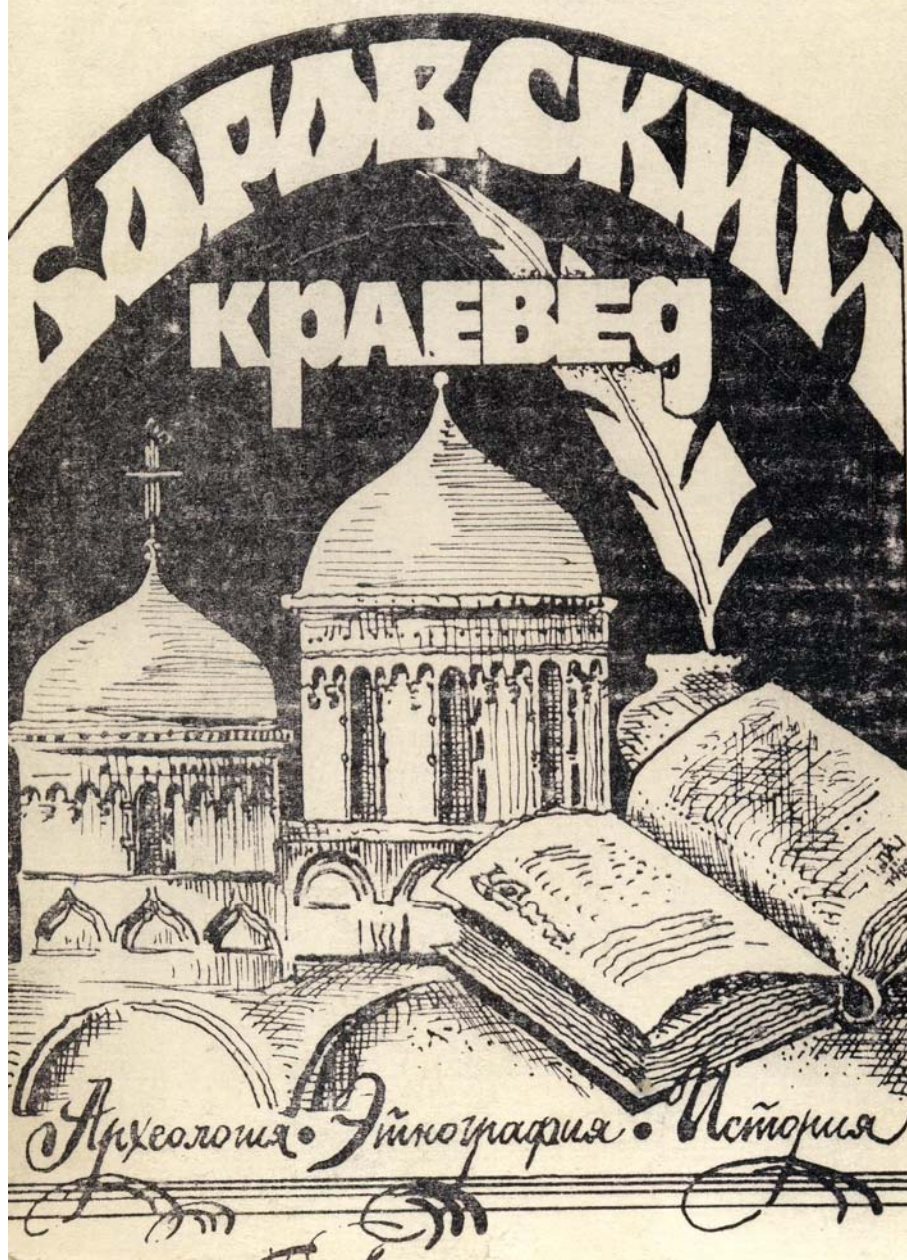

КАЛУЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

БОРОВСКИЙ ФИЛИАЛ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

**КАЛУЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
БОРОВСКИЙ ФИЛИАЛ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

***БОРОВСКИЙ
КРАЕВЕД***

Археология

История

Этнография

Краеведение

Музееведение

Боровск 1990

В сборнике публикуются материалы докладов, прочитанных на вторых историко-краеведческих чтениях в декабре 1989 года в г.Боровске.

**Археологические исследования в Боровском районе
Калужской области в 1989 году**

Археологические исследования на территории Боровского района начались в начале 20 века. Первым исследователем был И.П. Машков. В 1912 году он проводил раскопки у южной стены Рождественского собора Пафнутьев-Боровского монастыря. Затем в Боровском крае в разные годы работали К.Я. Виноградов, А.В. Успенская, М.А. Алешковский, Е.Л. Хворостова, В.А. Городцов, П.А. Раппопорт, И.К. Фролов и другие.

В настоящее время на территории района работает Калужская областная археологическая экспедиция (руководитель О.Л. Прошкин). Первые раскопки на территории г. Боровска были проведены в 1985 году на «Петровой Горе» (ул. 1-го Мая). На месте селища был заложен раскоп площадью 24 кв. м. Культурный слой имел мощность 0,3 – 1,5 м, а в заполнении ям – до 2-х м. Найдены железные предметы: крючки, гвозди, кольца, иглы и другие; обломок кремневого дротика, более 300 фрагментов глиняной посуды. Селище датируется концом 1 тысячелетия н. э. 11 — 13 веками, 14—началом 17-го века.¹

В июне 1989 года были проведены вторые археологические раскопки в Боровске. Раскоп был заложен по ул. Ленина, между домами № 62—66. До войны здесь жил Иван Васильевич Мартынов. Его профессия бондарь. Построился он в 1921 —1923 годах на пустыре, где до этого были огороды. Дом простоял до наших дней и был снесен под строительство отделения Сбербанка. В настоящее время эта территория сильно загрязнена и раскопана. Поэтому масштаб раскопок был ограничен до 36 кв. м. Каких-либо зданий или построек на поверхности не сохранилось.

Мощность культурного слоя составляла 0,4—1,5 м. Его состав — заезженный плотный щебень, перекопы, строительный мусор (кирпич, камни, песок) — в верхней части.

1. Прошкин О. Л. Археологические исследования Боровска. // Проблемы древнейшей истории и археологии Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга, 1986.

Стр.3.

Сделанные находки в основном относятся к 17-началу 20 веков. В 1-м, верхнем, пласте были найдены кованые гвозди, фрагменты печных изразцов, железный штырь, крышка самовара. Во 2-м пласте находилось битое стекло, фрагменты стеклянной посуды, глиняная игрушка - свистулька, железный штырь, щипцы, гвозди. Кроме того, следует отметить большое количество фрагментов гончарной посуды.

На материковом уровне открылось 8 ям. Их глубина от 8 до 70 см. Наиболее крупными были ямы № 1 и № 8. Четыре ямы, вероятно, столбовых. В одной найдены кирпичная вымостка, видимо, для крепления столба.

Самая крупная по размерам яма — № 1 — представляет наибольший интерес. Основное сосредоточение находок наблюдалось в ее северной части. Здесь были найдены кости животных, обожженные камни, несколько скоплений развалов сосудов. Глубина ямы от уровня материка—до 70 см. Ширина — 2,2 м. Заполнение — темный суглинок, камни. Вдоль ее северо-западной границы находилась каменная кладка шириной до 0,5 м, которая тянулась по всему краю раскопа у северо-восточной стенки. (В 4-х м от раскопа, параллельно вышеупомянутой кладке, в прорытой рабочими-строителями траншее была видна ещё одна такая же кладка).

Под этой кладкой, продолжением ямы № 1 обнаружена еще одна яма (углубление в яме № 1). Можно предположить, что она более ранняя, так как уходит под кладку. Керамика, найденная в ней, датируется 17 веком.

Проведенные в этом году раскопки открывают новую страницу в истории нашего города. Что находилось на месте раскопок раньше, сказать пока трудно. Можно предположить, что эта территория когда-то использовалась Рождественским женским монастырем, основанным в 15 веке. Самые ранние находки относятся к 17 веку, то есть к периоду существования монастыря.

Также были продолжены раскопки (август 1989 года) близ д. Маламахово, где находится древнее городище, расположенное на береговом мысу р. Истьямы и защищенное двумя валами и рвами с напольной стороны.

2. Осипов В. И. Опыт локализации слобод и границ г. Боровска в 17 в. // Материалы Боровских чтений. Боровск, 1988. С. 17.

Стр.4.

В результате раскопок была вскрыта площадь 40 кв. м. По находкам городище можно датировать 3—5 веками и 12—13 веками. Это говорит о том, что место поселения не раз использовалось в разное время разными поколениями. Объясняется это тем, что оно расположено на удобном месте, труднодоступном врагу. Основали его, вероятно, носители дьяковской культуры. Затем здесь наблюдается присутствие людей в древнерусский период. В 19 веке это место используют под парк.

Во время раскопок на городище был вскрыт культурный слой мощностью 0,2—0,4 м. В заполнении найдены кусочки глиняной обмазки, кремневые сколы, кости животных, обломки лепных и гончарных сосудов. Из индивидуальных находок следует отметить фрагменты глиняных пряслиц, фрагмент железного серповидного ножа, часть глиняной льячки и глиняные грузики «дьякова типа», датируемые 1-й половиной 1-го тысячелетия н.э.

На материковом уровне открылись следы древних построек. Это остатки столбовых конструкций, истлевшее и обожженное дерево, следы оградки, очаг.

В последующие годы будет вскрыта остальная площадь городища до полного изучения этого интересного памятника, еще больший интерес к которому вызывает тот факт, что за валом с напольной стороны было найдено селище.

Археологические памятники в нашем районе не ограничены г. Боровском и маламаховским городищем. В настоящее время их насчитывается более 50-ти, большинство из которых будет в дальнейшем планомерно изучаться.³

Обобщая все вышесказанное, мы видим, насколько загадочен и интересен наш город и край. Сколько еще не раскрытых тайн! И хочется еще раз сказать уже давно всем знакомые слова о том, что сохранение своей культуры — это долг каждого человека.

3. Прошкин О. Л. Раскопки будут продолжены, // За коммунизм. 1988. № 81; Он же. И вновь открываются тайны. // За коммунизм. 1989. № 117.

Стр.5.

О.Л. Прошкин.

Археологическая карта Малоярославецкого района

Калужской области

(К вопросу о составлении

**археологической карты бассейна р. Протвы и смежных
территорий).**

Археологические исследования на территории современного Малоярославецкого района Калужской области начались в 1925 году с обследования городища в г.

Малоярославце археологом К.Я. Виноградовым. В 1930 году им были обнаружены остатки фатьяновских могильников у дд. Детчино и Михеево на р. Суходрев.¹ В 1939 году небольшие разведочные работы проводились М.В. Фехнер.² П.А. Раппопортом в 1955 году были обследованы городища на р. Луже близ дд. Лужное и Панское, в г. Малоярославце. На последнем была произведена прорезка вала.³ В результате разведок И.К. Фролова (1976 и 1983 годы), А.С. Фролова (1985 год), В.С. Нестерова (конец 1970-х — начало 1980-х годов) и О.Л. Прошкина (1987 год) были открыты новые памятники археологии.⁴

В настоящее время в районе известно 13 археологических объектов, два из которых подвергались раскопкам. (Рис. 1)⁵

1. Д. Михеево. Грунтовой могильник.

Находился на 1 км к югу от деревни, на правом коренном берегу р. Суходрев. На месте карьера для гравия в 1930 году К. Я. Виноградовым были обнаружены остатки грунтовой могилы и собраны кремневые клиновидные и каменные сверленные топоры.

Могильник оставлен племенами фатьяновской культуры в 1-ой половине II-го тысячелетия до н.э.

2. П. Детчино. Грунтовой могильник.

Находился близ деревни Детчино, на территории бывшего имения Гончаровых, на правом берегу р. Суходрев.

В 1930 году К. Я. Виноградовым здесь были обнаружены остатки двух грунтовых могил и найдены кремневые клиновидные и каменные сверленные топоры, кремневый листовидный наконечник стрелы, фрагменты керамики и другие предметы.

Могильник оставлен племенами фатьяновской культуры в 1-ой половине II тысячелетия до н.э.

Стр.6.

3. Д. Лужное. Городище.

Расположено в 2-х км к северо-северо-западу от деревни, на левом берегу р. Лужи. Занимает узкий вытянутый мыс, образованный двумя глубокими оврагами. Состоит из двух террас-площадок, понижающихся по линии с запада на восток, разделенных между собой валом. Площадка нижней части городища находится на высоте 7—14 м над урезом воды в р. Луже. Имеет размеры по оси запад-восток — 55 м, по оси север-юг — 20 м. Верхняя площадка городища находится на высоте 18—21 м над урезом воды и имеет размеры по оси юго-запад-северо-восток — 81 м, по оси северо-запад—юго-восток — 25—35 м.

На городище сохранились остатки оборонительных сооружений — валов и рвов. Нижнюю и верхнюю площадки городища разделяет вал длиной 8,5 м, высотой 0,5—0,9 м и шириной 2—3 м. Верхняя площадка с напольной, юго-западной стороны также защищена валом и рвом. Вал имеет подковообразную форму высотой 4 м и шириной 10—12 м. Ров имеет глубину 1-1,5 м и ширину 7—12 м. У южной оконечности вала прослеживаются остатки древнего въезда на городище. Южный склон городища укреплен двумя валами длиной 33 м каждый, шириной 3—5 м и 5—6 м, высотой 0,5—0,6 м и 1,1 — 1,2 м.

Памятник обследовался П. А. Раппопортом (1955 год) и О. Л. Прошкиным (1987 год).

В 1987 году на городище, с целью установления наиболее точной датировки и культурной принадлежности, был заложен раскоп (16 кв. м.). Выявлен культурный слой мощностью 0,13—0,35 м (нижняя площадка) и 0,22—0,45 м. (верхняя площадка). При раскопках были найдены фрагменты лепной и гончарной посуды, железный наконечник стрелы (рис. 2), обожженные камни, мелкие кусочки глиняной обмазки, кости животных, кремневые сколы. Наибольшее число находок составляет керамика — всего 70 фрагментов. Из них 59 лепных и 11 гончарных. Лепная керамика в большинстве грубая,

серо- и коричневоглиняная, с минеральными примесями в тесте, иногда с ямочным (рис. 2,2), ногтевым и в виде продольной прочерченной канавы (рис. 2,4) орнаментом по венчику, а также веревочным, защитным и прочерченным на стенках (рис. 2,1—3,7—9). На нескольких фрагментах нанесен ямочный орнамент (рис.

Стр.7.

2,10— 12). Три фрагмента имеют лощеную поверхность черного (рис. .1,13), серо-коричневого и светло - красно-коричневого цвета. Гончарная керамика представлена обломками хорошо обожженных, гладких, серо-, коричнево- и белоглиняных сосудов, на некоторых фрагментах с линейными и волнистым орнаментом (рис. 2,15—17). Большой интерес представляет находка железного втульчатого двушипного наконечника стрелы (рис. 2,14). Аналогии ему известны из Памятников дьяковской культуры в Подмоскowie⁶ и на территории пшеворских могильников⁷ I века до н. э. — I века н. э.

На основании сделанных находок городище можно датировать 1-й четвертью — серединой 1-го тысячелетия н. э. и 13—14 веками и отнести к кругу древностей, пограничных между дьяковской и юхновской культурами в начале н. э., а также мощинской культуры (?) и средневековья.

4. Д. Лужное. Селище.

Расположено в 0,3 км к северу от деревни, на правом коренном берегу р. Лужи. Превышение над урезом воды в реке — 19—33 м. Размеры по оси север-юг — 200 м, по оси запад-восток — 150 м.

Селище было открыто и обследовано И.К. Фроловым в 1976 году. В результате обследования был выявлен культурный слой мощностью 0,4 м и найдены фрагменты гончарной посуды 13—14 веков.

Относится к кругу средневековых поселений.

5. Д. Панское. Городище.

Расположено в 0,4 км к северо-северо-востоку от деревни, на мысу правого берега р. Лужи. Площадка городища находится на высоте 25 м над урезом воды. Размеры: по оси север-юг — 65 м, по оси запад-восток — 45 м.

С южной, напольной стороны площадка защищена валом высотой до 2-х м и рвом глубиной до 1-го м. Западный, восточный и северный склоны мыса круто понижаются. С запада и востока городище ограничено оврагами, с севера — р. Лужей.

Памятник обследовался П.А. Раппопортом (1955 год), И.К. Фроловым (1976 год) и О.Л. Прошкиным (1987 год). Культурный слой мощностью 0,15—0,3 м содержит фрагменты лепной, тонкостенной, с грубыми минеральными примесями в тесте керамики 2-ой половины 1-го тысячелетия

Стр.8.

до н. э. и обломки гончарной серо- и белоглиняной, хорошо обожженной посуды 14—16 веков.

Городище отнесено И. К. Фроловым к кругу юхновских древностей и позднего средневековья.

6. Д. Панское. Селище.

Расположено в 1 км к северо-северо-востоку от деревни, на правом берегу р. Лужи, на высоте 4—5,5 м над урезом воды. Размеры по оси северо-юг — 50 м по оси запад-восток — 65 м.

Селище было открыто и обследовано О.Л. Прошкиным (1987 год). На пашне был собран подъемный материал: фрагменты лепной красно-коричневоглиняной, тонко и толстостенной, с грубыми минеральными примесями в тесте керамики 2-ой половины 1-го тысячелетия н. э. и обломки гончарной бело-и коричневоглиняной посуды 13—14 веков, на некоторых с линейным и волнистым орнаментом.

7. Г. Малоярославец. Городище.

Расположено на мысу правого берега р. Лужи, при впадении ручья Ярославки у Черноостровского монастыря. Высота площадки над урезом воды в р. Луже — до 31 м. Размеры — 160х90 м. Состоит из 2-х частей — верхней и нижней. Верхняя часть с южной и восточной сторон защищена валом высотой до 3-х м, нижняя часть окружена валом высотой 1 м по периметру.

Городище обследовалось К. Я. Виноградовым (1925 год), М. В. Фехнер (1939 год), П.А. Раппопортом (1955 год), Н.К. Фроловым (1976 год), А.С. Фроловым (1985 год), О.Л. Прошкиным (1987 год). На городище выявлен культурный слой мощностью 0,3—0,9 м, содержащий фрагменты лепных, грубых, сыроглиняных сосудов 1-ой половины 1-го тысячелетия н.э. и многочисленные обломки гончарной посуды 12—17 веков.

Городище основано, вероятно, племенами дьяковской культуры, с последующим заселением в древнерусский период. Вероятно, здесь же находился город Ярославль, впервые упоминаемый в духовной грамоте серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича Храброго под 1401 — 1402 годами,⁸ названный так в честь его сына Ярослава.⁹

8. Д. Анисимово. Городище.

Расположено в 0,6 км северо-западу от деревни, на правом берегу р. Городянки. Превышение площадки

Стр.9.

городища над поймой реки - 15-23 м. Имеет овальную форму и размеры 65х38 м. С северо-западной стороны площадка защищена 3-мя валами высотой 1-2 м и рвами глубиной 1-3 м, с юго-восточной стороны - 2-мя валами высотой 0,5-1 м и рвом между ними глубиной 0,1-0,5 м. Вдоль южного края площадки также проходит вал высотой 0,3-0,8 м.

Памятник был открыт в начале 1980-х годов В.С. Нестеровым, а в последствии обследован И.К. Фроловым (1983 год) и А.С. Фроловым (1985 год). Культурный слой мощностью 0,3-0,6 м содержит лепную керамику конца 1-го тысячелетия – начала 1-го тысячелетия н.э.

Относится к кругу древностей, пограничных между дьяковской и юхновской культурами.

9. Д. Анисимово. Селище.

Расположено в 1,5 км к северо-северо-западу от деревни, на левом берегу р. Городянки. Высота над урезом воды, в реке - 13-21 м. Площадь селища около 18 000 кв.м.

Памятник был открыт И.К. Фроловым (1983 год) и обследовался А.С. Фроловым (1985 год). Собранный здесь подъемный материал - фрагменты гончарной посуды 14-16 веков.

Относится к типу позднесредневековых поселений.

10. Д. Оболенское. Стоянка, селище.

Расположены в 0,4 км к северо-востоку от деревни на мысу левого берега р. Лужи, при её впадении в р.Протву. Размеры по оси северо - восток - юго-запад – 85 м, по северо-запад — юго-восток — 50 м.

Селище открыто В. С. Нестеровым (начало 1980-х годов) и обследовано А.С. Фроловым (1985 год), им же здесь были найдены следы стоянки эпохи бронзы. Собранный подъемный материал включал, кремневые отщепы и обломки лепной посуды 11-го тысячелетия до н. э., фрагменты гончарной керамики 12—14 и 17 веков.

Памятник относится к эпохам бронзового века, Древней Руси и позднего средневековья.

11. Д Потресово. Селище I.

Расположено в 1 км к юго-востоку от восточной окраины деревни, на 1-ой надпойменной террасе левого берега р. Протвы. Высота над урезом воды в реке — 8 м. площадь селища — около 5 000 кв. м.

Стр.10.

Памятник был открыт В. С. Нестеровым (начало 1980-х годов) и обследован А.С. Фроловым (1985 год). Культурный слой селища мощностью 0,2—0,3 м содержит фрагменты гончарной посуды 13—15 веков.

Относится к типу позднесредневековых поселений.

12. Д. Потресово. Селище II.

Расположено в 0,7 км к северо-востоку от деревни, на мысу 2-й надпойменной террасы правого берега р. Протвы, при впадении ручья. Площадь селища—около 6000 кв. м.

Памятник был открыт В. С. Нестеровым (начало 1980-х годов) и обследован А.С. Фроловым (1985 год). Культурный слой селища мощностью 0,2—0,3 м содержит фрагменты гончарной посуды 15—17 веков.

Относится к типу позднесредневековых поселений.

13. Д. Хрустали. Одиночный курган.

Находится в 1 км к югу от деревни, в 75 м к востоку от перекрестка дорог Хрустали-Ожогоино и Ерденево-Ожогоино, в урочище «Горб». Курган имеет овальную форму и размеры по линии северо-восток — юго-запад — 15 м, по линии северо-запад — юго-восток — 8 м и высоту 1 м.

Курган обследован И.К. Фроловым (1977 год).

Датировка и культурная принадлежность не установлены.

1. Виноградов К.Я. Новые данные о памятниках фатьяновской культуры. // Проблемы истории докапиталистических обществ №№ 11 —12. М.—Л., 1934.

3. Раппопорт П.А. Отчет о работе Подмосковского отряда Среднерусской экспедиции ИИМК в 1955 г. // Архив ИА АН СССР, Р—1, № 1077.

4. Фролов И. К. Работы в Калужской и Орловской областях. // АО 1976 года. М., 1977; Он же. Работы Среднерусской экспедиции. // АО 1983 года. М., 1985; Фролов А.С. Работы в Калужской области. // АО 1985 года. М., 1987; Прошкин О.Л. Отчет об археологических разведках в Малоярославецком и Боровском районах Калужской области в 1987 г. // Архив ИА АН СССР, Р—1, № 12001.

5. Номера списка археологических памятников соответствуют номерам на карте - схеме рисунка 1.

6. Смирнов К.А. Дьяковская культура. // Дьяковская культура. М., 1974. С. 33.

Стр.11.

7. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 132.

8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей 14—16 вв. М. — Л., 1950.

9. Далее в письменных источниках упоминается как Ярославец Малый.

Н. Ю. Фролова.

О месте захоронения князя Василия Ярославича боровско-серпуховского

В северном углу солеи Архангельского собора Московского Кремля находится захоронение боровско-серпуховского князя Василия Ярославича. Выбор места для его гробницы вызывает определенный интерес. Архангельский собор с 14 века становится усыпальницей князей московской династии, а также удельных князей, находившихся в прямом родстве с князьями московского дома. Сложившаяся четкая система захоронений, по-видимому, не была нарушена и при строительстве на месте обветшавшего храма

времени Ивана Калиты нового Архангельского собора в 1505—1508 годах. По этой системе у южной стены полагалось хоронить прежде всего великих князей московских. Здесь находится 12 гробниц с 11-ю погребенными. Среди наиболее известных исторических лиц в соборе положены: Иван Калита, Дмитрий Донской, Иван III, Василий III. Две гробницы в юго-западном углу — это захоронения удельных князей: сына Ивана Калиты князя Андрея и его сына Владимира Храброго. Гробница Андрея Ивановича хотя и прилегает к южной стене, в то же время открывает новый ряд захоронений — гробниц удельных князей. Именно так определяют эту группу погребений письменные источники 16 века.¹ Причем гробницы удельных князей были сосредоточены только у южного отрезка западной стены.² Северная ее половина долгое время оставалась свободной от погребений. Такое тяготение гробниц к южной стороне храма, где хоронили великих московских князей, объясняется выбором

1. ПСРЛ. Т. XIII, ч. I. СПб., 1904. С. 6—8.

2. Сизов Е.С. К атрибуции княжеского цикла, в росписях Архангельского собора. // Материалы и исследования ГММК. Вып. II. М., 1976. С. 66.

Стр.12.

более достойного места захоронения в соответствии с эсхатологическими воззрениями средневековья.³ У западной стены в 12-ти гробницах покоятся останки четырнадцати князей. У северной стены было устроено всего пять гробниц с пятью захоронениями. Это место отводилось для опальных сородичей московских государей. Учитывая эту исторически сложившуюся иерархическую систему погребений, естественно поставить вопрос — почему гробница Василия Ярославича боровско-серпуховского оказалась у северной стены в соседстве с опальными предками, но в непосредственной близости к алтарной части, перед иконостасом собора? Расположение захоронений вблизи алтарной части указывало на особые почести, возданные погребенному (рис. 3). Василий Ярославич боровский — фигура для своего времени заметная. Он приходился внуком Владимиру Андреевичу Храброму — герою Куликовской битвы (который, в свою очередь, был внуком Ивана Калиты), то есть Василий Ярославич — ближайший родственник князей московского дома. Первое упоминание о нем встречается в 1432/33 годах в связи с оформлением договорной грамоты — «докончания» — с Василием Вторым.⁴ Договорная грамота закрепила за Василием Ярославичем Углич, Городец, Козельск, а также серпуховско-боровский удел, который вследствие беспотомственной кончины четырех сыновей Владимира Андреевича Храброго сосредоточился в руках его внука.⁵ Василий Ярославич называет великого князя старшим братом и отцом, обязывается держать под ним княжение честно и грозно.⁶ В 1445 году Василий Ярославич принимает участие в походе московского князя против татарского хана Улу-Махмета.

Но не только служба и общие предки связывали Василия Ярославича с московскими князьями. Он оказывается с Василием II в еще большем родстве, становясь зятем великого московского князя, после того как тот женится на его сестре Марии Ярославне.

3. Он же. Русские Исторические деятели в росписи Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // ТОДРЛ. Т. XXII. М. - Л., 1966. С. 264.

4. ДДГ.М., 1950. С. 70.

5. Соловьев С.М. Сочинения. Т. II. С. 455.

6. ПСРЛ. Т. XII. С. 68, 232.

Стр.13.

В междоусобной войне, когда Василий II был пленен и ослеплен Дмитрием Юрьевичем Шемякой, Василий Ярославич вместе с князем Семеном Ивановичем

Оболенским бежал в Литву, где получил богатые кормления: Брянск, Стародуб, Гомель, Мстиславль.⁷ Осенью 1446 года Василий Ярославич и другие московские выходцы, жившие в Литве, выступают в поход, целью которого было освобождение Василия II, заключенного в Угличе. Роль преданного ближайшего союзника Василия Темного позволила князю Василию Ярославичу значительно расширить свои земельные владения. Он получает Дмитров, Красное село, Бежецкий Верх, Суходол. Впоследствии он отдает Дмитров назад великому князю, за что получает Звенигород.⁸

Наученный горьким опытом Смутного времени, Василий II Темный, видимо, стремится всемерно укрепить свою власть и обезопасить московский престол от возможных новых посягательств. Бывшие союзники в его глазах теперь становятся опасны. Из удельных князей всех беспокойнее мог быть Василий Ярославич боровско-серпуховской, именно потому, что оказал большие услуги великому князю, и, следовательно, имел большие притязания на благодарность и уступчивость последнего.⁹

В 1456 году боровский князь был схвачен в Москве и заточен в Углич, откуда впоследствии (1462 год), после неудачной попытки его освобождения переведен в Вологду, где и умер в «железах». Земли Василия Ярославича перешли во владения великого князя московского — боровский удел прекратил свое существование как самостоятельная административная единица.

Летописцы не объявляют вины боровского князя, одна только Степенная книга глухо говорит: «за некую крамолу».¹⁰ Старший сын Василия Ярославича Иван Васильевич бежал в Литву, где встречался с другим опальным князем Иваном Андреевичем Можайским. Общая беда объединяет изгнанников. С.М. Соловьев считает, что из составленной князьями договорной грамоты следует, что Василий Ярославич боровский был схвачен по наговору и сын его требовал от

7. СГГД. Т. I. М., 1818, № 45

8. Там же. № 48.

9. Соловьев С. М. Ук. соч. С. 407.

10. ПСРЛ. Т. XXI. СПб., 1913. С. 572.

Стр.14.

союзника, чтобы он способствовал восстановлению чести и доброго имени его отца.¹¹

В 1462 году дружинники боровского князя задумали освободить своего господаря, однако заговор не увенчался успехом, заговорщиков постигло суровое наказание. Летопись свидетельствует: «Тое же весны, в великое говение, прииде весть князю великому, что княжи Васильевы Ярославича, и дети боярьские и иные дворяне хитростью коего хотеша государя князя выняти с Углича... И повеле князь великий имать их, казнити, бити и мучати, и конми волочити по всему граду и по всем торгом, а последи повели им головы отсеци».¹²

Если верить дате, указанной на гробнице Василия Ярославича в Архангельском соборе, смерть его наступила 17 марта 1462 года, то есть вскоре после безуспешной попытки освобождения. (Однако по поводу его смерти есть и другие данные).¹³ 28 марта того же 1462 года скончался в возрасте 47 лет великий князь московский Василий II Васильевич. Его захоронение расположено традиционно у южной стены, но на солее собора, перед иконостасом. Таким образом, видимо, была отмечена его роль в деле собирания земель вокруг Москвы. Василий II за годы своего правления сумел соединить в одних руках все уделы Московского княжества. Кроме того, именно в это время окончательно закрепляется новый порядок наследования великого княжения: от отца к сыну, а не от брата к брату.

На фоне всего вышеизложенного Василий Ярославич предстает, как фигура трагическая, жертва политики централизации, проводимой московским домом. Попытка его освобождения в Угличе говорит о сочувствии современников его участи.

Выбор места для гробницы на солее (симметрично гробнице Василия II) нельзя объяснить отсутствием мест у западной стены. Ко времени погребения Василия Ярославича южный отрезок стены еще не был заполнен. К тому же, как отмечалось выше, сложившаяся система погребений не до-

11. Соловьев С.М. Ук. соч. С. 408, 602.

12. ПСРЛ. Т. XXIII. С. 157.

13. Экземлярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в Татарский период с 1238 по 1505 гг. Т.2. СПб., 1981. С.311-312.

Стр.15.

пускала случайностей.

По-видимому, Василию Ярославичу посмертно воздавалось должное за его заслуги в междоусобной войне, учитывалось при этом не столько ближайшее родство с великим князем, сколько его мученическая кончина.

Преемник Василия II Иван III (приходившийся племянником Василию Ярославичу) оказывает посмертные почести опальному боровскому князю из политических соображений, чтобы лишний раз в глазах современников утвердиться как правитель мудрый и праведный.

В 1508 году по завершении строительства нового собора Архангела Михаила прах князей вновь занял свои места — «у тех же дверей перед Покровом лежит князь Василий Ярославич».¹⁴

В. Г. Пуцко.

Боровские иконы 16 века

Казалось бы, говоря о древнем Боровске, можно долго внимательно перечислять его художественные сокровища. В действительности город опустошен, и причем опустошен настолько основательно, что совершенно напрасными окажутся поиски здесь даже последних следов богатейшей некогда ризницы Пафнутьева монастыря и щедро наполнявших местные храмы икон. Все вывезено либо уничтожено. И для того, чтобы получить даже какое-либо представление о боровской иконописи, надо разыскать ее немногочисленные образцы в музейных хранилищах Москвы.

Сегодня не может быть и речи о том, чтобы осветить развитие иконописания в самом Боровске в 16—17 веках: возможно, старожилы еще помнят имена местных иконописцев-старообрядцев рубежа 19—20 веков и их произведения, но и эти сведения в значительной степени уже унесены в могилу. Можно говорить лишь об иконах, исторически связанных с Боровском. Несмотря на их случайный подбор и явную разнородность, все же стоит им уделить внимание: ведь это живые страницы истории духовной культуры города, частица его прошлого, несущая отблески яркого рассвета искусства Московской Руси.

Прошлое Боровска документировано письменными ис-

14. ПСРЛ. Т. XXIII. С 197-198.

Стр.16.

точниками преимущественно с 17 века.¹ Однако часть памятников изобразительного искусства относится к более раннему времени. Между 1467—1477 годами выполнение росписей первого каменного храма Пафнутьев-Боровского монастыря было осуществлено живописцами Митрофаном и Дионисием, деятельность которого затем оказывается связанной преимущественно с Москвой; уже в последний период своей жизни он вместе с сыновьями выполняет фрески храма Рождества Богородицы в Ферапонтове монастыре. В отличие от последних, являющихся одним из центральных памятников искусства Московской Руси, боровские стенописи разобранного в конце 16 века монастырского

храма существуют лишь в виде незначительных разрозненных фрагментов, оставшихся скорее историческими реликвиями, чем собственно художественными произведениями. Все это объясняет и вместе с тем оправдывает изучение боровских икон, начиная «с середины» их воображаемого ряда, пока не собранного и, естественно, не упорядоченного. Говоря иными словами, приходится идти на ощупь там, где еще несколько десятилетий тому назад существовала возможность разгруппировки реально сохранившегося материала. Сегодня в распоряжении исследователя лишь несколько икон, датированных 16 веком. Именно о них здесь пойдет речь.

Самые ранние из числа известных ныне икон, исторически связанных с Боровском, до недавнего времени было принято считать московскими произведениями 2-ой половины 15 века.² Однако их сопоставление с широким кругом собственно московских образцов иконописания 15—16 веков показало ненадежность ранее принятых датировок, противоречащих хронологической шкале этапов общего процесса. Ныне три иконы, происходящие из старообрядческой церкви Покрова Богоматери в Боровске, принято относить к 1-ой половине 16 века.³ Две из этих икон, хранящихся в Госу-

1. Боровск. Материалы для истории города 17—18 столетий. М., 1888; «Боровская десятина». // Калужская старина. Т. 4. Калуга, 1905; Там же. Калуга. Т. л. 1910.

2. Дионисий и искусство Москвы 15—16 столетий. // Каталог выставки. №№ 9, 12. Л., 1981.

3. Русская икона 14—16 веков. Государственный Исторический Музей. Москва. Л., 1988. С. 16, 19, табл. 42, 43, 78 —80.

Стр.17.

дарственным Историческом Музее в Москве с 1940 года, являются частью небольшого деисусного чина; третья икона билатеральная, выносная.

Деисусные иконы с изображениями в рост Богоматери (размером 82х31 см) и св. Николы (размером 86 х 36 см) написаны на цельных липовых досках с односторонней шпонкой. Вытянутые пропорции фигур, акцентированный силуэт характерны для икон постдионисиевского круга, хронологически не выходящих за пределы 1-ой трети 16 века. В остальном же обе боровские иконы имеют весьма мало общего с рафинированной живописью Дионисия и его ближайших последователей. Иконы выдают все признаки индивидуальной манеры письма двух различных мастеров. Различным оказывается рисунок, в какой-то мере колорит, и даже уровень поэма, что отчасти ставит под сомнение изначальную принадлежность обеих икон одному иконостасному ряду. По крайней мере, нельзя исключать сборный характер икон, которыми был укомплектован иконостас боровской церкви Покрова. (Рис. 4. Рис. 5.).

Хотя сохранность живописи упомянутых икон далека от идеальной, все же будет небесполезным сделать некоторые наблюдения над ее общим характером. Контур фигуры Богоматери, представленной по обычаю в молении, с простертыми просительными перед грудью маленькими изящными кистями рук, очень плавный. Фигура в целом мастерски вписана в пространство ковчега, так что голова, кисть левой руки и свисающий за спиной край мафория хотя и достаточно близко, но не вплотную, подходят к лузге. Только обрамляющий голову нимб немного заходит за поля. Изящество и грациозность отличают изображение в целом, благодаря достигнутой иллюзии свободного пространства вокруг и мягкому сдержанному колориту с пригашенным вишневым и изумрудно-зеленым тонами. Они тонко сочетаются с золотисто-охряным. По сравнению с этой иконой вторая, с изображением свт. Николы, кажется более архаичной и провинциальной. Может быть, и не стоит придавать преувеличенное значение темному оттенку лица и кистей рук. Однако суровость колорита оказывается столь очевидной, что ее не могут смягчить и теплые

розоватые и алые тона, равным образом и декоративные элементы. Маленькая, выступающая силуэтом голова делает фигуру несколько грузной. Ей

Стр.18.

как бы тесно в пределах пространства ковчега, даже несмотря на то, что ступни ног достаточно далеко отстоят от лузги, которой не касаетсяверху голова, а расстояние с боков оказывается еще большим. Причина этого впечатления заключается отчасти в характере несколько изломанного рисунка, подчеркнуто декоративного элемента в оформлении епископского облачения. Епитрахиль и палица-епископский (перемещенная иконописцем на левое бедро) щедро усыпаны камнями и покрыты жемчужной обнизью; судя по отчетливо заметным следам, белую фелонь первоначально украшали равноконечные кресты. Подобно епитрахили оформлена и крышка переплета кодекса Евангелия с алым обрезами. Фон имеет редкий и для московской иконописной традиции мотив стилизованных облаков.⁴ Жест адорации правой руки свт. Николы позволяет предположить, что эта икона была замыкающей девятичастный деисусный чин (в обязательном порядке включавший изображения Спаса во славе, Богородицы, Иоанна Предтечи, двух архангелов, апостолов Петра и Павла), общая протяженность которого составляла примерно 3,5 м.

Как стилистические признаки, которые уже были отмечены, так и активное использование прозрачных слоев красок, применение тонких белильных движений, более активно используемых в письме иконы свт. Николы, говорят о том, что наиболее вероятным временем создания обоих произведений могли быть первые два десятилетия 16 века. Иконописцы мастерской, из которой вышел этот деисусный чин, несомненно, находились в русле дионисиевских традиций, хотя воспринимали их неоднозначно.⁵ В указанный период, как известно, проходил интенсивный процесс взаимодействия различных локальных художественных традиций, вызванный осуществленным московским великокняжеским правительством массовым переселением новгородцев. В живописи боровских чиновых икон скорее можно разглядеть сое-

4. Ср.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи Гос. Третьяковской галереи. Т. 1, № 238. М., 1963.

5. Наиболее четкая характеристика состояния московского иконописания этого периода содержится в кн.: Мнева Н. Е. Искусство Московской Руси. Вторая половина 15—17 вв. М., 1965. С. 29—54.

Стр.19.

динение двух тенденций, утвердившихся в самом московском иконописании. Они в какой-то мере более выражали индивидуальный характер манер мастеров, воспитанных на усвоении не только стилистически, но и качественно новых образцов.

Единственно, что можно утверждать с определенностью — так это тяготение указанных двух икон к произведениям московского иконописного ремесла. Ареал его распространения был весьма широким и отнюдь не ограничивался одними прилежавшими к Москве землями. В частности, он охватывал и так называемые калужские письма (по старообрядческой терминологии).⁶ Боровск по существу всегда был московской провинцией и в политическом, и в культурном отношении. Поэтому нет необходимости и смысла стремиться к выяснению места выполнения каждой боровской по происхождению иконы. Существеннее определить ее место в искусстве эпохи.

Происходящая из той же Покровской церкви в Боровске выносная двухсторонняя икона (размером 61х57 см), первоначально имевшая ручку внизу, предназначалась для ношения в крестных ходах, процессиях вне храмов, а в остальное время находилась в алтаре за престолом. На одной стороне цельной липовой доски, имеющей с обеих сторон

ковчег, а также расширяющееся ступенчатое основание, изображен Спас Нерукотворный, на другой — Богоматерь Знамение. Это сочетание сюжетов для двухсторонних икон не является устойчивым: на оборотной стороне чаще всего изображали крест.⁷ Таковы, в частности, иконы Владимирской Богоматери и Спаса Нерукотворного (12 век), икона Богоматери Знамение, выполненная в 1530-е годы в макарь-

6. Древние иконы старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. М., 1956. С. 16. Илл. 19, 20. Обе иконы из деисусного чина с изображениями святых Василия Великого и Иоанна Златоуста (размером каждая 110х35 см) не 14 века, а начала 16 века.

7. Грабар А. Источники на византийската живопис от XIII и XIV в. // Избрани съчинения. Т. 2. София, 1983. С. 311—315. Табл. 258—261,

Стр.20.

евской мастерской.⁸ Но наряду с этим существовала на Руси традиция помещать на оборотной стороне выносных икон изображениями Богоматери Знамение фигуры различных святых.⁹ В монастыре св. Неофита на Кипре сохранились иконы конца 12 века с изображениями Христа и Богоматери с крестами на оборотной стороне каждой, со следами отпиленных рукоятей. Следовательно, уже в указанное время в Византии установился обычай помещать эти выносные иконы у алтаря либо за престолом, как это имеет место в практике русских старообрядцев. На иконе из Боровска оба изображения соединены на одной доске. Вряд ли следует настаивать на исключительности представленного сочетания образцов, обладающего глубоким внутренним смыслом. Но пока ему не найдены аналогии среди количественно небольшого числа русских выносных икон 12—16 веков. Насколько можно судить по данным доступного нам материала, с 16 века преобладают выносные иконы, имеющие на одной стороне образ Богоматери с младенцем, а на другой — изображение св. Николы.

Появление на русских двухсторонних иконах образа Спаса Нерукотворного обязано древней христианской традиции, восходящей к концу 6 века, когда это изображение, хранившееся в Эдессе, было торжественно носимо по городам малой Азии. Оно почиталось как первоначальное, подлинное изображение лика Христа, отпечатавшегося на полотне — убрусе, предопределившее всю последующую иконографию Спаса.¹⁰ Эта иконография, тем не менее, с течением времени претерпела значительную эволюцию, что достаточно отчетливо прослеживается и по русским памятникам с изображе-

8. Живопись домонгольской Руси. // Каталог выставки. М., 1974. №№ 7, 23; Антонова В. И., Мнева Н. Е. Ук. соч. М., 1963. № 516.

9. Живопись... М., 1974. №№ 8, 9; Древнерусская живопись. Новые открытия (из частных собраний). // Каталог выставки. М., 1975. № 38 (1535 г.); Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери. 14—16 века. М., 1979. №40.

10. Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник, Т. 1. СПб., 1905. С. 14—18; Грабар А. Н. Нерукотворный Спас Ланского собора. // Зография. Т. 3. Прага, 1930.

Стр.21.

ниями Спаса на убрусе. Поэтому вряд ли надо детально сопоставлять боровскую икону с новгородским Спасом Нерукотворным 12 века, либо с ростовским образом начала 14 века. Известно, что с 15 века на Руси преобладает иконографический вариант, носящий название «Мокрая брада». Его основными признаками служат вытянутые пропорции, острый силуэт, упрощенность контуров, а также большей частью собранный в мелкие складки плат. Эти черты есть и в изображении на иконе из Боровска. Кроме того, надо

отметить двухцветный крест, вписанный в нимб, окружающий голову Спаса. Русские иконы Спаса Нерукотворного в иконографическом отношении отличаются большим разнообразием.¹² Боровское произведение в основном наиболее соотносится с тем вариантом, который представлен на одной из «Софийских таблеток» — икон-святцев Софийского собора в Новгороде, выполненных в конце 15 века.¹⁸

На другой стороне иконы находится, как было сказано, изображение Богоматери Знамение, с младенцем перед грудью, без щитка (вариант Воплощение). В отличие от чтимой новгородской иконы 12 века, где Христос представлен в медальоне, рассматриваемый вариант получил преимущественное распространение в византийском искусстве эпохи Палеологов и в русской иконописи 15—16 веков.¹⁴ Характерно, что он встречается даже в тех случаях, где мыслится именно древняя новгородская реликвия.¹⁵ Таким образом, в целом и

11. Дурново Л. А. Икона Спаса Нерукотворного. // Материалы по русскому искусству. Т. 1. Л., 1928. С. 49—51,-

12. Ср.: Качалова И. Я. Икона Спас Нерукотворный в Успенском соборе Московского Кремля. // Памятники культуры. Новые открытия. 1975. М., 1976. С. 181 — 185; Музей древнерусского искусства имени.

13. Лазарев В. Н. Страницы истории новгородской живописи. Двусторонние таблетки из собора св. Софии в Новгороде. М., 1977.

14. Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. 2. Пг., 1915. С. 105, 116—117.

15. Смирнова Э. С. О местной традиции в новгородской живописи 15 в. Иконы с избранными святыми и Богоматерью «Знамение». // Средневековое искусство. Русь, Грузия. М., 1978. С. 193—211. 22

Стр.22.

тематика, и иконография выносной боровской иконы как будто указывают на новгородские истоки. Между тем два шестикрылых серафима по сторонам головы Богоматери составляют чаще всего принадлежность ее образа, входящего в состав пророческого ряда иконостаса.¹⁶ Это обстоятельство позволяет подчеркнуть, что боровская икона не является списком определенного чтимого образа Богоматери Знамение, точно воспроизводящим все его детали.

Теперь следует сказать о самой живописи двухсторонней иконы из Боровска. Она отличается правильным рисунком и мягкой золотисто-оливковой гаммой, соединенными с высоким профессиональным мастерством исполнения. Правда, здесь нет утонченности московских образцов, но изображения выполнены уверенной рукой, с каким-то особым трепетным чувством, позволяющим иконописцу выразить восприятие священного образа. Как и в уже описанных двух боровских иконах, изображения здесь столь же плотно заполняют пространство. Но в изображении Спаса Нерукотворного это происходит главным образом за счет распростертого белого плата с декоративно обозначенными коричневатыми линиями - складками внизу и в верхних углах, широкого золотого нимба с двухцветным обычным крестчатым делением (несколько смещенного вправо) и ниспадающих волнистых прядей длинных русых волос, прорисованных желтой краской — аурипигментом. Богоматерь с молитвенно воздетыми руками головой, окруженной золотым нимбом, буквально упирается в валик обрамления. Если светлое пространство фона вверху заполняют силуэтные изображения серафимов, то тяжеловесность форм фигуры облаченной в синий хитон и вишневым мафорий Богоматери существенно ослабляется благодаря помещению перед ней светлого и изящного изображения Христа Эммануила в почти белом хитоне и алом гиматии, держащего свиток в левой руке и благославляющего правой. Лица написаны мягко, как бы под сурдинку. Необычайная эмоциональность проглядывает в этих печальных обликах Спаса и Богоматери, тонко

моделированных, предельно сдержанных в своем цветовом звучании. Черты лиц отличаются мягкостью; тонкие, немного изогнутые носы, плавные, высоко поднятые дуги бровей, припухшие губы

16. Певницкий В. Св. Григорий Двоеслов: его проповеди и гомилетические правила. Киев, 1871. С. 198—199.

Стр.23.

маленького рта, плотно прилегающие мочки ушей — достаточно наглядно выражают особенности индивидуальной манеры письма выполнившего эту икону мастера.

Поскольку описанная выносная икона из Боровска, написанная плотными красками, заметно отличается от произведений несомненно московского происхождения, логически как будто следует локализовать ее именно тем городом, с которым она была исторически связана. Живопись заметно тяготеет к так называемой среднерусской художественной традиции, объемлющей по существу иногда довольно разнохарактерные явления. Что касается датировки, то по формальным признакам наиболее приемлемой представляется 2-я четверть 16 века. Здесь нет резкого разрыва с живописным языком двух икон из деисусного чина, но в то же время оказываются налицо новые тенденции, утверждающиеся в иконописании середины 16 века, учитывающем уже предписания Стоглавого собора 1551 года.¹⁷

Попутно следует заметить, что при определении места той или иной иконы в общем художественном процессе важная роль принадлежит выявлению его закономерностей и точно датированным памятникам. Традиционные же датировки необходимо проверять, убеждаться в надежности оснований, на которых они высказаны, а при их отсутствии нецелесообразно принимать в расчет.

В отличие от рассмотренных, существует еще несколько икон 16 века, из которых две поступили в Государственную Третьяковскую Галерею в 1940 году из Пафиутьев-Боровского монастыря,¹⁸ а три связаны с этим же монастырем по косвенным признакам принадлежности ему.¹⁹

Небольшая по размерам (47 х 36 см) икона с оплечным изображением Спаса выполнена на еловой доске с одной врезной сквозной шпонкой. Округлое лицо, выполненное с розовато-желтым вохрением, с подрумянкой, с мелкими

17. Успенский Л.А. Московские соборы второй половины 16 века. // Вестник русского Западно-Европейского патриаршего экзархата. №№ 56—58. 1969; Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х — 70-х годов 16 в. М., 1972.

18. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Т. 2, № 570.

19. Там же. №№ 567—569.

Стр.24.

движками и резкими санкирными тенями, типологически восходит к известной раннемосковской иконе «Спас Ярое Око», датируемой серединой 14 века.²⁰ По существу, это ее сильно адаптированное повторение, скорее всего опосредованное рядом промежуточных списков, таких, как входящий в собрание П.Д. Корина.²¹ Одежду составляют серо-зеленоватый гиматий и красный с голубыми пробелами хитон. Охряной нимб имеет особенность: его крестчатое деление покрывает наискось в три ряда красные и зеленые полосы, фон и поля желто-охряные, довольно яркого оттенка. Икона явно выполнена мастером «средней руки». Манера письма суховатая, без того живописного чутья, которое отличает творчество незаурядных иконописцев. Как ее особенность следует выделить энергично подчеркнутые светотенью надбровные дуги и мускулы лба.

Весьма вероятно, что поскольку эта икона копирует более ранний оригинал, ее архаизированный облик не совсем соответствует художественному стилю времени выполнения. Как бывает в подобных случаях, иконописец не во всем сохраняет последовательность, и невольно в его письме проступают приемы, характерные для живописи середины 16 века, конечно, не в столичном ее варианте.²² Но в целом датировка произведения 1-ой половиной 16 века вряд ли может быть оспорена, в отличие от утверждения, согласно которому икона якобы по стилю и характеру живописи восходит к выносной иконе из Боровска, снабженной фантастической датировкой — середина 15 века.²³

Икона Симеона Богоприимца (размером 31x14 см) некогда находилась в собрании А.С. Уварова.²⁴ Мотивы отнесения ее к продукции иконописцев Пафнутьев-Боровского монастыря не совсем ясны, тем более, что облик святого не столь уж схож с иконописными изображениями основа-

20. Попова О.С. Икона «Спас Ярое Око» из Успенского собора Московского Кремля. // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 19д7. С. 126—148.

21. Антонова В.И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. № 3.

22. Ср.; Там же. № 33.

23. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог... Т. 2. С. 171.

24. Каталог собрания древностей гр. А.С. Уварова, отд. 4—6. М., 1907. С. 126, № 87; Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог... Т. 2, № 568.

Стр.25.

теля этой обители, что, кстати, вовсе не требовалось для образа Симеона Богоприимца, имевшего свои типологические черты. Иконная доска липовая, с двойным ковчегом, чаще всего встречающемся в памятниках иконописи московского круга 3-й четверти 16 века. На иконе в углублении ковчега погрудно изображен старец с лицом, повернутым в три четверти вправо, обрамленным длинной окладистой бородой и прядями густых волос, ниспадающими на плечи. Крупные кудреватые пряди бороды и плавные пряди волос выделены белильными мазками. Зеленоватый хитон с серо-голубоватыми пробелами. Погрудное изображение, плотно заполняющее углубление меньшего ковчега, контрастно выделяется на золотом фоне. Сопроводительная надпись справа и вверху на полях скорее производит впечатление пометы, предназначенной быть покрытой впоследствии металлическим окладом. Праведного Симеона обычно изображали на иконах держащим Младенца-Христа.²⁵ Но в целом иконография, по-видимому, не была устойчивой, что доказывает сопоставление рассматриваемой иконы с атрибутированной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря, на которой Симеон таких же размеров изображен прямолично, с покрытой головой.²⁶ Оба произведения обнаруживают и стилистическое сходство, что наводит на предположение о принадлежности этих икон к продукции одного и того же художественного центра, которым могла быть Москва. Впрочем, московские мастера в середине и 3-й четверти 16 века работали везде, и поэтому попытки локализации здесь могут оказаться совершенно безуспешными, тем более, что это была эпоха существования общерусского стиля (Рис. 6).

Иное дело, что обе эти иконы жесткой манеры письма напоминают отчасти работы балканских мастеров. Но последние могли работать и на Руси. Наконец, существовал и художественный импорт. Из придворного московского делопроизводства 16 века достаточно хорошо известно о «помин-

25. Русская икона 14—16 веков. Табл. 54.

26. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог... Т. 2, № 632. Не исключено, что это изображение не праведного Симеона, а преподобного Симеона Немани, тем более что

более соответствует его иконографии. См.; Милошевич Д. Срби светители у старом сликарству. // О Србљаку, Студийе. Београд, 1970. С. 149—150.

Стр.26.

ках», которые подносили Ивану Грозному обращавшиеся к нему за материальной помощью представители различных греческих и славянских монастырей. Неужели все привезенные иконы погибли? Или они так затерялись в массе русских, что не всегда опознаются и теперь?

Еще одна икона, представляющая мыслимую продукцию мастерской Пафнутьев-Боровского монастыря, — это многофигурная сложная композиция «О тебе радуется», выполненная во 2-ой половине 16 века на липовой доске (размером 31х27 см.)²⁷ Ее отличает изящное мастерское письмо, выдержанное в зелено - коричневой гамме. На полях, покрытых серебряной басмой, представлены попарно московские святители Петр и Алексей, а также преподобные Иосиф Волоцкий и Пафнутий Боровский. Если бы бытование этого произведения в боровском монастыре было подкреплено данными различных описей, все вопросы, связанные с ее происхождением, отпали бы сами собой. Но пока включение преподобного Пафнутия Боровского в ряд иных московских святых, изображенных на полях, не дает ровным счетом никаких оснований предполагать в Боровске этой иконы. По стилю она скорее сближается с продукцией придворных мастерских. Достаточно хотя бы ее сравнить с такими образцами, как «Четырехчастная» икона Благовещенского собора, «Распятие в притчах», «Обновление храма», написанными в 1547— 1551 годах (Рис. 7).

Последние из связываемых с Боровском своим происхождением икон относятся также ко 2-ой половине 16 века, если не к концу столетия. Речь идет о двух (размером 229х85 см) иконах с изображениями в рост святых князей Бориса и Глеба.²⁸ Они входили в состав деисусного чина главного иконостаса собора Пафнутьев - Боровского монастыря, и, можно сказать, представляют едва ли не единственный его остаток. Иконы написаны на липовых досках с врезными односторонними шпонками. Произведения, до недавнего времени остававшиеся под записями, еще ожидают своего детального изучения. Но судя по ранее раскрытой иконе князя Глеба, это характерные произведения «годунов-

27. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог... Т. 2, № 569.

28. Там же. № 570.

29. История русского искусства. Т. 3. М., 1755. С. 642. Ил. на с. 641.

Стр.27

ской школы».²⁹ Они важны в том отношении, что подтверждают существование тесных связей монастырских живописцев с придворными мастерскими. Думается, едва ли это можно сказать о характере икон из боровских посадских церквей.

На этом сегодня приходится закончить разбор икон, имеющих реальное, либо предполагаемое отношение к Боровску 16 века. Вполне вероятно, что будут обнаружены новые памятники. Известно и о существовании происходящих из Боровска икон 17 века, ждущих реставрации и изучения. Одним словом, это один из первых шагов в осмыслении боровского иконописного наследия.

Иконописание представляет яркую страницу духовной жизни каждого древнерусского города. В истории Боровска эта страница была особой, написанной, с одной стороны, руками придворных мастеров, с другой — представителями самых широких демократических слоев, которые, кстати, выступали ценителями иконописного искусства традиционного направления и тогда, когда аристократические верхи предпочитали вошедшее в моду следование западноевропейским художественным вкусам.

Преобладавшее среди боровского населения старообрядчество цепко держалось за отеческие предания, и здесь можно было бы рассчитывать на более богатый фонд древних памятников, если бы не случилось неповторимое, слишком хорошо известное, чтобы говорить о нем подробно.

А. К. Ларин.

Калужские иконописцы 17 века.

История не сохранила для потомков сведений о том, когда на калужской земле появились иконописцы. Да это и немудрено — ведь сколько бурь промчалось над многострадальной нашей стороной, беспощадно уничтожая создания рук наших талантливых предков!

Своего рода эпохой Возрождения стал для России 17 век, особенно во время царствования второго государя династии Романовых — Алексея Михайловича. Жесткая антиклерикальная политика, взятая в последние десятилетия на вооружение советской историографией, искажала истинное историческое прошлое нашей Родины, сознательно нивелировала личность; налицо была тенденция к забвению исторической фактографии многих славных страниц прошлого.

Стр.28.

Тем отраднее сегодня видеть резко возросший интерес русских людей к своей истории, к отысканию своих глубинных корней.

Будучи весьма просвещенным для своего времени человеком и всерьез заботясь о развитии национальной литературы и искусства, государь Алексей Михайлович предпринимает для этого решительные и дальновидные шаги. Вспомним, например, основание им (при непосредственном участии стольника Федора Михайловича Ртищева) школ и ученого братства при Андреевском монастыре, явное поощрение деятелей литературы.¹ Расширяется деятельность Оружейной палаты, которая из царских оружейных мастерских становится центром художественных ремесел,² или, по меткому выражению академика И.Э. Грабаря, своеобразным прообразом Академии Художеств.

Именно при Алексее Михайловиче происходит невиданный расцвет живописи: в кремлевских соборах ведется большая работа по реставрации фресок.³

«168-го года (1660 г. — А.Л.) генваря в 12 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великий и Малыя и Белыя Росии указал свое государево богомолье соборную Архангельскую церковь дописать вновь нынешним летом стенным письмом».⁴ Для общего руководства работами был назначен старейшина иконописцев Оружейной палаты Степан Резанец,⁵ основной задачей которого было составить смету предстоящей росписи, куда необходимо было включить все нужные для того материалы, краски, кисти, лес для подвязей, левкас и многое другое. В его же

1. Румянцева В.С. Ртищевская школа. // Вопросы истории. № 5. 1983.

2. Государственная Оружейная палата Московского Кремля. // Сборник научных трудов по материалам государственной Оружейной палаты. М., 1954.

3. Мнева Н.Е. Изографы Оружейной палаты и их искусство украшать книги. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

4. Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы 17 в. Т. 3. М., 1913. С. 157.

5. Там же.

Стр.29.

обязанности входило обеспечить необходимое количество мастеров-иконников. А поскольку во все времена недоставало иконописцев высокого мастерства, обратились к городovým мастерам.

Здесь следует, видимо, дать некоторые пояснения. Городовые иконописцы, вызываемые в Москву для исполнения работ по указанию Оружейной палаты или исполнявшие иконописные работы в провинции по царским указам, несли тем самым государственную повинность, причем характер этих вызовов был принудительным. Прибыв в Москву, иконописцы состояли на положении кормовых и, разделяясь на три статьи, получали: мастера первой статьи — по 3 алтына 2 деньги в день, второй — по 2 алтына 5 денег и третий — по 2 алтына 2 деньги.⁶

Во многие города были посланы грамоты, извещавшие воевод о готовящейся крупной работе и о необходимости прислать своих иконников в Москву. Получил такую грамоту и калужский воевода князь Никита Яковлевич Львов. Немедленно был послан ответ, текст которого гласил: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу холоп твой Никитка Львов челом бьет: В нынешнем, государь, во 168-м году апреля в 28 де(нь) прислана твоя великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца грамота из Оружейного приказа, за прописью дьяка Богдана Арефьева, в Калугу ко мне холопу твоему, а по той твоей великой государя грамоте велено калужским и монастырским и всяких чинов людей иконописцам, учиня роспись, что есть всех на лицо, и дать их на крепкие поруки с записми и прислати к тебе великому государю с приставом апреля к 20-му числу. И по той твоей великого государя грамоте калужских иконописцев велел я холоп твой сыскати всех и велел их дать на поруки с записми, а за порукою выслал их к тебе великому государю к Москве с сею отпискою вместе мая в 4 де(нь) нынешнего 168-го году с приставом с калужским стрельцом с Сенькою Вагою. А имян их роспись и поручные записи послал под сею отпискою, а отписку государь велел подать и приставу с иконники явиться в Оружейном приказе окольничему и оружейничему Богдану Матвеевичу Хитрову да стольнику Офо-

6. Там же. С.30.

насью Ивановичу Нестерову да дьяку Богдану Арефьеву». На обороте: «Взят к отпуску, а иконников записать в книгу».⁷

Здесь следует заметить, что неблизкий путь в Москву, отвратительные дороги, невыгодность работы, разлука с семьей на неопределенный срок — весь этот набор обстоятельств способствовал тому, что посылаемые иконописцы искали самые различные способы избежать этой поездки, убегая прямо в пути или скрываясь на это время в других городах. Чтобы предотвратить подобное, мастеров сопровождали приставы из стрельцов (как мы уже знаем, калужан сопровождал стрелец Семен Вага). Кроме того, этот пристав вез с собой поручные грамоты. Так кто же поручался за «благонадежность» иконников, едущих из Калуги? И как звали их — калужских иконописцев?

Читаем поручные грамоты... «Се яз Василий Алексеев сын Санин, да яз архангилской поп Назарей Васильев, да яз Васильевской поп Григорей Яковлев, да яз Никольской поп Антон Титов поручился есми по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу и грамоте из Оружейного приказа, за подписью дьяка Богдана Орефьева, калужские съезжие избы приставу Микитке Степанову по калужском иконнике по Константине Григорьеве в том, что стати ему за нашею порукою на Москве в Оружейном приказе перед окольничим и оружейничим перед Богданом Матвеевичем Хитрову, да перед стольником перед Офанасьем Ивановичем Нестеровым, да перед дьяком перед Богданом Орефьевым на тот срок апреля в 20 де(нь) не станет, и на нас на порутчиках пеня великого государя царя и

великого князя Алексея Михайловича (титул), а пени что великий государь укажет и маши порутчиковы головы в его иконниковы места, а на то послух Иван Иванов. А поручную запись писал калужской Стрелецкой избы подьячей Ивашко Яковлев лета 7168-го году апреля в де(нь). «На обороте: «Взять к отписке. Калужской Архангельской поп Назарей Васильев ручал калужского посадцкого человека Константина Григорьева сына иконника и руку приложил. Васька Олексеев ручал и руку приложил. Послух Ивашка и руку приложил.»⁸

7. Там же. С. 163.

8. Там же.

Стр.31.

Итак, имя одного из иконописцев — Константин Григорьев. Сведений о нем в архивных документах Оружейной палаты мало. Известно лишь, что он был иконописцем второй статьи; «был у стенного письма» в Архангельском соборе в 1660 году, а в следующем, 1661 — работал «в набережном терему, у государевых знамен и в Золотой палате».⁹

Теперь обратимся к следующей поручной записи, что вез в своей дорожной суме стрелец Семен Вага. «Се яз Василий Иванов сын Медведев, да яз Кузьма Юрьев, да яз Тимофей Алексеев сын Селзонкин, да яз Иван Обросимов кузнец, да яз Самойла Остафьев сын сапожник, да яз Гаврило Сафонов сын хлебник, да яз Микита. Обакумов, да яз Иван Богданов, да яз Оке... Иванов сын Короткой, да яз Иван Федоров сын Лукавников, да яз Васильевской поп Григорий Яковлев поручился есми по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича (титул) указу и по грамоте из Оружейнова приказу, за приписью дьяка Богдана Арефьева, калужские Съезжие избы приставу Микишке Степанову по калужских икониках по Елисее Данилове да по сыне его Парфену в том, что стати им за нашею порукою на Москве».¹⁰ (далее по тексту предыдущей поручной записи, с приложением на обороте рук поручителей).

В изданном в 1903 году исследовании Д.А. Ровинского «Обозрение иконописания в России»¹¹ о калужском иконописце Елисее Данилове сведений нет. Нет их в четырехтомном фундаментальном издании Д.И. Успенского «Царские иконописцы и живописцы 17 века». Но есть упоминания о Елисее Денисове, калужском иконописце третьей статьи, который вместе со своим сыном Парфеном «был у стенного письма в Архангельском соборе» в 1660 году.¹² Возможно, в поручной записи была допущена ошибка! Но пока на это ответа нет.

Следующая поручная запись поведала о том, что поручители Осип Антипов, сапожник Савелий Степанов, Иван Семенович Селзонкин, Иван Федорович Мазин, Кирилл Кириллович Афончиков (не прародитель ли знаменитого калужского купца?), Аксен Иванович Короткой, Гаврила Дмит-

9. Там же. Т. 4. С. 62.

10. Там же. Т. 3. С. 163.

11. Ровинский Д.А. Обозрение иконописание в Росси и 1903г .

12. Успенский А.И. Ук. соч. М., 1913. С. 63.

Стр.32.

риевич Солодовник, Трофим Васильевич Хохол, и Иван Максимович Масагин берут на себя ответственность за иконописцев Максима Павлова и его сына Наума.¹³ Судя по документам, калужский иконописец третьей статьи Максим. Павлов в 1660 году вместе с сыном Наумком был у степного письма в Архангельском соборе, а в 1661 — «в набережном терему, у государевых знамен и в Золотой палате»¹⁴ (не с Константином ли Григорьевым?).

Из последующих записей мы узнаем имена иконописцев Марка Кузьмича, «Юды Павлова сына Тресоголового»,¹⁵ Дмитрия Тимофеевича Олферова (Алферова).¹⁶ Любопытно, что среди фамилий поручителей мы встретим здесь предков будущих калужских купцов — Захария Ивановича сына Золотарева, Кирилла Ивановича сына Коробова.¹⁷

Заслуживает внимание «сказка» калужских иконописцев, повествующая, надо полагать, об одном из самых старых изографов в Калуге того времени: «Лета 7168-го году мая в 3 де(нь), по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Великая и Малая и Белая России самодержца указу и по грамоте из приказу Оружейных палаты, в Калуге в Съезжей избе воеводе князю Никите Яковлевичу Львову да подъячему Василию Агееву: сказали калужский посадския люди иконники Елисей Денисов с сыном Порфеном, Максим Павлов с сыном с Наумком, Константин Григорьев, Макар Козьмин про калужского посадцкого человека про Григория Савина сына иконника, что тот Григорей стар и увечен и не видит, с государева с иконное и стенное письмо с токое дело его не будет, а в колужском уезде по монастырем и по селам есть ли иконники или нет, того мы не ведаем и в лицо их не знаем, то и наша сказка. А писал калужской посадцкой человек Амелька Гаврилов лета 7168-го году мая в 3 де(нь)». ¹⁸

А вот какая выписка сделана из поручных записей ка-

13. Там же. Т. 3. С. 165.

14. Там же. Словарь. С 197.

15. Там же. Т. 3. С. 165.

16. Там же.

17. Там же.

18. Там же. Т. 3. С. 166.

Стр.33.

лужских иконников, которые «ныне присланы великому государю к Москве мая в 11 день: Костька Григорьев.

умре Елисей Денисов с сыном Парфенком.

е Максим Павлов с сыном Наумком.

Макар Кузьмин на Москве.

Июда Павлов н.

Дмитрей Алферьев н.»¹⁹

В документах о государевых иконописцах 17 века есть упоминание о калужанине Федоре Юдине, который был учеником знаменитого Степана Резанца (это обстоятельство говорит о незаурядности нашего земляка).²⁰

Разумеется, в этом сообщении не было задачи поставить все точки над «и» в столь малоизученном вопросе. Эта весьма важная и интересная тема должна иметь продолжение и продолжателей.

Перечислим в заключение имена наших земляков - иконописцев 17 века:

Алферов Дмитрий;

Денисов Елисей;

Григорьев Константин;

Денисов Парфен;

Козьмин Макар;

Кривошеков Пимен;

Павлов Юда;

Юдин Федор.

19. Там же. Т. 3. С. 167.

С.В. Поздняков.

**Служилое землевладение
и движение феодальной собственности
в Малоярославецком уезде в первой половине 17 века
(По материалам писцовых книг)**

Социально-экономическая история Русского государства конца 16—1-й половины 17 веков постоянно привлекает внимание исследователей. Россия вступила в этот период в качественно новый этап своего развития. В это время происходит складывание общероссийского рынка, исчезают следы прежней автономии отдельных земель, создаются оп-

Стр.34.

ределенные предпосылки для перехода к капиталистическому способу производства.

Все это не могло не сказаться существеннейшим образом на формах феодального землевладения, претерпевших эволюцию в надежде приспособиться к требованиям нового времени. Основные направления этой эволюции в сфере служилого землевладения мы и попытаемся выявить на примере Малоярославского уезда.

Историография проблемы чрезвычайно велика. В рамках краткого сообщения вряд ли есть смысл давать ее развернутую характеристику, тем более, что она содержится в многочисленных работах советских историков, существует ряд специальных историографических исследований.¹ Из дореволюционных исследований этим занимались Н.А. Рожков, С.Б. Веселовский, И.Д. Беляев, М. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский и ряд других. Советская историография дала не менее интересные работы Л.В. Черепнина, И.И. Полосина, А.Е. Преснякова, В.А. Александрова, А.А. Новосельского, А.А. Зимина, П.Ф. Баканова, М.В. Нечкиной, Ю.А. Тихонова, В.И. Корецкого, Н.В. Устюгова и других.

Методологической основой исследования социально-экономической истории являются ценнейшие высказывания К. Маркса и В.И. Ленина. Глава 47 третьего тома «Капитала» К. Маркса, в которой вскрыт основной закон феодализма, широко обсуждалась в дискуссии советских историков, проходившей на страницах журнала «Вопросы истории». Значение трудов В.И. Ленина для вскрытия основных тенденций в развитии феодальной формации показано В.В. Мавродиным.²

1 Кочин Г.Н. Писцовые книги в буржуазной историографии. // Проблемы источниковедения. Сб. 2. М.—Л., 1936; Петухов В. Материалы писцовых книг в исторической литературе XVIII — начала XIX века. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962.

2 Мавродин В.В. Феодальная Россия в трудах В. И. Ленина. // Вопросы истории. № 4. 1970. Он же. Ленин и историческая наука. Л., 1970.

Стр.35.

Основная масса источников находится в Центральном государственном архиве древних актов в двух фондах: Поместного и Разрядного приказов. Среди документов Поместного приказа следует отметить писцовую книгу 1628—30 годов,³ переписную книгу 1646 года.⁴ В фонде Разрядного приказа обнаружено 10 десятин,⁵ документы родословий, перечневые выписи, сыскные дела, сметы города Малоярославца, и т. д. Всего свыше 50 документов. Особый интерес представляет платежная книга Малоярославецкого уезда 1621 года.⁶ Значащаяся в каталоге РО ГБЛ дозорная книга Малоярославецкого уезда 1621 года⁷ является списком с той же платежной книги, хранящейся в ЦГАДА.

Краткий очерк историк землевладения 15—16 веков.

Как самостоятельная административная единица Малоярославецкий уезд сложился после раздела удельного княжества Владимира Андреевича Храброго-Донского в 1410 году. С этого времени Малоярославец становится центром удела Ярослава Владимировича.

К сожалению, мы располагаем лишь отрывочными данными о составе служилых людей этого князя и его преемников. Эти сведения встречаются в духовных и договорных грамотах и в летописях.³

После 1454 года (присоединение Малоярославенского удела к Москве) формирование служилого сословия идет под великокняжеский контролем. Здесь же оставались крупные владения княжат. Нам известна жалованная грамота Анастасии Киевской Троице - Сергиеву монастырю на села Почеп и Передол с деревнями,⁹ в 1487 году здесь были земли углического князя Андрея Васильевича Большого,¹⁰ в том же году великий князь пожаловал вотчинами в Малоя-

3. ЦГАДА. Ф. 1209, к. 681.

4. Там же. К. 440.

5. ЦГАДА. Ф. 210, кк. 302, 270, 307, 212, 234. 147. 269, 114, 271, 113.

6. Там же. Денежный стол, к. 85.

7. РО ГБЛ. Ф. 178, к. 1391.

8. ДДГ. №№ 4, 5, 9, 11, 13, 16, 17, 20, 21, 22, 45. 47, 56, 58; 62, 63, 75, 80, 86, 89; ПСРЛ. Тт. 7—12.

9. РО ГБЛ. Ф. 303, к. 555, лл. 5—5 об.

10. РО ГБЛ. УНД. Г 8/5.

Стр.36.

рославецком уезде братьев Дмитрия, Романа и Тимофея Костровых (сельцом Любичи).¹¹

Примерно с 1472 по 1486 год Малоярославец с уездом находился во владении Михаила Андреевича Верейского, затем неоднократно переходил из рук в руки в качестве «служилого города». Им владели Василий Шемячич, Михаил Глинский, Федор Мстиславский. Соответственно, они приводили с собой своих слуг, которые помещались на территории уезда.

С начала 30-х годов 16 века Малоярославецкий уезд окончательно переходит в руки великих князей.

В 1550 году Иван Грозный задумал испоместить под Москвой «избранную тысячу». В соответствии с этим проектом в нее должны были войти от Малоярославецкого уезда князь М.В. Жижемской, Гридя и Тимофей Тимофеевы-Вяземские, Б.Ф. Глинский, И.И. Вяземский и другие.¹² Интересно отметить, что в «избранную тысячу» должны были войти и бывшие служилые люди Василия Шемячича.¹³

Помимо данных «Тысячной книги», о составе служилого сословия Малоярославецкого уезда этого периода мы можем судить по немногочисленным актовым источникам. Так, нам известна «данная» Ивана Юрьевича Грязнова Симонову монастырю 1562 года.¹⁴ По боярскому списку 1588-1589 годов среди выбора от городов встречаем двух малоярославчан — Богдана Дмитриева и Федора Леонтьева Бутурлиных.¹⁵

Поворотным моментом складывания служилого сословия Малоярославецкого края стала опричнина, в которую он был включен в 1565 году.¹⁶ Все не вошедшие в нее служилые люди были выведены из уезда, а на их место были помещены опричники.¹⁷ Из тех служилых людей, кого предпола-

11. АСЭИ. Т. 3. № 75. С. 96.

12. Тысячная книга 1550 года. Дворовая тетрадь 50-х годов 16 века. М., 1950. С. 208.

13. Там же.

14. ЦГАДА. Ф. 281, д. 7699.

15. Советские архивы. № 2, 1973. С. 96.

16. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М 1961 С. 310.

17. Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.—Л., 1947. С.97.

Стр.37.

галось включить в состав «избранной тысячи», в опричнину не попал никто. В опричный двор вошли представители рода Челищевых, Писаревых, Грязных, Поливановых.¹⁸ Помимо свидетельства Б.В. Кобрин о нахождении Поливанова в опричнине, нам известен еще один документ, подтверждающий это положение.¹⁹

В послеопричные годы происходит возврат земель «земским». Сопоставляя данные «Дворовой тетради» и данные платежной и писцовой книги 20-х годов 17 века, можно установить, что все не вошедшие в опричнину служилые люди вернули свои земли.

Огромный интерес для нас представляют писцовые книги, найденные О.А. Шватчеко. Это книги 1587-1592 годов.²⁰ На основании изучения этих книг О.А. Шватченко написана интересная статья.²¹ Ценность ее возрастает еще и потому, что автор расширил свое исследование материалами Рязанского и Ржевского уездов. Это позволило провести сравнительный анализ уездов во 2-й половине 16 века. Однако, при всех достоинствах работы О.А. Шватченко, мы не можем не отметить существенные, на наш взгляд, недостатки. В первую очередь, это - некоторые методические ошибки. Это относится к многочисленным таблицам, с помощью которых автор пытался оценить экономический потенциал различных групп феодальных хозяйств. Однако группировка по величине надела ни в коей мере не дает нам такой возможности. Размеры поместья не всегда отражают действительное состояние феодального хозяйства, более того, можно привести массу примеров, когда небольшое по размерам хозяйство экономически во много раз превосходит более крупное. Остается также непонятным, почему автор выделяет именно 3 группы поместий. В какой-то мере это было бы оправдано, если бы группировка проводилась по принципу принадлежности того или иного феодала к определенной

18. Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960.

19. АМГ. Т. 26. С. 45.

20. ЦГАДА. Ф. 1209, кк. 539, 540.

21. Шватченко О.А. К вопросу о состоянии поместной системы в Замосковском и Рязанском краях в конце 80-х-90-е годы XVI в. // Вестник МГУ. История, № 2, 1974.

Стр.38

категории служилых людей (1-ая, 2-ая, 3-я статьи), но схема автора не соответствует и этому критерию.

Наиболее существенным показателем при оценке экономического состояния феодального хозяйства является количество феодально зависимых крестьян и количество пашни, поэтому группировка хозяйств должна строиться именно по такому принципу.

Существенным, на наш взгляд, недостатком является и то, что О.А. Шватченко рассматривает поместную систему вне связи с вотчинной системой. Это, как будет показано ниже, в значительной мере снижает достоверность и ценность выводов, к которым приходит автор.

Несвободна работа О.А. Шватченко и от некоторых существенных фактических ошибок. Так, он считает, что писцовая книга 20-х годов 17 века составлялась с 1628 по 1633 год,²² в то время как она в действительности была составлена в 1628—1630 годах.²³

Начало 17 века ознаменовалось для Малоярославецкого уезда новым потрясением, которое не могло не сказаться на составе служилого сословия. По данным писцовой книги 1628—1630 годов в уезде насчитывается 120 заброшенных имений,²⁴ из них всего 6 вотчин. Отсюда можно предположить, что до «лихолетья» удельный вес вотчинного землевладения на территории уезда был невелик. Это подтверждается ссылками писцов на то, когда и за что была получена вотчина тем или иным феодалом. Из всех вотчин только одна названа «старинной»,²⁵ все остальные были пожалованы либо Василием Шуйским, либо Михаилом Романовым.

К началу 20-х годов 17 века служилое землевладение начинает стабилизироваться. Практически прекращается заброс поместий и вотчин. Так, из 140 феодальных владений, заброшенных своими хозяевами к 1630 году, только 2 было заброшено в период с 1621 года. Это поместья князя Тростенского и Афанасия Яцкого. В общей же сложности к 1630 году в Малоярославецком уезде «в пусте» лежало 18738 четвертей земли в поле.²⁶

22. Там же. С.57.

23. ЦГАДА. Ф. 1209, к. 681, л. 1.

24. Там же.

25. Там же.

26. Там же.

Стр.39.

Сопоставляя данные источников первой трети века, можно отметить интересную тенденцию к сокращению титулованной знати среди служилых людей. До 1621 года здесь было 11 княжеских и боярских владений, включая сюда огромные вотчины Бориса Годунова, Воротыньских, Вяземских, Ромодановских, Тростенских, Ташлыковых-Тутольминых и т. д. В 1621 году их было только 2, в 1630 — 4.

Одновременно с сокращением титулованной знати в составе служилых людей все больший удельный вес начинают занимать новокрещенцы. В 1621 году их было только 9 человек, в 1630 — 19.²⁷ К концу 1-ой половины века вновь заметна тенденция к увеличению хозяйств знати. К 1646 году их число достигает 8 человек.²⁸

Заметный интерес к Малоярославецкому уезду начинает проявлять служилая бюрократия. В 1621 году было только одно хозяйство, в 1630 — 3, в 1646 — 5. Основным способом приобретения земель этими представителями служилого сословия была покупка выслужных вотчин.

Как уже отмечалось, до «лихолетья» на территории уезда преобладала поместная система. С 1610 года это соотношение начинает коренным образом меняться. В соответствии с указом В. Шуйского 57 малоярославчан, участвовавших в обороне Москвы, получили 4702 четверти земли в поле. Во время «королевичева приходу» вотчинные наделы получили еще 226 человек. На этот раз было роздано 1632 четверти земли. В раздачу пошли дворцовые земли, к 1621 году на территории уезда их уже не было, за исключением «государевых погостов».

Таким образом, к концу 20-х годов 17 столетия служилое землевладение в Малоярославецком уезде в значительной степени стабилизировалось. Прекратилась «текучесть» в составе служилого сословия, столь характерная для 2-ой половины 16 — начала 17 веков. В начале века происходит изменение в соотношении форм феодального землевладения, все большее значение имела «выслужная вотчина». В целом же, история феодального землевладения в Малоярославец-

27. Там же.

28. В материалах Севского стола Разряда названа иная цифра — 5. (ЦГАДА. Ф. 210, Севск. ст., стб. 83, состав 25).

Стр.40.

ком уезде 15 — начала 17 веков вполне укладывается в схему, предложенную Л.В. Черепнинным.²⁹

Служилое землевладение по писцовой книге 1628—1630 годов.

Мы уже отмечали, что состав служилого сословия в Малоярославецком уезде был очень неоднородным. В него входили представители титулованной знати, служилые люди «по отечеству» и «по прибору».³⁰ Эта неоднородность не могла не отразиться на экономическом положении их поместий и вотчин.

На 1630 год в уезде насчитывалось 67 вотчин и 123 поместья, в которых проживало в общей сложности 653 крестьянина и бобыля. Подсчитаем среднюю обеспеченность одного владения рабочей силой. Это позволит нам условно определить «середняка» в среде служилых людей. Проведенные подсчеты показывают, что в среднем на одно феодальное хозяйство приходится около 4-х человек.

Исходя из этого, можно выделить 3 группы хозяйств:

1. Не имеющие крестьян вообще (однородцы).
2. Имеющие от 1 до 5 крестьян (слабообеспеченные).
3. Имеющие свыше 5 крестьян на одно владение.

В соответствии с этим разделением составим таблицу.

Таблица № 1

Экономическое положение различных феодальных хозяйств в зависимости от обеспеченности рабочей силой.³¹

группы владений	кол-во	крестьян	пашни	наезд.	выработка на I крестьянина
Однородцы	82		166	437	
От 1 до 5	53	142(2.7)	668	226	1,3
Свыше 5 ⁸²	55	511(9.3)	1412	264	3,35

Из 82-х владений, в которых нет ни крестьян, ни бобылей, 16 вотчин и 17 поместий новокрещенцев (напомним, что

29. Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси. // Вопросы истории. № 4, 1953.

30. Положение этой категории служилых людей подробно рассмотрено в работе Новосельского А.А. Распространение крепостного землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки, № 4, С. 21—40.

31. ЦГАДА. Ф. 1209, к. 681.

32. Холопы не учтены.

Стр.41.

в это время их было всего 19), одно владение служилого казака, одно — задворного конюха, 5 — представителей княжеских фамилий, одно — представителя служилой бюрократии.

Интересно отметить сокращение запашки на одного крестьянина с увеличением феодального хозяйства. Если мы примем во внимание значительное применение в крупных хозяйствах труда холопов, то выработка сократится еще больше.

Чтобы окончательно убедиться в том, что выработка на одного крестьянина обратно пропорциональна размерам феодального хозяйства, приведем еще одну таблицу (№ 2). В ней представлены крупнейшие хозяйства (свыше 10 крестьян). Эта цифра получена путем вычисления средней обеспеченности крупнейших хозяйств рабочей силой. (Средняя обеспеченность — 10 человек).

Таблица № 2.**Экономическое положение крупнейших владений:**

кол-во	крестьян	на 1 влад.	пашни	наезд.	на 1 крестьян.
12	228	19	507	96	2,6

Тенденция к уменьшению запашки на одного крестьянина очевидна. Если же продолжить рассмотрение самых крупных владений уезда, то можно установить еще более низкие нормы выработки (до 1,8 четверти на крестьянина). Отмечая уменьшение запашки во владениях крупных феодалов, мы не можем не заметить сопутствующего ему сокращения наезжей пашни. В некоторых крупных владениях ее вообще нет, в то время как в среднеобеспеченных она достигает 30%, в хозяйствах же, вовсе не имеющих крестьян, — 60-70%.

На основании анализа выработки крестьян в различных по размерам хозяйствах можно говорить о степени феодальной эксплуатации в них. Мы можем объяснить тот факт, что соотношение обеспеченности рабочими руками складывалось явно не в пользу мелкого и среднего феодала. Можно также заключить, что высказанное в исторической литературе мнение о крайней заинтересованности именно мелкого и среднего служилого люда во введении крепостного права справедливо.

И еще одно заключение можно сделать, сопоставляя нормы выработки на одного крестьянина. Это предположение о

Стр.42.

том, что товарное производство хлеба еще не приняло широких масштабов, крупные землевладельцы медленнее втягивались в сферу действия товарно-денежных отношений. В противном случае и крупный феодал был бы заинтересован в росте выработки. Вероятно, в результате «лихолетья» хозяйство во многом натурализовалось.³³

**Развитие поместной и вотчинной форм землевладения
и их взаимное влияние в I половине 17 века**

17 век характеризуется для истории служилого сословия постепенным стиранием грани между поместной и вотчинной системами, консолидацией феодалов и, в конечном счете, складыванием двух основных классов феодального общества. Как дореволюционные, так и советские исследователи неоднократно обращались к вопросу о причинах и времени слияния этих форм феодального землевладения, но, в основном, ограничивались констатацией наличия признаков этого процесса.³⁴ Было установлено, что с конца 16 века поместье передается по наследству, практикуется скрытая купля-продажа поместий и т. д.³⁵

Таким образом, ограничившись лишь выявлением признаков слияния поместья с вотчиной, исследователи не пытались проследить ход этого процесса в плане экономического развития. Мы попробуем сделать это на материалах Малоярославецкого уезда. Объектом исследования будут темпы развития (точнее, восстановления) поместного и вотчинного землевладения на протяжении 1-й половины 17 века.

Платежная книга 1621 года³⁶ показывает нам, что в это время на одно помещичье хозяйство приходилось в среднем около 0,6 чети земли в поле, на одно вотчинное — 0,8 чети. В 1629 году на одно помещичье хозяйство приходилось уже 5,1 четверти, на вотчинное — 11,1, но, если учесть и возрастание количества наезжей пашни, то темпы восстановления хозяйств помещиков превзойдут темпы восстанов-

33. ЦГАДА. Ф. 210, Севск. ст., стб. 277; Прик. ст., стб. 51, 777, 2727; Белгородск. ст., стб. 137; Моск. ст., стб. 260.

34. См. работы Устюгова Н.В., Рожкова Н., Черепнина Л.В.

35. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 146.
36. ЦГАДА. Денежн. ст., ф. 210, к. 85.

Стр.43.

ления вотчин. Потенциал поместий возрос за эти годы в 16 раз, в то время как вотчин только в 14.

Эти данные как-то не согласуются с установившимся в исторической литературе мнением о регрессивности поместной формы и даже о том, что именно она явилась причиной хозяйственного кризиса 70—80-х годов 16 века.³⁷ Однако объяснение этого превосходства в темпах восстановления можно найти в том, что, как мы установили, степень эксплуатации крестьян в маломощных хозяйствах была значительно выше, чем в более крупных.

Теперь сравним данные писцовой книги 1628-1630 годов с данными переписной книги 1646 года. Следует отметить, что за период между 1630 и 1646 годом некоторые поместья были переведены в разряд вотчин. Чтобы избежать неточностей в подсчетах, нами подобные хозяйства не учитывались. Установление темпов восстановления хозяйств проводилось по линии подсчета прироста населения. В 1630 году на одно поместное владение приходилось в среднем около 1,8 человека, на вотчинное — 3,94 человека. В 1646 году, соответственно, 12,5 и 16,1 человека.

Таким образом, с 1630 по 1646 год населенность поместья увеличилась в 6,7 раза, в то время как в вотчине только в 4,1 раза.

Если мы могли в какой-то мере объяснить преимущество в темпах роста запашки более высокой степенью эксплуатации крестьян, то объяснить более быстрый прирост населения, исходя из этого, просто невозможно. Вряд ли можно принять во внимание предложенное Ю.В. Готье предположение о том, что скрывавшиеся во время польско-литовской интервенции крестьяне вдруг вернулись к своим владельцам.³⁸ Не меняет дела и прирост населения за счет колонизации юга

37. Зимин А.А. Из истории поместного землевладения на Руси. // Вопросы истории. № 11, 1959. С. 142; Полосин И.И. Поместное право и крестьянская крепость. // Социально-политическая история России XVI - начала XVII века. М., 1963. С. 36; Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. Пг., 1923. С. 39.

38. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С. 149, 150, 157.

Стр.44.

России.³⁹ Трудно предположить, что крестьяне охотнее оседали в хозяйствах, в которых их сильно эксплуатировали.

Видимо, разгадку надо искать в чем-то другом. Исследователи социально-экономической истории России как-то упустили из виду одну существенную деталь в структуре феодального хозяйства, а именно, сочетание в руках одного феодала как поместья, так и вотчины. Не было попыток проанализировать взаимосвязь этих форм землевладения, когда они оказались в одних руках.

Вот эту связь мы и попробуем установить. Если же нам не удастся этого сделать, то, пожалуй, придется отказаться от мнения о поместье как о полностью изжившей себя форме феодального землевладения. Более того, мы сможем утверждать, что, по крайней мере, в 1-й половине 17 века поместная форма с успехом конкурировала с вотчинной.

Для выяснения этого вопроса нами были выявлены такие хозяйства, в которых были только поместья, то есть полностью исключалась возможность взаимного влияния вотчины на поместье. Вслед за этим были прослежены темпы развития этих «чистых» поместных хозяйств. Если эти темпы окажутся достаточно высокими, то мы вправе

утверждать, что поместье могло нормально развиваться, используя лишь свои внутренние ресурсы. Если же темпы развития «чистых» поместий будут значительно ниже темпов развития комплексных владений (поместье, вотчина), мы будем вправе предполагать взаимное влияние этих форм феодального землевладения, сосредоточенных в одних руках.

Анализ источников дал следующие результаты. Комплексное владение увеличило свои ресурсы с 1630 по 1646 год более чем в 9 раз, в то время как «чистое» поместье только в 2,6 раза. Таким образом, поместье было действительно отсталым по сравнению с вотчиной (вотчина за этот же период увеличила свои ресурсы более чем в 4 раза), но наиболее экономически сильным было хозяйство, в котором сочеталось поместье с вотчиной. Следовательно, внутренняя связь этих двух систем существовала, но в какой форме?

Рассмотрим организацию комплексных хозяйств. В 1630 году в поместьях, входящих в эти комплексы, насчитывалось 25 крестьян и бобылей. Они обрабатывали 410 четвертей паш-

39 Историческая география СССР. М., 1937. С. 112.

Стр.45.

ни в поле. Отсюда следует, что на одного крестьянина в среднем приходилось около 16,4 четверти в поле или около 50 четвертей в трех полях. Выработка абсолютно нереальная. Ю.А. Тихонов считает, что наивысшая норма выработки в этот период может достигать 3 десятин на крестьянина в трех полях,⁴⁰ или 2 четверти в одном поле. Н.А. Рожков утверждает, что в результате хозяйственного кризиса выработка сократилась с 12—15 десятин в трех полях на крестьянский двор до 4—5.⁴¹ По данным И.Е. Забелина на одного крестьянина приходилось 6—7 четвертей земли.⁴² Труд холопов не мог сыграть решающего значения в обработке этих земельных массивов. Всего в уезде их было около 20 человек, почти половина из них непашенных.

Исходя из этого, совершенно реальным станет предположение о том, что вотчинные крестьяне использовались феодалом для поднятия хозяйства поместья. Тем более, что некоторые исследователи уже указывали на возможность использования труда крестьян в других имениях феодала.⁴³ Однако мы имеем возможность проверить это предположение на конкретном материале. Для этого была подсчитана средняя поуездная выработка крестьянина. Она составила свыше 4-х четвертей на крестьянина. Средняя же выработка крестьянина из вотчины, владелец которой имеет еще и поместье, составляет около 3-х четвертей на человека.

Таким образом, вотчинный крестьянин не дорабатывает около 1 четверти пашни. В целом же все вотчинные крестьяне не дорабатывали свыше 220 четвертей. Если прибавить к этому количеству те 120—150 четвертей земли, которые реально могли обработать собственно поместные крестьяне, да еще прибавить пашню, обрабатываемую трудом холопов, то

40. Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России, М., 1973. С. 112.

40. Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974. С. 98.

41. Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1898. С. 71, 72.

42. Забелин И.Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. М., 1871. С. 10.

43. Тихонов Ю.А. Ук. соч. М., 1974. С. 100; Сахаров А.Н. Русская деревня в XVII веке. М., 1966. С. 204.

Стр.46.

обработка помещичьей пашни в размере 410 четвертей станет вполне реальным делом.

И еще одно очень важное замечание, подтверждающее наш вывод о том, что вотчинные крестьяне принимали деятельное участие в обработке поместного надела своего феодала. Мы имеем в виду соотношение постоянной и наезжей пашни в поместьях и вотчинах, входящих в одно владение.

В среднем по поместьям пашня наезжая составляет около 70 — 72%. В вотчинах эта цифра не поднимается выше 20%. А если учесть, что под наездом подразумевается такая система обработки земли, при которой земледелец на ней не жил, а периодически наезжал для обработки,⁴⁴ то наш вывод получит еще более реальную основу.

В соотношении наезжей и постоянной пашни можно заметить и еще один аспект. Мы имеем в виду тезис С. Тхоржевского о том, что наезжая пашня не подлежала государственному обложению, поэтому феодалы были заинтересованы в ее расширении.⁴⁵ Этот тезис, несомненно, спорный, требующий уточнения, но не лишенный здравого смысла.

Причина слияния поместной формы землевладения с вотчинной (постановка проблемы).

В предыдущем параграфе мы установили, что уже в конце 20-х годов 17 века происходит фактическое слияние поместья с вотчиной, однако не в государственном масштабе (анализ источников только Малоярославецкого уезда не дает нам прав на столь широкое обобщение), а в рамках отдельного феодального владения. Отсюда следует, что и решение вопроса о причинах слияния форм феодального землевладения не может быть раскрыто на столь узкой источниковедческой базе. Поэтому мы ограничимся лишь характеристикой существующих в историографии мнений по этому вопросу и постановкой проблемы в самых общих чертах.

Нам удалось выявить несколько направлений в поисках причин перехода от поместья к вотчине. Большинство исследователей придерживаются мнения о том, что поместье не соответствовало складывавшимся товарно-денежным отношениям, не вписывалось в общероссийский рынок, что поме-

44. Тхоржевский С. Поместье и крестьянская крепость. // Труд в России. Кн. I, Л., 1924. С.76.

45. Там же. С. 89, 94.

Стр.47.

стье было приспособлено лишь к ведению натурального хозяйства, так как не допускало свободного отчуждения земли.⁴⁶

Высказывалось также мнение о несоответствии поместья централизации, ибо «...разбивая крестьянский мир, служилый человек своей поместной администрацией закрывает своих крестьян от воздействия общей государственной власти на местах».⁴⁷

Интересно решил эту проблему Н.В. Устюгов. На первый план он выдвигал несоответствие поместья интересам обеспечения воинской службы и фискальным интересам.⁴⁸ И действительно, к концу 16—началу 17 веков поместная организация войска полностью себя исчерпала, хотя несколькими десятилетиями раньше она была грозным оружием в руках московских великих князей.⁴⁹

Следует отметить, что ни один из названных историков не посвятил разработке данной проблемы специального исследования. Выделяя наиболее существенные на их взгляд проявления этого процесса, не сделано попыток проанализировать их все в

совокупности. А между тем, только всесторонний анализ развития служилого землевладения может дать ответ на причинность данного явления.

В первую очередь необходимо выявить основные направления в развитии служилого землевладения и Русского государства в целом.

Основной тенденцией в развитии сословия служилых землевладельцев в конце 16—17 веках было постепенное его «одворянивание», что привело к созданию класса служилых людей. Параллельно этому процессу шло укрепление феодальной собственности, как экономической основы феодального общества.⁵⁰

46. Рожков Н.А. Ук. соч. М., 1989. С.63, 64; Он же. Ук: соч. Пг., 1923. С. 41; Черепнин Л. В. Ук. соч. Вопросы истории. № 4, 1953. С. 62.

47. Полосин И.И. Ук. соч. М, 1963. С. 35.

48. Устюгов Н.В. Научное наследие. М., 1974. С. 141.

49. Зимин А.А. Ук. соч. Вопросы истории. № 11, 1959. С. 142; Веселовский С.Б. Ук. соч. М.—Л., 1947. С: 309,

50. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век М., 1955. С. 139.

Стр.48.

Существует мнение, что процесс «одворянивания» сопровождался вытеснением аристократии,⁵¹ но это, на наш взгляд, не совсем точное определение. В данном случае речь может идти не о вытеснении аристократии, а о слиянии ее в правовом и экономическом отношении с основной массой служилых людей, о консолидации всего служилого сословия в класс.

Нетрудно заметить, что процесс слияния поместной системы с вотчинной проходил параллельно с закрепощением крестьян и со становлением абсолютизма в России. Вряд ли можно отместить это на счет простой случайности, скорее, эти процессы были взаимосвязаны.

Рассмотрим в общих чертах процесс закрепощения крестьян и попробуем выявить взаимную обусловленность его с процессом перехода от одной формы феодального землевладения к другой. Массовое разорение конца 16 века создало возможность усиления эксплуатации крестьян,⁵² которое проходило в форме расширения господской запашки (барщины). Непосредственно из барщины выросло крепостное право, дополнившее систему экономического принуждения внеэкономическим. Но это не могло не привести в конечном счете и к установлению безусловной собственности на землю. Помещик не мог, не владея землей, владеть крестьянами, в то же время проблема прикрепления рабочих рук была самой острой проблемой конца 16 — начала 17 веков, более того, прикрепление крестьян стало «жизненной необходимостью» для феодалов.⁵³ И чем глубже становился процесс закрепления, тем сильнее проявлялось сближение поместной и вотчинной системы.

Укрепление самодержавной власти не могло не оказать существенного влияния на смену форм феодального землевладения. Установление самодержавия—очень сложный комплекс изменений во внутренней жизни страны. Для нас осо-

51 Устюгов Н.В. Ук. соч. М., 1974. С. 143:

52 Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV - начало XVII вв. М., 1955. С. 466, 467.

53 Александров В.А. Сельская община и вотчина в России (XVII — начало XIX вв). // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 289.

Стр.49.

бенно важно укрепление государственного аппарата, создание разветвленной системы принуждения.

Обратимся к политической природе поместья. Государство давало служилому человеку землю, и, под угрозой потери ее, тот должен был отбывать государственную службу. Налицо прямое экономическое принуждение. Но с усилением центральной власти оно уже не является единственной возможностью заставить помещика служить. На смену экономическому принуждению приходит внеэкономическое. Если обратиться к конкретным примерам из русской истории, это предположение обретет реальную основу. Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Романов, Лжедмитрий практиковали широкую раздачу земель служилым людям с целью заставить их служить. В этом ярко проявилась слабость их правительств, невозможность иного принуждения, кроме чисто экономического. Усиление государственного аппарата позволило правительству и так контролировать деятельность служилого сословия. Но было бы неверно истолковывать этот процесс, как механическую смену экономического принуждения внеэкономическим. Обе системы взаимно дополняли друг друга. И еще один момент. С утверждением самодержавия и укреплением государства отпадает необходимость в поместном ополчении. Несостоятельность его для нового времени прекрасно показали еще войны Ивана Грозного. И вряд ли случайно, что официальная отмена его и слияние поместной и вотчинной форм землевладения произошла именно после создания русской регулярной армии.

Рассмотрев историю феодального землевладения в Малоярославецком уезде 15—1-й половины 17 веков, мы сможем сделать некоторые выводы.

1. Включение Малоярославецкого уезда в опричнину было поворотным моментом в истории служилого сословия. Почти полностью обновился его состав, на смену титулованной знати приходит средний служилый человек, начинается прилив новокрещенцев. В конце 30-х годов 17 века представители аристократических кругов вновь начинают проявлять заметный интерес к землям уезда.

2. «Лихолетье» привело к тому, что правительство было вынуждено пойти на широкую раздачу дворцовых земель в вотчины. С этого времени поместная форма землевладения

Стр.50

начинает терять свои ведущие позиции в уезде, которые оно приобрело в результате опричнины. С начала 20-х годов 17 века служилое землевладение постепенно выходит из кризиса, что проявляется, в первую очередь, в прекращении забрасывания земель.

3. Растет имущественное неравенство в среде служилых людей. Особенно оно заметно при сравнении положения служилых людей «по прибору» и «по отечеству».

4. Служилое землевладение приобретает структуру, сочетающую в руках одного землевладельца как поместья, так и вотчины. Это не могло не вызвать взаимного сближения этих форм в рамках одного хозяйства, а затем и в рамках всего служилого землевладения. Вотчинники начинают использовать своих крестьян для работы в поместьях. Закладывается реальная основа слияния поместья с вотчиной.

5. Применительно, по крайней мере, ко 2-ой половине 16—17 векам изучать вне взаимосвязи поместную и вотчинную формы землевладения нецелесообразно, ибо наметившееся к этому времени их взаимное влияние игнорируется.

6. Нами была предпринята попытка в самых общих чертах проследить причины слияния поместной и вотчинной форм землевладения. Вероятно, искать их надо не в отдельных процессах, имевших место в экономической и политической жизни Русского государства 17 века, а в совокупности этих явлений. Первостепенное значение для решения этой проблемы имеет становление крепостного права, поставившего помещиков перед вопросом — как владеть крепостными, не владея землей? Не меньшее значение

имеет утрата прежней роли поместного ополчения, как основной ударной силы русской армии и установление самодержавия.

В.И. Осипов

**Взаимоотношения посадского населения г. Боровска
с Пафнутьевым монастырем в 17 веке**

Проблема изучения древнерусских городов была и остается одним из ключевых пунктов в изучении отечественной

Стр.51.

истории 9—17 веков.¹ Вокруг древнерусского города сложилась большая историография, уходящая корнями в середину 18 века.²

Одной из задач, стоящих перед исследователями, является выяснение роли посадского населения в отношениях городов с государством и крупными феодалами, владевшими белыми слободами. 17-й век характеризуется дальнейшим ростом городов и усилением классовой борьбы посадского населения.³

На протяжении 17 века в Боровске насчитывалось до 15 слобод, часть которых принадлежала светским и духовным феодалам. Слободы Мякишевская, Высоковская, Никольская, Мельничная принадлежали Пафнутьеву монастырю, Архангельская — московскому Архангельскому собору, Троицкая — Троице Сергиеву монастырю и т. д.

В ЦГАДА имеется круг источников, позволяющий проследить взаимоотношения посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырем в 17 веке. Все их можно условно разделить на несколько групп. В первую группу входят писцовые, переписные и дозорные книги за 17 век, хранящиеся в фондах Поместного приказа, которые дают представление о посаде и слободах г. Боровска, об их росте, численности населения, занятиях его жителей. В них имеются сведения о действиях посадских людей против Пафнутьева монастыря.

1. Хорошкевич А.Л. Основные итоги изучения городов II—I половины 17 в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 34—50; Клокман Ю.Р. Историография русских городов второй половины 17—18 вв. // Там же. С. 51—61; Карлов В.В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса). // Русский город. М., 1976. Вып. 1.

2. Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов 10—13 вв. // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 4—37; Кирилов В.В. К проблеме изучения древнерусского города 16 — 17 вв. // Русский город. Вып. 7. М., 1984. С. 4—40.

3. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины 17 в. Т. 1—2. М.-Л., 1947-1948. Далее: Смирнов. Посадские люди.

Стр.52.

(Например, посадские люди перепахали межи у Рождественского женского монастыря: «А перепахал де межу С. Попов, который тем огородом владел преж ево Андрюшки».⁴ Показана борьба посадского населения с Пафнутьевым монастырем в 1685 году из-за пустошей Псарево и Бирючево.⁵), В конце прошлого века дозорная книга 1621 года, писцовые и переписные книги 17 века, касающиеся истории самого города и вотчин Пафнутьева монастыря, были изданы со списков, сделанных начальником архива министерства юстиции Николаевым И.Н.⁶ Материалы книг использовал Холмогоров Г.И. для составления «Боровской десятины». Здесь же были напечатаны отрывки из дозорной книги 1621 года, переписных и писцовых книг 1646, 1677, 1685 годов. Кроме этого, в материалы «Боровской десятины» составителем была включена отписка городского

воеводы Романа Шушерина от марта 1634 года о пожаре боровской крепости и проведенном в связи с этим расследовании.⁷ Однако, изучая взаимоотношения посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырем в 17 веке, нельзя ограничиваться изданными в конце прошлого века писцовыми и переписными книгами, так как они являются далеко не полными. (Например, в писцовой книге 1685 года имеется описание размежевания посадской выгонной земли от пустошей Бирючево и Псарево, принадлежавших Пафнутьеву монастырю, в издании же Николаева И.Н. этот момент опущен⁸). Не вошел в это издание и список с писцовой книгой В. Колычева за 1629—30 годы. Поэтому для уточнения таких вопросов, как рост посада и слобод, занятия жителей феодального города, взаимодействие посада с белыми слободами в 17 веке, возникла необходимость пересмотра подлинных дозорной, писцовых и переписных книг.⁹

4. Боровск. Материалы для истории города 17 и 18 столетий. М., 1888. С. 30, 31. Далее: Боровск. Материалы.

5. Там же. С. 100, 101.

6. Там же.

7. «Боровская десятина». Отд. 1, 2, 3. // Калужская старина. Т. 4. Калуга, 1905; Калужская старина. Т. 5. Калуга, 1910.

8 Боровск. Материалы. С. 101.

9 МАМО. Т. 1. СПб., 1869.

Стр.53.

Были привлечены следующие документы фонда Поместного приказа ЦГАДА: дозорная книга 1621 года, составленная И.П. Турским; список с писцовой книги 1629—1630 годов, составленной В.И. Колычевым; переписная книга 1646 года, составленная Д.П. Волынским; переписная книга 1677 года, составленная М.И. Еропкиным и писцовая книга 1685 года, составленная Р.Л. Камыниным.¹⁰

Вторую, главную группу источников составляют судные дела посадского населения с Пафнутьевым монастырем из-за слобод, указные и жалованные грамоты. Пафнутьеву монастырю. Перечислим источники в хронологическом порядке.

1. Судные дела посадских людей г. Боровска с Пафнутьевым монастырем о пригородных слободах 1651—52 годов, 1672—1678 годов.¹¹ Это наиболее полный источник, дающий представление о ходе борьбы посадских людей с Пафнутьевым монастырем во 2-ой половине 17 века. В него включены списки жалованных грамот, данных монастырю в 1-ой половине 17 века, на которые монастырь опирался в борьбе за слободы против посада; представлены аргументы, приводимые спорящими сторонами; показана реальная борьба посада за земли, принадлежавшие монастырю.

2. Список памяти из Владимирской четверти в Монастырский приказ о количестве дворов в Мякишевской, Мельничной и Никольской слободах, отписанных в 1652 году из Пафнутьева монастыря в Боровский посад.¹²

3. Послушная грамота 1674 года Пафнутьева монастыря игумену Иову на Высоковский луг на р. Протве.¹³

4. Сыскное дело в г. Боровск воеводе в 1675 году про промыслы и занятия жителей Высоковской, Никольской и новопостроенной на выгонной Мякишевской слободы земле

10. ЦГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, к. 339, лл. 245—373; к. 339, лл. 274—345; к. 10326, лл. 28—38, 133—153; к. 440, лл. 333—342; к. 10323, лл. 16—34; к. 18, лл. 1—329.

11. ЦГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 1, № 916, л. 498.

12. ЦГАДА. Ф. 1198. Пафнутьев - Боровский монастырь. Оп. 1, № 244, л. 5.

13. ЦГАДА. Ф. 281. ГКЭ. Оп. 5, № 630:

Стр.54.

слобод, вследствие спора из-за этих слобод боровского посада с Пафнутьевым монастырем.¹⁴

5. Указная грамота от 25 мая 1686 года Пафнутьеву монастырю на Псареву и Бирючеву пустоши. Дело по челобитью игумена Иова о возвращении монастырю отписанных в государственное владение слобод в г. Боровске.¹⁵

6. Разрешение Пафнутьеву монастырю от 4—26 марта 1696 года поставить мельницу на старом монастырском месте на р. Протве.¹⁶

Опираясь на перечисленные выше источники, постараемся ответить на следующие вопросы: 1) Рост слобод Пафнутьева монастыря в г. Боровске в 1-ой половине 17 века; 2) Борьба посадского населения против белых слобод во время городского строения 1649—1652 годов; 3) Борьба посадского населения против Пафнутьева монастыря из-за слобод во 2-й половине 17 века.

Пафнутьев монастырь был основан в 1444 году в трех верстах от Боровска. Он пользовался покровительством великих князей и царей Русского государства. Во 2-ой половине 15—16 веках монастырь превратился в феодальную вотчину, имевшую земли в тринадцати уездах Русского государства. В июле 1610 года Пафнутьев монастырь был сожжен войсками Лжедмитрия II.¹⁷ Часть монастырской казны сохранилась, так как в 1608 году ввиду опасной политической и военной обстановки власти монастыря отправили ее в Москву.¹⁸ Разорение монастыря привело лишь к временному упадку и вскоре игумен Иосиф добивается выдачи новых жалованных грамот монастырю вместо сгоревших в 1610 году.

В 1614 году Пафнутьев монастырь владел 5 деревнями, 5 сельцами, 31 пустошью в Боровском уезде, 2 слободками и

14. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 1, № 255, л. 13,

15. ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 5, № 642, л. 28; Ф. 1198, ОП, 1, № 302, л. 66.

16. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 1, № 281.

17. «Памятники, относящиеся к смутному времени». // РИБ. Т. 1. СПб., 1872. С. 538, 629.

18. Акты правления царя Василия Шуйского. 1606—1609 гг. М., 1914. № 107. С.359—363.

Стр.55.

1 мельницей в г. Боровске.¹⁹ В 1615 — 1616 годах игумен Иона обращается к царю Михаилу Федоровичу с просьбой приписать Высоковский монастырь со слободкою, расположенной в Боровске, к Пафнутьеву монастырю. Об этом просили и оставшиеся в живых после разорения 1610 года жители слободки Высоковской, в которой пустовало 10 из 17 дворов.²⁰ Из приправочной книги 1614 года видно, что за Высоковским монастырем числилось 5 пустошей: Гороховская, Рудницы, Михайловская, Измайловская, Кудиново с пашней в 30 четей. Пашня не обрабатывалась и поросла лесом. Эти земли Высоковский монастырь поднять не мог и отдал их на оброк протопопу Благовещенского собора Федору.²¹ В сентябре 1617 года Высоковский монастырь со слободою и мельничное место были приписаны Пафнутьеву монастырю.²²

Из дозорной книги 1621 года по Боровску видно, что в Мякишевской, Мельничной, Никольской слободах Пафнутьева монастыря находилось 3 двора служилых, 1 — монастырских служебников (19 человек), 4 — жилых (6 человек), 18 — бобыльских (30 человек). Всего 42 двора (58 человек) и 24 места дворовых пустых, сожженных и не восстановленных после 1610 года. Монастырю принадлежало право рыбной ловли на р. Протве от Мельничной слободы до сельца Кривское на 5 верст. Под городом на р. Протве

монастырю принадлежал луг, на котором ставилось 130 копен сена. За городом было расположено Комлевское озеро на земле помещика М. Сенявина. Вода в озере принадлежала посадским людям, а рыбная ловля — Пафнутьеву монастырю.²³

К 1629—1630 годам слободы монастыря были восстановлены. В них числилось 2 двора поповых, 2 — дьяконовых, 1 — дьячка, 1 — прокурника, 35 — монастырских служебников, 26 — бобыльских. Итого 72 двора (132 человека) и только 15 мест дворовых пустых.²⁴ К 1646 году количество дворов в сло-

19. Боровск. Материалы. С. 200, 201; ЦГАДА. Ф. 1209, к. 16, л. 171.

20. Боровск. Материалы. С. 6.

21. ЦГАДА. Ф. 1209, к. лл. 112, 117.

22. ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 5, № 613, лл. 1—3.

23. Боровск. Материалы. С. 5, 6; ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 5, № 614, л. 1; № 615, л. 1.

24. ЦГАДА. Ф. 1209, к. 10326, лл. 28—34 об. 56.

Стр.56.

бодах, принадлежавших Пафнутьеву монастырю, возросло до 139 (341 человек). Стройщик Л. Корсаков отметил в слободах 150 дворов (451 человек).²⁵

В отличие от роста слобод Пафнутьева монастыря посад Боровска рос медленнее. Число дворов с 95 в 1621 году увеличилось до 113 к 1646 году.²⁶

Жители города в основном занимались огородничеством. Сельскохозяйственная продукция: мед, чеснок, мясо - продавалась в Боровске или вывозилась в Москву, Можайск, Звенигород и другие города. Было развито кирпичное дело.²⁷ Разрабатывались кожевенное, пивоваренное и другие производства. Половина всех ремесленников города находилась в Мякишевской слободе.

Монастырь вел активную торговлю в городе. В 1625 году у него имелось 25 лавок, 4 места лавочных и 4 кузницы, что составляло чуть ли не половину всех городских лавок, так как насчитывалась всего 61 лавка.²⁸ В 1649 году за монастырем числилось 47 лавок и 7 кузниц.²⁹

На территории боровской крепости, рядом с административными зданиями, находилась каменная Никольская церковь Пафнутьева монастыря. Рядом с ней располагались монастырские дворы.³⁰ Кроме этого, в городе имелось дворовое место около Пятницкой улицы, принадлежавшее монастырю и данное ему окольничим А.П. Клешным, его крупным вкладчиком.³¹ В последнее десятилетие 16 века А.П. Клешнин дал монастырю в Ржевском уезде д. Михалкове и д. Шишкино, а в Старицком уезде с. Нащокине.³² Кроме дворового места в Боровске на Пятницкой улице, А.П. Клешнин дал лужок около Мякишевской слободы на р. Протве, на котором

25. Боровск. Материалы. С. 206; ЦГАДА. Ф. 119. Оп. 1, № 916, лл. 103, 164, 165; Ф. 1198. Оп. 1, д. 302, л. 31.

26. Боровск. Материалы. С. 3, 16, 23.

27. Там же. С. 15, 16.

28. Там же. С. 10.

29. ЦГАДА. Ф. 169. Оп. 1, № 916, лл. 80—85.

30. Боровск. Материалы. С. 26.

31. ЦГАДА. Ф. 1209, к. 10326, л. 32; Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 153—182; Скрынников Р.Г., Борис Годунов. М., 1978. С. 67—84.

32. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 1, № 264, л. 8; № 293, л. 4.

Стр.57.

ставилось до 10 копен сена.³³

Церковное землевладение и белые слободы являлись тормозом в экономическом развитии Русского государства. К середине 17 века монастыри и патриарх владели 94 339 дворами.³⁴ Соборное Уложение 1649 года запрещало «впредь... патриарху и митрополитам, и архиепископам, и епископам, и монастыри ни у кого родовых, и выслуженных, и купленных вотчин не покупать, и заклад не имати, и за собою не держати, и по душам в вечной поминок не имати» (глава XVII). Это наносило серьезный удар по дальнейшему росту монастырского землевладения. Но Соборное Уложение 1649 года пошло дальше, оно не только ограничило рост земельной собственности монастырей, но и лишало их большинства владений в городе: торгово-ремесленных слобод и дворов на посаде (глава XIX, ст. 1, 8, 9). В результате городского строения 1649—1652 годов у церкви было конфисковано не менее 3 620 дворов, то есть 80% всех городских владений крупных духовных вотчин. Кроме того, у приходских церквей было взято на посады не менее 405 дворов. «Это было почти полной ликвидацией городских владений церкви».³⁵

В 1649 году в Боровск прибыл стройщик Леонтий Корсаков. Он отписал на посад у боярина Н.И. Романова его с. Красное с 31 двором (88 человек), у стольника князя И.Лыкова — 3 двора, у Пафнутьева монастыря — 4 слободы с 150 дворами (Мякишевская — 112 дворов, Мельничная — 14 дворов, Никольская — 6 дворов, Высоковская — 18 дворов). Из монастырских вотчин он отмежевал к посаду землю и 6 пустошей: Гороховскую, Суслово, Вашутино, Михайловскую, Псарево, Бирючево. Среди отписанных на посад встречаются 30 человек промышленников и серебрянников, 39 человек, имевших свои лавки в городе и занимавшихся торговлей, 52 человека, занимавшихся торговлей и арендовавших лавки и амбары.³⁶

33. Боровск. Материалы. С. 5; ЦГАДА. Ф. 1209, к. 10326, л. 32.

34. ЗОРСА. Т. 2. СПб., 1861. С. 401—422.

35. Смирнов. Посадские люди. Т. 2. С. 593—607.

36. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 1, № 302,, л. 31; Ф. 159, Оп. 1, № 916, лл. 164, 165.

Стр.58.

После отписки Л. Корсаковым белых слобод к посаду город вырос почти в полтора раза (со 107 дворов до 237).³⁷ Но Пафнутьев монастырь не мог смириться с потерей своих слобод. Между ним и посадским населением разгорелась борьба за слободы, продолжавшаяся три года. На протяжении этих лет монастырские власти подавали челобитные на неправильные действия Л. Корсакова. В защиту стройщика выступили посадские люди, которые в противовес поданным челобитным монастыря подавали свои, отстаивая правильность действий Л. Корсакова. (В судебном деле посадских людей с Пафнутьевым монастырем за 1649—1652 годы, по моим подсчетам, сохранилось 4 челобитных монастыря и 7—посадских людей).³⁸ Монастырские власти добились очной ставки с Л. Корсаковым. 12 сентября 1649 года в Приказе Сыскных дел все челобитные монастыря и посадских людей были выслушаны. Заслушаны были Л. Корсаков, который аргументировал свои действия царским указом о слободах, и стряпчий Пафнутьева монастыря Иван Найденов, предоставивший на суд жалованные грамоты, где слободы и пустоши были зафиксированы за монастырем. Очная ставка результатов не дала.³⁹

В своей борьбе за слободы Пафнутьев монастырь использовал действия других монастырей, добившихся от правительства некоторых уступок. Приговор от 1 августа 1649 года предусматривал возвращение монастырям неторговых людей и слобод, приписанных к посаду; боярский приговор о костромских слободах разрешал патриарху и Богоявленскому монастырю не отдавать свои слободы на посад, если они разделены большой р. Волгой и Костромой; приговор от 25 марта 1650 года разрешал

Богоявленскому монастырю оставить за собой Спасскую слободку, которая была расположена в

37. Смирнов. Посадские люди. Т. 2. С. 407, 541, 551; ЦГАДА. Ф. 137. Оп. 1, д. 9, лл. 118—225; Ф. 141. Приказные дела старых дел. № 73, л. 52.

38. ЦГАДА. Ф. 159. Оп. 1, № 916, лл. 1—285; Ф. 1198. Оп. 1, № 302, лл. 15—60.

39. ЦГАДА. Ф. 159. Оп. 1, № 916, лл. 93—101.

40. Там же. Лл. 176—180, 274—278.

Стр.59

125 саженьях от посада.⁴⁰ Власти Пафнутьева монастыря добиваются того, что в 1650 году царь Алексей Михайлович присылает боровскому воеводе Афанасию Бердяеву грамоту об измерении трехаршинной саженью расстояния от посада до монастырских слобод. Если расстояние превышало 100 сажень, то слободы оставались за монастырем, а если меньше 100 — приписывались к посаду.⁴¹ Посланный в Боровск новый стройщик Василий Щетнев в 1652 году отписал на посад 3 слободы, с меньшим количеством дворов, выдав монастырю всех, кого монастырские власти объявили пашенными людьми. На посад было взято 95 дворов (264 человека).⁴² Из Высоковской слободы В. Щетнев вывез на посад 15 торговых и промышленных людей, а сама слобода царским указом от 23 мая 1652 года была оставлена за монастырем.⁴³

Таблица 1

Количество дворов, отписанных на посад стройщиками

Л. Корсаковым и В. Щетневым у Пафнутьева монастыря:

Слободы	Л. Корсаков	В. Щетнев
Мякишевская	112	67
Никольская	6	7
Мельничная	14	6
Высоковская	18	16
Итого:	150	95

Как видим, во время городского строения 1649 — 1652 годов монастырские слободы с меньшим количеством дворов были приписаны к посаду (44).

Примерно такую же картину борьбы посадского населения за слободы можно наблюдать в Костроме, где были расположены дворы нескольких монастырей—Троице-Сергиева, Настасьина-Девичьего, Московского Чудова. Ипатьевского и Богоявленского. Если первые три монастыря отнеслись к потере спокойно, то последние два вступили в борьбу с посадским населением. Борьба закончилась поражением черных

41. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 1, № 302, лл. Т 34—39.

42. ЦГАДА. Ф. 137. Оп. 1, д. 9, лл. 118—225.

43. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 1, № 303, л. 2; Ф. 159, Оп. 1, № 916, л. 178.

44. ЦГАДА. Ф. 137. Оп. 1, д. 9, Владимир, лл. 118—225; Ф. 1198. Оп. 1, № 302, л. 2; Ф. 159. Оп. 1, № 916, лл. 270—285. 60.

Стр.60.

людей.⁴⁵ Тем не менее из 598 человек — 312 были взяты из монастырей.⁴⁶ Там, где затрагивались экономические интересы крупных монастырей, развертывалась упорная борьба с посадским населением из-за слобод. Если Троице-Сергиев монастырь с относительной легкостью расстался со своими дворами в Боровске, Костроме и других местах, то в Городецке монастырь упорно отстаивал свое право на Макарьевскую пустыньку и ряд деревень, непосредственно примыкавших к городу. Монастырь добился

от правительства решения слободку и деревни, примыкавшие к посаду, оставить за собой (47).

Исследование Т.Б. Соловьевой показало, что посадская реформа хоть и затронула патриаршие владения в городах, но не уничтожила их.⁴⁸

Отбирая в интересах посада и государственного фиска у церкви и крупных феодалов слободы и поместья в городах с торгово-промышленным населением, Уложение 1649 года одновременно в интересах феодалов запрещено переход крестьян и кабальных людей, занятых торгами и промыслами, в разряд посадских людей. Уже в ходе посадского строения 1649—1652 годов наметились кое-какие изменения норм Уложения 1649 года, когда правительству из чисто практических соображений приходилось учитывать конкретную обстановку в отдельных городах.⁴⁹

В 1670-е годы усиливается натиск посадских людей г. Боровска на Пафнутьев монастырь. В 1673—1674 годах посадские люди били челом царю Федору Алексеевичу о том, что в Высоковской и Никольской слободах есть торговые люди, которые не платят тягла с 1649 г. 9 января 1675 г. была при-

45. Тимотина Л.А. «Посадское строение» в Костроме в 1649—1652 гг. // Вестник МГУ. История, № 6. 1985. С. 69—72.

46. Там же. С. 68.

47. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине 17 в. М.—Л., 1962. С. 261.

48. Соловьева Т.Б. Городские владения патриаршего дома и борьба за них с посадом в России 17 в. // Русский город. Вып. 6. М., 1983. С. 53—74.

49. Смирнов. Посадские люди, Т. 2; Маньков А. Г. Ук. соч. Глава 4.

Стр.61.

слана грамота из Новгородского приказа к воеводе о сыскном деле, касающемся промыслов и занятий жителей Высоковской, Никольской, — а также новопостроенной на выгонной Мякишевской слободы земле слобод, вследствие спора из-за них боровского посада с Пафнутьевым монастырем, который считал жителей этих слобод непромышленными и не отдавал их на посад.⁵⁰ Как видно из грамоты, Пафнутьев монастырь все это время удерживал за собой Высоковскую и Никольскую слободы, а также построил новую рядом с Мякишевской. Несколькими месяцами раньше указом от 26 октября 1649 года жителям слобод было велено «службу служить и тягло тянуть, все подати платить» с боровскими посадскими людьми. Монастырские власти приехали в новоприписные слободы и забрали всех новых посадских людей в монастырь, где и держали их вместе с имуществом.⁵¹ Земским старостой М. Лукиным вместе с посадским населением была подана челобитная на Пафнутьев монастырь о Высоковской и Никольской земле с выгонной землей, которая в 1649 году была отписана на посад Л. Корсаковым. Но и после отписки монастырь самовольно владел этими землями, а на выгонной земле Мякишевской слободы самовольно построились промышленные и ремесленные люди Пафнутьева монастыря.⁵² На эти обвинения монастырь в ответной челобитной утверждал, что они ложны. Указами от 18 сентября 1676 года и от 22 февраля 1677 года три слободы были закреплены за посадом, а Высоковская — за монастырем; торговых же людей, которых монастырь поселил в эту слободу, предписывалось взять на посад.⁵³

Подобный конфликт произошел у посадского населения Суздаля со Спасо-Ефимьевым монастырем, власти которого в челобитной 1673 года указали, что монастырские бобыли слободки Скучалово и с. Коровникова кормятся на суздальском посаде портновским делом и черной работой. Земские же старосты города обложили их

оброком. Монастырь просил с его бобылей оброков и пошлин не брать. Воевода Суздаля встал на сторону посада. Кроме этого, посадское население

50. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 1, № 255, лл. 1—13

51. Там же. Л. 2.

52. Там же. Л. 2.

53. Там же. № 302, л. 12; Ф. 281, Оп. 5, № 642, лл. 13—15.

Стр.62.

подало челобитную на монастырь. В результате этого 4 апреля 1674 года последовала грамота, предписавшая крестьян и бобылей Спасо-Ефимьего монастыря, имевших лавки и амбары в Суздале, «взять в Суздаль в посад и собрать по ним поручные в уплате тягла».⁵⁴

Но и после царского указа от 22 февраля 1677 года Пафнутьев монастырь продолжал борьбу с посадом. Из переписной книги 1677 года видно, что Высоковская и Никольская слободы находились в споре с посадом. В слободах в то время насчитывалось 18 дворов (66 человек) беспашенных бобылей, которые были переведены Пафнутьевым монастырем из разных уездов монастырских вотчин.⁵⁵ В 1678 году борьба посадского населения с монастырем не раз приобретала острый характер. Только за один судные дела с посадом с монастыря взято пошли 20 рублей 3 алтына. Стряпчий Пафнутьева монастыря подал иск на посадских людей и на земского старосту И. Капырина в размере 86 рублей за избиение монастырских слуг и крестьян.⁵⁶

Из отписки в 1678 году Н. Грачевского следует, что после очередного спора посадских людей с Пафнутьевым монастырем за Высоковскую и Никольскую земли, в Высоковском монастыре священник Сергей начал бить в колокола, подумав, что из Боровска приехал воевода «со многими людьми» разорять слободу.⁵⁷ В 1677—1678 годах Пафнутьев монастырь не раз подавал челобитные царю. Подавать их через боровского воеводу было не совсем удобно, так как он поддерживал посадских людей и тянул с ответом, а в это время посадские люди захватили монастырскую землю и пользовались ею. Монастырские власти, имея крупных вкладчиков, старались через них ускорить дело. Несколько раз челобитные подавались через стряпчего боярина князя И.Б. Репнина. В боровском уезде он владел 25 дворами, а всего за ним имелось

54. ЦГАДА. Ф. 159. Оп. 1, № 1224, лл. 1—5; Маньков А.Г. Ук. соч. С. 294.

55. Боровск. Материалы. С. 23, 24.

56. ЦГАДА. Ф. 159. Оп. 3, ч. 1, № 907, лл. 81—86.

57. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 1, № 302, л. 13.

58. Новосельский А.А. Роспись крестьянских дворов, находящихся во владении высшего духовенства, монастырей и других людей по переписным книгам 1678 г. // ИА. Т. 4. М., 1949. С. 129.

Стр.63.

1336 дворов.⁵⁸ Во вкладной книге Пафнутьева монастыря под 1169—1670 годами написано, что И.Б. Репнин дал на постройку каменной церкви с больницей 500 рублей. При иг. Иове (1672—1676) была отделана серебром рака Пафнутия, которая обошлась в 426 рублей 19 алтын. В 1677—1679 годах в «соборной церкви намостил мост досками литыми железными — плачено за пуд по полуполтине».⁵⁹ И.Б. Репнин в 1676-1679 годах был судьей в поместном приказе, а с 13 февраля 1679 года являлся ближним боярином.⁶⁰ Вот через «ближнего боярина» и хотели власти Пафнутьева монастыря повлиять на ход борьбы с посадом г. Боровска.

В 1680—1690 годах начинается новый этап борьбы посадского населения с Пафнутьевым монастырем. 4 января 1680 года игумен Леонтий с братией послали своего стряпчего в Боровскую приказную избу для различных денежных платежей. На площади против таможенной избы посадские люди избили стряпчего, обобрали, втащили в приказную избу и заковали в железа, громогласно похваляясь этим. Дело дошло до воеводы. Воевода прислал пушкарей и просил отпустить стряпчего. Посадские люди несколько раз отказывали ему. Игумен Леонтий подал челобитную воеводе, но тот затянул дело. 28 января 1680 года монастырским властям пришлось посылать в Новгородский приказ новую челобитную на то, что воевода тянет дело и поддерживает посадских людей: «Боровичи посадские люди монастырских служек и служебников, и крестьян и бобылей в Боровске на торгах и по дорогам, и во всех монастырских их угодьях, и в лесу беспрестанно бьют и грабят, и всякое многое насильство и озорничество чинят».⁶¹ По этой челобитной игумена Леонтия было велено дело разобрать, но как видно из отписки от 28 марта 1680 года стольника Осипа Квашнина, посадские люди в суд не шли. Дело затянулось. Чувствуя свою вину, посадские люди решили обвинить во всем монастырские власти. Выборный

59. Леонид. Историко-археологическое и статистическое описание Боровского - Пафнутьева монастыря. Казань, 1907. С. 54, 58, 65.

60. Русский биографический словарь. СПб., 1913. С. 89 — 92.

61. ЦГАДА. Ф. 159. Оп. 3, ч. 1, д. 1417, лл. 2, 3.

Стр.64.

голова Ивашко Уваров с «товарищами» в свое оправдание написал, что они с торгов собирают десятую деньгу в казну царя, а монастырские крестьяне не хотят платить ее, стряпчий же Данила Носов «поклепал напрасно на сироту». Заканчивается послание посадских людей просьбой не пускать в ход челобитную игумена Леонтия.⁶²

Но не так уж беспомощен был Пафнутьев монастырь, как следовало из предыдущего дела. Он не раз спорил с Архангельским Московским собором, который также являлся крупным вотчинником в Боровском уезде. Одним из крупных сел Архангельского собора было Ермолино, расположенное в двух верстах от Пафнутьева монастыря. Рядом располагалось с. Русиново, принадлежавшее Пафнутьеву монастырю, в 1675 году насчитывавшее 170 крестьянских дворов (673 человека).⁶³ В 1687 году между двумя духовными феодалами вышла ссора из-за сена, которое крестьяне с. Ермолино считали своим, а крестьяне с. Русиново — своим. Дело затянулось на год. Патриарх, чтобы уладить дело, велел разделить все сено пополам, по 500 копен каждому. Но старец Тихон Головин вместе с крестьянами с. Русиново (всего около 200 человек) «с бердышами, рогатины и чеканы и з дубьем» не допустил раздела сена.⁶⁴ В этом же году между Пафнутьевым монастырем и Архангельским собором шел спор о беглом монастырском крестьянине Ерофее Иванове с женой и детьми, проживавшем в вотчине Архангельского собора.⁶⁵ Более пяти лет (1681 — 1686 годы) тянулось дело между Пафнутьевым монастырем и А. Дуровым из-за крестьянки Палашки. Монастырь выиграл дело, крестьянка была оставлена за ним.⁶⁶

В 1685 году Р.Л. Камыниным составлялась писцовая книга по Боровску. В ней была зафиксирована борьба посадских людей с Пафнутьевым монастырем. Посадские люди перепахали межи у Рождественского женского монастыря. «А перепахал де ту межу С. Попов, который тем огородом

62. Там же. Лл. 5—9.

63. «Боровская десятина». Отд. 2. // Калужская старина. Т. 4. Калуга, 1905. С. 225.

64. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 1, № 335, лл. 1—37.

65. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 1, № 267, лл. 1, 2.

66. ЦГИАЛ. Ф. 1255. Палата об Уложении. № 6, ч. 2, лл. 5 — 53 об.; Маньков А.Г. Ук. соч. С 214.

Стр.65.

владел прежде Андрюшки». Земли этого монастыря так и не были отмежеваны по книгам В. Колычева (1629—1630 годы), так как «боровичи посацкие выборные люди той межи подлинно не указали и в очную ставку того монастыря с попом Ефимом не пошли, указу великого государя и грамоты учинились непослушны». Кроме этого, часть пустых церковных земель Рождественского монастыря, где стояла когда-то церковь Афанасия Александрийского, с 1675—1676 годов боровский воевода Афанасий Челищев отмежевал к посаду, так как население города называло «тое землю своею посадскою».⁶⁷ В 1685 году продолжился спор Пафнутьева монастыря с посадскими людьми из-за Псаревой и Бирючевой пустошей. Была установлена межа посадской выгонной земли Мякишевской слободы с землями вотчин Пафнутьева монастыря. В указанной грамоте от 26 мая 1686 года пустоши Псаревы и Бирючево были закреплены за монастырем.⁶⁸ В 1696 году власти Пафнутьева монастыря добились от Петра I грамоты о разрешении ставить мельницу на старом монастырском месте на р. Протве под Мельничной слободой, которая после 1649—1652 годов была отписана на посад.⁶⁹

Подводя итоги борьбы Пафнутьева монастыря с посадским населением Боровска во 2-ой половине 17 века, можно сказать, что она продолжалась не затихая. В результате этой борьбы монастырь лишился двух слобод, а в Высоковской и Никольской за ним к 1701 году числилось 30 дворов, на 12 больше по сравнению с 1675 годом. Лишившись таких крупных слобод, как Мякишевская и Мельничная, а также частично Высоковской и Никольской, Пафнутьев монастырь завел взамен них слободы Рябушенскую и Рощинскую. В 1701 году в Рощинской слободе насчитывалось уже 99 дворов, а в Рябушенской были размещены монастырские слуги (70).

Таким образом, посадская реформа 1649—1652 годов, сократив рост монастырского землевладения, полностью его не уничтожила. В ходе борьбы с посадским населением монастырь вынужден был смириться с потерей слобод на территории города и завести новые. Это было возможно вследст-

67. Боровск. Материалы. С. 30, 31, 34—36.

68. Там же. С. 100, 101; ЦГАДА. Ф. 281. Он. 5, № 642, лл. 1—28

69. ЦГАДА, Ф. 1198. Оп. 1, д. 281, лл. 1—4.

70. ЦГАДА. Ф. 237. Оп. 1, ч. 1, д. 29, лл. 104—120, 136 об.

Стр.66.

вне того, что правительство нуждалось в услугах церкви, и потому вынуждено было лавировать между посадским населением и монастырем.⁷¹

Г. Б. Сафонова.

Художественное шитье 17—19 веков из Пафнутьев- Боровского монастыря

Художественное шитье — неотъемлемая частица истории русского искусства, справедливо называемая «живописью иглой».¹ Своего расцвета это мастерство достигло в средневековой Руси. В это время ведущая роль принадлежала лицевому шитью, развивавшемуся вслед за иконописью. В украшении интерьеров храмов, в оформлении христианского культа важное место отводилось шитому «узорочью», вышитым изображениям святых, библейских сюжетов. Это покровцы на церковные сосуды,

подвесные пелены к иконам, покровы на гробницы святых, хоругви. Если гибли произведения лицевого шитья, то об этом, как о гибели икон и рукописных книг, сообщалось в летописях.

Наряду с лицевым шитьем развивалось и орнаментальное. Оно украшало облачения священнослужителей, обогащало цветовую гамму лицевых изображений. Вместе с тем орнаментальное шитье использовалось в отделке одежды, головных уборов, предметов быта различных слоев русского общества, тесно соприкасаясь с народным искусством.²

Произведения художественного шитья высоко ценились, бережно хранились и служили чаще всего в качестве вкладов в крупные монастыри. Богатейшая ризница Пафнутьев-Боровского монастыря хранила немало шитых произведений, накопленных в течение столетий. Но до наших дней сохранились лишь немногие. В данном обзоре мы рассмотрим памятники

71. В 1678 г. церкви принадлежало 116,5 тыс. дворов, что означало прирост дворов на 20% по сравнению с числом их в середине века (94,3 тыс. дворов). См.: История СССР. Т. 3. М., 1967. С. 113.

1. Маясова Н.А. Древнерусская живопись иглой. // Сокровища музеев Московского Кремля. М., 1979.

2. Манушина Т.Н. Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983. С. 14, 15.

3 Леонид (Кавелин). Историческое описание Боровского Пафнутьева монастыря. М., 1859. С. 60—89.

Стр.67.

художественного шитья из коллекции Калужского краеведческого музея, своим происхождением связанные с Пафнутьев-Боровским монастырем.

Наиболее известен из них покров с изображением Пафнутия Боровского (вклад боярина Б.М. Лыкова-Оболенского), датированный 1632 годом.⁴ На среднике светло-вишневой шелковой ткани вышито в рост изображение Пафнутия Боровского, правая рука которого сложена для благословения, в левой он держит свиток. Фигура святого покоится на «поземе» ярко-желтого цвета, ниже — вышитая вязью летопись с указанием имени вкладчика и даты. Орнаментальное обрамление всего изображения составляет молитвенная надпись вязью по кайме покрыва. Особый интерес представляет способ выполнения лица и рук Пафнутия. «Личное» шито некрученым шелком телесного цвета, что имитирует атласистый блеск кожи. Окружение глаз, складки на лбу, морщины, суставы пальцев шиты шелком более темного тона. Основная мысль мастерицы — подражать мазкам кисти, стремление передать пластику лица и рук человека. В изображении облачения святого применены разнообразные приемы шитья шелковыми нитями: «в клопец», «в ягодку», «в елочку».

Вкладная надпись покрыва гласит: «Лета 7141 ноября в 23 день по обещанию боярина Бориса Михайловича Лыкова-Оболенского и жены его Настасьи сделан сей покров в пречестную и великую обитель Рождества Пречистой Богородицы и преподобного чюдотворца Пафнутия Боровского и положен сей покров на его чюдотворцев честный гроб 7142 лета октября 10 дня» (рис. 8).

Боярин Борис Михайлович Лыков-Оболенский (около 1570-1646 годов)— богатейший вкладчик в Боровский монастырь, известный политический и военный деятель первого тридцатилетия 17 века. Жена его, Настасья, чье имя указано на покрове, — Анастасия Никитична Романова, тетка царя Михаила Федоровича, сестра патриарха Московского и Всея Руси Филарета. В политической биографии Б.М. Лыкова нашли отражение крупнейшие исторические события его времени. Как воевода он был известен военными действиями про-

Стр.68.

тив войск И. Болотникова. В битве на р. Весме близ Каширы 5—7 июня 1607 года воеводам Голицыну и Лыкову удалось одержать победу, что устраняло угрозу нового похода И. Болотникова на Москву. В «Смутное время» в июне 1608 года Б.М. Лыков с князем И.С. Куракиным разбили отряд шляхтича Лисовского: «и сошедшись на Москвереке у Медвежьего брода, Лисовского со всеми побили и снаряд со всем обозом взяли». ⁵ В июле 1610 года Б.М. Лыков входит в состав высшего государственного органа — Боярской Думы, которая должна была временно править в отсутствие царя. ⁶ Во время правления Михаила Федоровича Романова Б.М. Лыков являлся членом Земских соборов, в 1627-1631 годах руководил Сыскным Приказом, присутствовал при приеме иностранных послов, по-прежнему участвовал в военных действиях. В 1633 году, когда «около Астрахани учинилось от татар смятение», туда был послан Б.М. Лыков, «которого имя более, нежели число войска страх делало». ⁷

В последние годы своей жизни Лыков постепенно отходит от государственных и военных дел в связи с преклонным возрастом. Умер он в 1646 году, похоронен в родовой усыпальнице в Пафнутьев-Боровском монастыре. Здесь же похоронена его жена, умершая в 1656 году и трое их малолетних детей. ⁸

С именем Б.М. Лыкова-Оболенского связан еще один предмет из коллекции Калужского краеведческого музея, созданный по его «обещанию и повелению» и вложенный в Пафнутьев-Боровский монастырь «за его здоровье и по его родителей». Потир золоченого серебра с четырьмя медальонами на чаше, с гравированными изображениями Богоматери, Христа, Иоанна Предтечи и Креста, с вкладной летописью на поддоне был подарен монастырю в 1623 году, чтобы «до скончания века служить».

Одним из произведений лицевого шитья в коллекции му-

5 Татищев В.Н. История Российская. Т. 6. М.-Л., 1966. С. 322.

6 Там же. С. 339.

7 Там же. С. 340.

8 Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь. Т. XVIII. СПб., 1896 С. 129.

9 Фонды КО КМ. № Кл7655, высота 24,5 см,

Стр.69.

зея, связанным, предположительно, с Боровским монастырем, является покровец на литургические сосуды с изображением Богоматери Знамение середины 17 века московской мастерской шитья. ¹⁰ На среднике темно-вишневого атласа вышито поясное изображение Богоматери типа Оранты с бюстом Христа в складках ее одежд, заключенное в круглый медальон. По желтовато-оливковой кайме золотой нитью плотной вязью вышит молитвенный текст иконе Богоматери, являющийся своеобразным декоративным обрамлением всего покрывца. Лица и руки персонажей выполнены шелком телесного цвета, но пластика «личного» передана довольно условно, без высокого профессионального мастерства. В целом, по художественному строю, разнообразию приемов шитья, цветовой гамме покровец с изображением Богоматери Знамение более скромнен, чем покров Пафнутия Боровского. Но эти два произведения, дополняя друг друга, рассказывают нам об удивительном мастерстве художественного шитья 17 века. (Рис. 9).

17 столетие завершало развитие средневекового русского лицевого шитья. Многие культовые произведения приобретают черты светской орнаментики, все реже на них

встречаются лицевые изображения, шитые шелком, уступая место живописным ликам, в узорах преобладают сложные и затейливые «травные» (растительные) мотивы.

В коллекции Калужского краеведческого музея хранится еще один покров с изображением Пафнутия Боровского,¹¹ не столь известный по сравнению с его знаменитым предшественником 1632 года, но тоже связанный происхождением с Пафнутьев-Боровским монастырем. Это покров 1748 года. В отличие от покрыва Б.М. Лыкова-Оболонского, он не содержит никаких данных о вкладчике, в правом нижнем углу каймы указана только дата. Выполнен он не в традиционной технике художественного шитья, а аппликацией. «Личное» выполнено уже не шелком, а в технике живописи. Общая композиция покрыва 1748 года почти ничем не отличается от покрыва 1632 года, фигура святого изображена в аналогичной позе, по кайме также шитая вязью молитвенная надпись. Но по художественным достоинствам эти два произведения не-

10. Фонды КО КМ. № Кп 10784, размер 49х47,5 см.

11. Фонды КО КМ. № Нв 3987/55, размер 210х125 см.

Стр.70.

сопоставимы. Столетие, разделяющее эти два покрыва, оставило заметный след. Покров 1748 года выполнен аппликацией: фигура святого, его облачение, «позем» выполнены из тканевых нашивок различного цвета, закрепленных на темно-вишневом атласе. Лицо и руки святого — живописные. Технические приемы работы далеки от совершенства. В покрыве золотым и серебряным орнаментальным шитьем выполнены нимб над головой святого и епитрахиль его облачения. Растительный орнамент выющихся стеблей и букетиков, перевязанных у основания, производит впечатление массивного, кованого металлического узора. Покров 1748 года, вероятно, можно считать не совсем удавшейся попыткой скопировать талантливое произведение предшествующего столетия в тех условиях, когда уже было утрачено мастерство лицевого шитья.

Произведения орнаментального шитья 18-19 веков и коллекции Калужского краеведческого музея представлены в основном покрывцами и пеленами на литургические сосуды, происходящими из Лаврентьевского монастыря и Тихоновой пустыни. Выполнены они в разнообразной технике вышивки: золотной, бисером, гладью, тамбуром по бархату, атласу, шелку различных цветов. Из Пафнутьев-Боровского монастыря в коллекции музея хранятся около 20 предметов—составных частей священнического облачения. Это фелони, епитрахили, стихари, сшитые из драгоценных парчевых и бархатных тканей. Их «травные» узоры отличаются пышностью и сложностью рисунка. Но орнаментальное шитье на них отсутствует, его заменяют широкие полосы позумента, бахромы, блестки. Вероятно, сложность и красочность узора ткани диктовали чувство соразмерности при применении дополнительных украшений. Оплечье одной из фелоней начала 19 века отделано полосой золотного позумента с довольно светским, широко распространенным орнаментом меандра. А в декоре парчовой епитрахили 19 века с крупным растительным узором примечательны шесть сканых пуговиц, напоминающих бутоны еще не распустившихся цветков.

Немногочисленные сохранившиеся до наших дней памятники художественного шитья, происходящие из Пафнутьев-Боровского монастыря. Но вместе с шитыми произведениями из других монастырей Калужской земли они могут дополнить и уточнить наше представление об удивительном искусстве рус-

Стр.71.

ского художественного шитья.

**Развитие кустарных промыслов
в Боровском уезде Калужской губернии**

Процесс становления и развития кустарных промыслов в Калужской губернии в достаточной мере объясняется экономическими и социальными причинами, характерными для быта русских крестьян 19 века. Корни этого явления были исследованы В.И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России», где указывалось, что «...будучи необходимой составной частью городского быта, ремесло распространяется в значительной степени в деревнях, служа дополнением крестьянского хозяйства». История изучения наших кустарных промыслов говорит о том, что многие из них, несомненно, возникли из домашнего производства и сохраняли относительную самостоятельность, пока работали на близкий рынок или по заказам потребителей. Работа же мелкого производителя на отдаленный рынок неизбежно подчиняла его более сильному экономическому посреднику. Другие же промыслы являли собой порождение фабричной промышленности. Следовательно, эволюция этих двух типов кустарных промыслов тоже была разной: в одном случае это путь от самостоятельного кустика через наемную домашнюю промышленность к фабрике, а другом—от фабрики через наемную домашнюю промышленность к самостоятельному кустарю.

Первые сведения о развитии кустарных промыслов в Боровском уезде Калужской губернии мы находим в купеческих наказах в Комиссию, созванную Екатериной II, для составления Уложения 1767 года. Боровские купцы, чувствуя в крестьянине-кустаре уже своеобразного конкурента, пишут о том, что «...иные крестьяне имеют у себя солодовни, также масляные и кожевенные заводы».² Разумеется, о заводах, как таковых, речь не идет, скорее имеются в виду обычные кустарные заведения. Изучение этнографического и исторического материала по Калужской губернии позволяет представить довольно пеструю картину кустарных промыслов в Бо-

1. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // ПСС, т. 3. С. 329.

2. Кустарные промыслы Калужской губернии и местная кооперация. Калуга, 1920. С. 15.

Стр.72.

ровском уезде к середине 19 века. Следует отметить, что этому способствовали и природные условия, и географическое положение уезда. В частности, неплодородные суглинистые почвы не позволяли крестьянам ориентироваться в своем хозяйстве только на земледелие, заставляли искать другой источник дохода. Близость такого развитого промышленного центра, как Московская губерния, существование в самом уезде фабрик и заводов дало возможность населению обращаться к разнообразным заработкам помимо земледелия. Если исходить из анализа экономической ситуации в уезде на 1898 год, то следует отметить, что его благосостояние и платежная способность зависела во многом от степени процветания промыслов.³

Обращаясь далее к анализу кустарных промыслов Боровского уезда, возможному на данном этапе, следует отметить, что в отдельных случаях самый характер промысла, развившегося из недр натурального хозяйства, имел тесную связь с местными естественными условиями. Так, наличие в окрестностях селений хорошей глины обусловило возникновение и развитие черепичного промысла в Рождественской и Нелюбовской волостях, в частности, занимались им кустари из деревни Варшавицы. Сбыт черепицы не вызывал сложностей, однако, у мастеров были свои проблемы: достаточно низким был профессиональный уровень; кустари испытывали нужду в кредите на первоначальное обзаведение производства. Обыкновенно, кредит доставался за 25%, что

невыгодно отражалось на промысле. В Чубаровской волости издавна существовал колесный и ободничный промысел, однако в конце 19 века количество кустарей значительно сократилось, и промысел пришел в упадок. Этому во многом способствовало подорожание материала — дуба, конкуренция крупного колесного производства, созданного в уезде некоторыми лесовладельцами, понижение спроса на колеса из-за сокращения извозного промысла, разрушавшегося в результате проведения в крае нескольких железных дорог. В конце 19 века здесь же, в Чубаровской волости, производились так называемые «боровские» телеги, славившиеся своей прочностью и искусной обработкой деревянных деталей. Изделия сбывались в Москву, на юг, в

3. Памятная книга и адрес-календарь Калужской губернии на 1898 г. Калуга, 1898.

Стр.73.

Орловскую губернию, пользовались большим спросом в Калужской губернии. Шорный промысел в губернии был развит довольно слабо, и в основном им были заняты мастера Рощинской волости Боровского уезда. До начала 20 столетия довольно благополучно существовал в Никольской и Тарутинской волостях золотосусальный промысел. Из промыслов, связанных с обработкой волокнистых материалов, в Боровском уезде развивались ленточный, тесемный, ткацкий и кружевной. Ленточное и тесемное производство существовало в Незамаевской волости. Тесьма и ленты изготовлялись из бумаги и шелка и сбывались в Калужской и других губерниях. Но количество кустарей, занятых этим промыслом, было невелико, и промысел не имел должного экономического значения.

Бытование ткацкого промысла в Боровском уезде, как и вообще в губернии, имеет свою особенность. Прежде всего, с незапамятных времен в быту калужских крестьян особое место занимало цветное ткачество, сложившееся в связи с внутренними нуждами крестьянской семьи. Узорчатые ткани изготовляли главным образом для себя, сбывая излишки на соседних базарах. Традиционно в декор крестьянской одежды, где главное место отводилось цветной перевити, входило и цветное ткачество. Женские рубахи, занавески-передники, ритуальные праздничные полотенца, скатерти украшались «перетыками» или «заборами». Общее название ткацкого узорчатого холста — «перетыка». В практике калужских мастеров бытовали два вида перетыканья — закладная техника и браная. Технически их легко отличить: при закладной технике по краям отдельного элемента орнамента получаются сквозные отверстия, при браной таких отверстий не бывает. В том и другом виде при белой льняной основе нитки утка применяются цветные, в основном красные. При закладной технике, которая была менее распространена в Боровском уезде, как и в губернии в целом, получаются цветные геометрические узоры красных, синих, зеленых, желтых оттенков. При широко распространенной браной технике на красном фоне выделяется белый орнамент. В перетыках по закладной технике рисунки двусторонние, в заборах уже имеется изнанка. Узорное ткачество явно преобладало в декоре праздничных рубах калужских крестьянок. У холщевых праздничных рубах рука-

Стр.74.

ва от плеча до кисти были красными, забранными; впереди, ниже ворота, рубаху украшали полоской тканья — в народе это называлось «забранная душа», внизу пришивался тканый забранный подол. Орнаментальные мотивы узорного ткачества, как и в уезде, так и во всей губернии были, в основном, геометрические — так называемые символы плодородия (ромб с его вариациями) или солярные (чаще всего косой крест). В украшении узорным ткачеством женских рубах мы видим определенное возрастное

ограничение: ромбические тканые узоры украшали, как правило, рубахи молодых женщин. Невесты в калужских селах надевали к венцу под фату-дымку свадебное полотенце, богато украшенное ткаными и вышитыми ромбическими узорами. Символы плодородия и солярные знаки (обереги), вышитые и затканые, определяли декор праздничной женской занавески. Связь ромбического узора со свадебной обрядностью и бытом молодой замужней женщины заставляет нас обратить на него особое внимание, так как весь свадебный ритуал в народном быту был пронизан магическим содержанием и, в первую очередь, магией плодородия. По мнению исследователей, идея плодородия в свадебной обрядности выступала и как будущая плодovitость девушки-невесты, и как плодородие вспаханной и засеянной земли.⁴ Известны обычаи на русских свадьбах преподносить караваи хлеба, осыпать зерном. Этот обычай существовал и в свадебном ритуале калужских крестьян.⁵ «Женщина уподобляется земле, рождение ребенка уподобляется рождению нового зерна, колоса. В этом слиянии аграрного и женственного начал сказывается не только внешнее уподобление по сходству сущности жизненных явлений, но и стремление слить в одних и тех же заклинаниях и благопожеланиях счастье новой семьи и урожайность полей, обеспечивающую это буду-

4. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 471—527.

5. Шереметева М.Е. Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга, 1928. С. 112; Ляметри П. Свадьба крестьян Мещовского уезда. // Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 годы. Калуга, 1899. С. 204—118; Толмачев А. Крестьянская свадьба в Малоярославецком уезде. // Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 годы. Калуга, 1899. С. 219—232.

Стр.75.

щее счастье».⁶ Здесь мы видим тот самый комплекс, «который выражался в Древней Руси понятием «рожаницы» — покровительницы как рождаемости, так и урожайности». В качестве стилистической аналогии можно привести другой этнографический материал по Калужской губернии: солярные знаки и ромбические композиции, кроме цветного ткачества и вышивок, встречаются также в деревянной резьбе — на прялках, в деревянной архитектурной резьбе, на старинных женских украшениях из металла. Прялка, как известно, часто являлась свадебным подарком жениха невесте, наконец, прялка — орудие чисто женского труда. Изображение символов плодородия и солярных знаков в орнаменте тканых занавесок, рубах невесты, молодой женщины в Калужской губернии вообще и в Боровском уезде, как в одном из мест локализации цветного ткачества, в частности, не случайно отличается такой устойчивостью. Символика плодородия этих мотивов и значение их в качестве оберегов сохранились в представлении калужских крестьян вплоть до начала 10 века. Крестьянка, жизнь которой была ограничена семейно-хозяйственными интересами, была хранительницей древних представлений обрядов, отражавшихся в области женского искусства—цветном ткачестве. Народная традиция пронесла сквозь столетия внешнюю форму древних знаков и сохранила их определенное место на вещах в крестьянском быту. (Рис. 10, 11).

Итак, народное цветное ткачество, локализованное в пределах территории Боровского уезда, было, в основном, сориентировано на нужды крестьян. Это определило специфику бытования его орнамента в определенном предметном контексте: народные мастера, утратив к середине 19 века представления о культово-магическом значении традиционных геометрических мотивов, не низводят их до простого узора, а сохраняют их доброжелательно-апотропейное значение как символа добра, защиты от злого начала, вводят в декор женского костюма, обрядового полотенца и в этом смысле интуитивно развивают многовековую художественную традицию. Таким образом, мы вправе

рассматривать цветное ткачество боровских мастеров в рамках художественного промысла как один из видов народного художественного творчества в Ка-

6 Рыбаков Б. Л. Ук. соч. С. 42.

Стр.76.

лужской губернии, истоки которого следует искать в дошедших до нас остатках материальной культуры славян-вятичей, населявших край в 6—9 веках н. э. Судьба узорного ткачества в целом по губернии весьма печальна: с разрушением устоев натурального хозяйства, с преобладанием в экономике фабричного механизма, с проникновением элементов городской культуры в село цветное ткачество постепенно отмирало.

Чисто кустарное ткачество в Боровском уезде получает свое распространение с 18 века. С 30-х годов 19 века начинается развитие нашей отечественной бумаготкацкой промышленности, что выражалось преимущественно в росте мелкого ткачества. С 50-х годов хлопчатобумажное ткачество становится преобладающим крестьянским промыслом в большинстве центральных губерний, в том числе и Калужской. Исторический материал по кустарным промыслам губернии позволяет выделить Боровский уезд, как один из преуспевающих в развитии данного промысла.⁷ Пути его распространения в уезде были во многом традиционны: промысел приносили в уезд крестьяне, возвращавшиеся с ткацких фабрик других губерний; более углубленному его развитию способствовало и открытие первой бумаготкацкой фабрики в Калужской губернии, которая была организована в 1830 году в имении П.М. Губина в с. Спас-Лыковщина Малоярославецкого уезда. С этого времени по деревням Калужской губернии и в крестьянских избах стали появляться ткацкие станки, небольшие мастерские, для которых их хозяева (мастерки) получали пряжу от московских фабрикантов. В конце 19 века ткацкий промысел в Калужской губернии был в основном сосредоточен в Боровском, Малоярославецком и Тарусском уездах. По официальным данным 1900 года число ткачей в Боровском уезде доходило до трех тысяч. Производство охватывало шесть волостей. Кроме самостоятельных кустарей, значительное число ткачей было занято в маленьких мастерских местных промышленников. Наибольшее число кустарей было в деревне Ново-Михайловской Кривской волости, где производились хлопчатобумажные фартуки и полотенца, одеяла и сарпинки. Ткачи других волостей занимались выделкой платков, бумаж-

7. Кашкаров Б.М. Географический очерк Калужской губернии. Калуга, 1908. С. 259.

Стр.77.

ных и шерстяных, так называемых черкасиновых и меланжевых, хлопчатобумажных шалей. Ткацкий промысел в Боровском уезде к 90-м годам был развит настолько, что почти в каждом доме крестьянина имелись ткацкие станки и прочие принадлежности. Некоторые ткачи-кустари имели маленькие фабрики, где работали до 50 подмастерьев-кустарей. Таким образом, промысел постепенно сосредоточивался в руках более зажиточных мастеров, которые захватывали все торговые операции, являясь посредниками по приобретению сырого материала и по сбыту выработанных тканей. В дальнейшем они уже переходили на положение предпринимателей домашней системы промышленности, то есть сами уже раздавали пряжу и получали ее в обработанном виде за сдельную плату. Такова в общих чертах эволюция ткацкого промысла в уезде. Если цветное ткачество и вышивка перевитью играли ведущую роль в быту калужских крестьян, то отношение к кружевоплетению было несколько иное. Крестьянское

население губернии не могло уделять плетению кружева много времени, нужного для изготовления других, самых насущных предметов быта. Украшением народной одежды обыкновенно служили узорное ткачество и вышивка перевитью, более быстрые в исполнении. Лишь у незначительной части крестьян была материальная возможность покупать кружево или выплетать льняное численным способом, обусловившим в основном геометрический характер узоров. Плелось оно из толстой домашней пряжи, что вполне соответствовало тем тканям (холсту, крашенине, пестряди), которые украшало. Образцов калужского народного кружева 18 — 1-ой половины 19 веков не сохранилось. Этнографическая коллекция по Калужской губернии зафиксировала крестьянские праздничные полотенца 2-ой половины 19 века, в декоре которых богатое цветное ткачество и вышивка соседствуют с довольно примитивным кружевом. (Рис. 12). По городам и монастырям губернии были отдельные мастерицы-кружевницы, но как промысел кружевничество значительное развитие получило лишь в Боровском уезде. Представляется, что зарождение и развитие кружевного промысла и Боровском уезде органичнее будет рассматривать в контексте истории возникновения русского кружева вообще. Кружево — искусство европейское. От 2-ой половины 16 века дошли до нас многочисленные памятники плетеного кру-

Стр.79.

жева, тогда же появился самый термин, обозначающий кружево в языках разных стран, оспаривающих друг у друга право называться родимой кружевоплетения. В 16 веке в Западной Европе кружево выделяется в ремесло и становится предметом торговли. С конца 16 века и до 1-ой половины 18 века кружево (в основном, металлическое) ввозится в Россию, но начинает производиться и отечественными мастерами. В 18 веке вслед за развитием производства металлического кружева в России появилось кружево, плетеное из шелковых и льняных нитей. В середине 18 века у русского дворянства уже имелись собственные мастерские, так называемые «девичьи», где работали крепостные кружевницы. В 1-ой половине 19 века возникают настоящие кружевные мануфактуры. Самая крупная из них принадлежала помещице Протасовой в Мценском уезде Орловской губернии. В 1-й половине 19 века кружевной промысел появляется в Калужской губернии. Его развитие в Боровском уезде Чубаровской волости связано с именем Марии Николаевны Маркоткиной, крепостной кружевницы помещика Н.Г. Челищева. Напомним об условиях жизни и труда крепостных кружевниц. В системе крепостнического хозяйства их положение было достаточно тяжелым. Постоянное наблюдение за работой, строгий учет затраченного материала и выработки — такова была сложившаяся система управления «девичьей». За малейшее неповиновение, попытки изменить свою жизнь их ожидало суровое наказание: обрезание косы, что считалось позором, ссылка в дальнюю деревню, насильное венчание с неизвестным барщинным крестьянином-бедняком. Такой была судьба и М.Н. Маркоткиной. Она родилась в 1764 году. Жизнерадостная и сметливая, она была лучшей кружевницей в с. Васюнине Подольского уезда Московской губернии. Однако, узнав о ее любви к дворовому человеку, помещик не пощадил и лучшую кружевницу. М. Маркоткина была сослана в Чубаровскую волость и только недюжинное дарование и сильный дух помогли ей выжить. Она, поддерживая заработком семью, плела кружева на продажу, обучала своему мастерству других. Скончалась мастерица в глубокой старости в 1854 году. Рассказ о ее жизни был записан со слов священника с. Васюнино, знавшего ее лично, одной из первых исследовательниц

Стр.79.

русского кружева С.А. Давыдовой.⁸ Развитие кружевного промысла в Тарутинской волости Боровского уезда связывается с деятельностью помещиц с. Чернышина

Челищевых, занимавшихся плетением кружев. К концу 19 века кружевоплетением в Боровском уезде были заняты 1682 кружевницы. Промысел привился и охватил почти все селения обеих волостей. В нем принимали участие и подростки, и девочки с 6—7 лет. Сами орудия производства (подушка, коклюшки, булавки) были достаточно просты и стоили не более 3-х рублей. Это создавало условия для быстрого распространения промысла, играло существенную роль в крестьянском бюджете. Чистый заработок некоторых крестьянских дворов достигал 70 рублей в год, но покупался он довольно дорогой ценой: почти 18-часовой ежедневной работой в течение 150-зимних дней. В среднем одна кружевница вырабатывала до 180 аршин кружев в год. Мастерицы плели кружево в виде непрерывной полосы любой длины с повторяющимся рисунком, мотивы были чаще всего геометрические или растительные — это так называемое мерное кружево. К нему относились прошва и край. У прошвы были ровные кромки и она предназначалась, как правило, для пришивания к двум полотнищам ткани в качестве приставки. Часто так отделявали скатерти и наволочки. Но прошва шириной по 40—60 см могла быть и самостоятельным украшением. Край имел одну ровную кромку, а другую зубчатую и обыкновенно служил отделкой концов полотенца, передника. Штучное кружево боровские мастерицы, как правило, не производили. Стилистически оно было очень близко кружеву подольских мастериц: чаще всего многопарное, с цветочными рисунками на тюлевом фоне, с тонкими решетками, со сканью ободов. Калужское кружево в целом характеризует особая тонкость, явное предпочтение тюлевому фону, легкие растительные узоры. Встречаются и геометрические мотивы, но они сопровождаются, как правило, схематическими растительными элементами. Калужское кружево ценилось за легкость и изящество и целиком сбывалось в мастерские Москвы. Боровский кружевной промысел в 1910-е годы стал приходить в упадок. Изменить условия тру-

8. Давыдова С.А. Русское кружево и русские кружевницы. СБб., 1892. С. 67.

Стр.80.

да и быта кружевниц в условиях капитализма было невозможно.

Такова картина развития кустарных и художественных промыслов Боровского уезда Калужской губернии в 19—начале 20 веков.

Н.Г. Дешин.

Первый краевед Боровского края (Н.П. Глухарёв).

Краеведческое движение, начатое в 1920-е годы, в настоящее время получило новое развитие. «Любовь к родному краю, знание его истории — основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Культура как растение: у неё не только ветви, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней».¹ Известны имена боровских краеведов 1920—1980-х годов — Г.Н. Дешин, Н.М. Луковкин, В.В. Благовещенский, П.А. Подшивалов, А.А. Антипов, Н.Г. Дешин; М.С. Жилинский, В.М. Завитаев и другие.

В настоящее время мало кто помнит имя Николая Поликарповича Глухарева. Его по праву можно назвать первым краеведом Боровского края. Более четверти века он, не жалея сил и средств, работал над воссозданием истории г. Боровска и его уезда. Его деятельность приходится на конец 19 и первые два десятилетия 20 века. В мае 1920 года он умер, передав свои коллекции Советской власти.²

Дату рождения Н.П. Глухарева установить пока не удалось. Он происходил из купеческого сословия. В середине 19 века дед Николая Поликарповича — Аксен Глухарев

был уважаемым купцом в Боровске, а отец, Поликарп Аксенович, как написано на сохранившейся упаковке чая, имел «торговлю чая, сахару, деревянного масла и восковых свеч».³ Самому же Н.П. Глухареву принадлежал химический завод в д. Леташовка Боровского уезда, основанный московским купцом Саниным в 1848—1849 годах. Уже в 1872 году П.И. Санин получал с этого завода продукции на 254000 рублей. На нем работало 185 человек. К концу века

-
1. Лихачев Д.С. Уচিত земля родная. // Советская культура. 20 октября 1987 г.
 2. Кончин Е. Хранить постоянно. Тула, 1982. С. 42—45.
 3. ЦГАДА. Ф. 1198. Оп. 242, 6 43л, л. 1.

Стр.81.

на заводе вырабатывали берлинскую лазурь и белила на 400000 рублей.⁴

Н.П. Глухарев активно участвовал в общественной жизни г. Боровска и уезда. В 90-х годах 19 века они совместно с учителем С.Е. Чертковым, служащим казначеем И.А. Казанским складываются по 30 рублей на напечатание книги К.Э. Циолковского «Аэростат металлический управляемый».⁵ Когда был поставлен вопрос о строительстве железной дороги, то Н.П. Глухарев высказывался за то, чтобы она прошла через г. Боровск. Это предложение он подтверждал экономическим расчетом.

До 70% жителей г. Боровска составляли старообрядцы. Здесь, в земляном остроге, умерли за веру боярыня Морозова и княгиня Урусова. В Пафнутьев-Боровском монастыре дважды находился в заточении идеолог старообрядчества протопоп Аввакум. В 1904—1905 годах Н.П. Глухарев хлопотет о разрешении поставить крест на могиле боярыни Морозовой и княгини Урусовой, для чего ему приходится ехать в министерство внутренних дел в Петербург. Калужский губернатор делает запрос: «Какая цель преследуется Глухаревым при поставке креста на могилу старообрядков?». Н.П. Глухарев отвечает: «Цель христианина поставить крест на могиле христиан». Через некоторое время калужский губернатор разрешит поставить крест на могиле и обнести ее оградой. В старообрядческом журнале за 1909 год появляется маленькая заметка: «Боровск (от нашего корреспондента). Боровская городская Дума по ходатайству совета Всехсвятской старообрядческой общины, в заседании своем 29 минувшего апреля постановила: отвести 24 квадратные сажени земли на Городище, на месте могилы княгини Урусовой и боярыни Морозовой, для имеющейся в недалеком будущем постройки памятника-часовни на их могиле, при участии всероссийского старообрядчества».⁶

После февральской буржуазной революции 1917 года Н.П. Глухарев входит в число членов Исполнительного ко-

-
4. Памятная книга Калужской губернии на 1873—1874 гг. Калуга, 1874; Памятная книга Калужской губернии на 1898 г. Калуга, 1899. С. 217, 218.
 5. Арлазоров М. Циолковский. М., 1961. С. 63.
 6. «Церковь». Старообрядческий журнал. № 24, 1909 г; Боровская жизнь. № 5. 7 мая 1917 г.

Стр.82.

митета от ремесленников г. Боровска (май), а 23 июля 1917 года избирается в число гласных Боровской городской Думы от торгово-промышленного союза. Боровчане выдвигали его на должность мирового судьи, а также председателя уездного продовольственного комитета. Когда летом 1917 года встал вопрос о снабжении уезда семенной рожью, Н.П. Глухарев как председатель продовольственного комитета 7—8 августа добился от губернского комитета выделения дополнительно к 32 вагонам еще 16 вагонов семенной ржи. В апреле 1917 года им был поднят вопрос о снабжении пчеловодов

сахаром. Когда возник конфликт рабочих с фабрикантом Исаевым о прибавке заработной платы в с. Ермолино, Н.П. Глухарев предложил следующую резолюцию: «...поставить в известие Исаева, чтобы он немедленно исполнил все требования рабочих...». Исаев прибавил заработную плату рабочим на 25% вместо 40%, которые они просили. Огромное внимание Н.П. Глухарев уделял народному просвещению. По его инициативе и на его средства в 1904 году была открыта бесплатная библиотека в д. Тарутино Боровского уезда, а в 1913 году открывается земская народная изба-читальня в с. Балабаново, где он сам становится заведующим библиотекой.⁸ Энтузиаст своего дела, Н.П. Глухарев в 1901 году выпускает в Москве брошюру «Устройство городских, сельских и домашних библиотек». В 1903 году увидело свет другое его произведение — водевиль «Два друга — метель да вьюга». Продавались эти сочинения во всех книжных магазинах Москвы и Петербурга.

С горечью узнали боровчане о смерти Л.Н. Толстого. За подписью Н.П. Глухарева было отправлено соболезнование: «Боровская земская управа и санитарный совет скорбят о потере Льва Николаевича Толстого, в лице которого потеряли художника слова, борца за правду и обездоленных людей».⁹ Н.П. Глухарев был создателем и редактором первой местной газеты «Боровская жизнь», которая выходила с апреля по октябрь 1917 года. В ней подробно освещалась местная жизнь, уездные новости, печатались исторические очерки. Выходила газета раз в неделю по воскресеньям. (Рис. 13, 14).

7. Боровская жизнь. № 5. 7 мая 1917 г.

8. Морозова Г.М. Библиотечное дело в Боровске. // За коммунизм. № 19. 15 февраля 1986 г.

9. Калужский курьер. № 32. 20 ноября 1910 г.

Стр.83.

Ни один из боровских краеведов не может обойтись без того исторического материала, который был собран и напечатан Н.П. Глухаревым. Всю свою жизнь он создавал одну из самых богатейших коллекций рукописных и старопечатных книг. В 1913—1914 годах выходят два тома «Материалы для истории г. Боровска и его уезда». В предисловии к 1 тому он пишет: «Более пятнадцати лет тому назад я решил написать полную историю своего родного города и его уезда. Когда был выработан план работ, то я был изумлен его размерами и тем, что едва ли хватит моей жизни для его осуществления.¹⁰ Но Н.П. Глухарев был глубоко убежден, что работа по сбору материала по истории г. Боровска и его уезда необходима. Он даёт объявления в газетах, призывая боровчан оказать помощь. Вот одно из них в газете «Боровская жизнь»: «Н.П. Глухарев, г. Боровск, Гостиный двор. Покупает старинные предметы из железа, чугуна, свинца, олова, меди; серебра; золота; стекла; фаянса и фарфора. Покупает медные, бронзовые, серебряные и золотые монеты, медали, жетоны и юбилейные значки. Покупает книги, географические карты, планы, картины, рукописи, архивные документы и всевозможные старинные, вещи и предметы».¹¹

Коллекции архивных документов, рукописных и старопечатных книг, картин, монет, старинных предметов церковного и светского быта положили начало созданию краеведческого музея в г. Боровске. Н.П. Глухарев становится его первым заведующим.¹² 17 декабря 1919 года за подписью А.В. Луначарского была дана охранный грамота на музей.¹³ В

10. Глухарев Н.П. Материалы для истории г. Боровска и его уезда. Т.1. Боровск, 1913. С. 1.

11. Боровская жизнь. № 5. 7 мая 1917 г.

12. ЦГА РСФСР. Ф. 2307. Оп. 3, д. 309, л. 45.

13. Приводим полностью текст Охранной грамоты, данной Н.П. Глухареву 17 декабря 1919 года. «Охранная грамота. Сим удостоверяется, что музей г. Боровска, собранный Н.П. Глухаревым, находящийся в его квартире в г. Боровске и заключающий в себе коллекции картин, гравюр, художественных предметов древности и быта Калужского края состоит под охраной и ведением Всероссийской Коллегии по делам Музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата Просвещения.

Стр.84.

мае 1920 года Н.П. Глухарев умер. Контроль за музеем взял Отдел по Делах Музеев Наркомпроса. Телеграммой от 7 августа 1920 года Наркомпрос просит срочно «командировать лицо, коему поручено заведование музеем имени Глухарева для экстренного выяснения вопросов, касающихся музея». Музей в это время располагался в г. Боровске на улице Калужской в доме № 120.¹⁴ В 1921 —1922 годах музей не работал.

В этот период в с. Роша на территории Пафнутьева монастыря начал действовать историко-художественный музей, научным сотрудником которого был назначен с 1 мая 1923 года Г.Н. Дешин. Функционировал школьный музей, основанный Н.М. Луковкиным. Было также организовано «Рощинское общество изучения местного края», члены которого 12 сентября 1923 года просили Отдел по Делах Музеев предоставить помещение в Пафнутьев-Боровском монастыре для размещения в нем музея местного края, «присоединив сюда Глухаревский музей, находящийся сейчас в свернутом виде в г. Боровске».¹⁵

До 1954 года в г. Боровске работал краеведческий музей, основу которого составили коллекции Н. П. Глухарева.

Конечно, собранный материал о Н.П. Глухареве не полон и ждет дальнейшего исследования.

Помещение, коллекции, обстановка и прочий инвентарь ни в коем случае никакой реквизиции не подлежит. Исключительное право распоряжения хранящимися коллекциями, обстановкой и пр. инвентарем принадлежит управлению данного Музея, которое действует с ведома и согласия с Всероссийской Коллегии по делам Музеев и охране памятников искусства и старины.

Народный Комиссар по Просвещению. А. Луначарский.

Председатель коллегии по делам Музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса. Н.Троцкая». — ЦГА РСФСР. Ф. 2307. Оп. 3, д. 309, л. 49. Публикуется впервые. Публикацию подготовил Осипов В. И.

14. ЦГА РСФСР. Ф. 2307. Оп. 3, д. 309, л. 28.

15. ЦГА РСФСР. Ф. 2307. Оп. 8, д. 211, л. 10—10 об.

Стр.85.

О.В. Головникова.

Культурное строительство в Боровском гарнизоне в начале 1920-х годов (По материалам Московского военного округа)

На всех этапах истории Красная Армия наряду с выполнением своих прямых задач по обучению и подготовке личного состава к защите завоеваний Советской страны, играла важную роль в решении задач культурной революции. Вопросы воспитательной работы занимали всегда центральное место в жизни армии. Особенно остро эти вопросы встали после окончания гражданской войны, когда в армию пришло молодое пополнение.

Каждый призванный в Красную Армию должен был усвоить необходимый объем общественно-политических знаний, получить представление об армии нового типа, ее задачах, строении, истории. Для многих рабочих и крестьян армия стала общеобразовательной школой.

Культурное строительство в Красной Армии — это, прежде всего, партийно-политическая работа, в задачи которой входило партийно-политическое и культурное просвещение масс. В задачи культурного просвещения в рассматриваемый период входили: школьная, библиотечная и клубная работа.

Общее руководство партийно-политической работой в Красной Армии осуществляло Политуправление Реввоенсовета Республики (ПУР). В масштабе округа эту работу проводило политуправление округа, в масштабах губернии — губполитсекретариат (ранее политотдел) соответствующего губвоенкомата, в уездах — партиячейки.

Московский военный округ в рассматриваемый период был одним из самых крупных. В начале 1920-х годов в его состав входили: Владимирская, Воронежская, Вятская, Иваново-Вознесенская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Тульская Ярославская губернии.

Численность красноармейцев в войсковых частях и учреждениях г. Калуги и Калужской губернии, отчитывавшихся перед Губполитсекретариатом, к концу 1921 года состав-

Стр.86.

ляла 3,5 тыс. человек,¹ а на 1 апреля 1922 года — 2 554 человека².

В Боровском гарнизоне в 1920—1921 годах находились: Боровский УВК с командой 30—35 человек, Боровская караульная рота (ранее — караульная команда, подчиненная Калужскому губвоенкомату) — 78 человек и 6-я рота 28 полка ВНУС — 100 человек³. Штаб 28 полка ВНУС находился в Калуге, в октябре 1921 года полк был расформирован.

С февраля 1920 года по июнь 1922 года Боровским уездным военкомом был Гусев Василий Харитонович. Согласно послужному списку, хранящемуся в ЦГАСА, В.Х. Гусев родился в 1893 году в д. Редькино Рошинской волости Боровского уезда, участвовал в 1-й мировой войне. Последний чин в старой армии — младший унтер-офицер, член РКП(Б) с 28 апреля 1918 года. С сентября 1918 года В.Х. Гусев исполнял выборные обязанности в Уездисполкоме г. Боровска. 8 июня 1919 года он вступил на службу в РККА и с июля 1919 года до февраля 1920 года был политическим комиссаром курсов Всеобуч в г. Калуге. В июле 1922 года на посту Боровского уездвоенкома В.Х. Гусева сменил его помощник Юркин Козьма Козьмич. К.К. Юркин родился в 1892 году, член РКП (б) с 19 октября 1918 года, окончил сельскую школу, в РККА с 1 июня 1918 года⁴.

Политическое просвещение и культурно-просветительскую работу в небольших воинских частях, расположенных в уездах, организовывали партиячейки. Объединяющим органом являлся Политотдел Губвоенкомата. Между ячейками воинских частей и местным комитетом РКП (б) существовал непосредственный контакт, так как ячейки входили в состав последнего. Так, известно, что в декабре 1920—марте 1921 года в Боровском гарнизоне существовала одна партиячейка (6 коммунистов)⁵. Для ведения культурно-просветительской работы на местах создавались и культурно-

1. ЦГАСА. Ф. 25883. Оп. 2, д. 912, л. 12,.

2. Там же. Л. 136 об.

3. Там же. Д. 884, лл. 1 об, 14 об.

4. Юркин К.К. прослужил в этой должности до 1 июля 1923 года.

5. ЦГАСА. Ф. 21883. Оп. 2, д. 884, лл. 1 об, 14 об, 18.

Стр.87.

просветительные комиссии. В Боровском гарнизоне в начале 1921 года существовала одна такая комиссия, состоявшая из трех человек (1 коммунист, 2 беспартийных)⁶.

Политотдел Калужского Губвоенкомата контролировал работу культпросветкомиссий воинских частей, снабжал культпросветы по мере возможности денежными средствами, литературой, необходимыми пособиями и принадлежностями.

Одной из важнейших задач в Красной Армии была ликвидация безграмотности. Если в первые годы в Красной Армии в некоторых частях неграмотные составляли до половины личного состава, то за годы гражданской войны Красная Армия достигла больших успехов в деле ликвидации неграмотности. К концу войны в некоторых округах и крупных соединениях с неграмотностью в основном было покончено. Этот вопрос снова стал острым в связи с призывом нового пополнения, которое в большинстве своем было неграмотным. Объявленный в конце 1925 года приказ РВСР № 2915 предписывал усилить работу по ликвидации неграмотности в войсковых частях⁷. Введенное этим приказом новое положение об общеобразовательных школах в Красной Армии и Флоте определило задачи школьной работы, виды общеобразовательных школ в армии, порядок обучения, общие принципы и методы работы в школах. В положении предусматривались следующие виды общеобразовательных школ в армии: а) школа грамоты (для неграмотных и малограмотных); б) школа повышенного типа (для грамотных). Школьные занятия согласно положению должны были проводиться ежедневно в течение двух часов. Были установлены сроки обучения в школах: для неграмотных — 3 месяца, для малограмотных — 6 недель, для грамотных — 3 недели.⁸

В марте 1921 года в Боровском гарнизоне действовала одна школа грамоты, в которой был один преподаватель и 15 учащихся⁹.

В проведении культурно-просветительной и школьной работы в частях, расположенных в уездах, были свои труд-

6. Там же.

7. Партийно-политическая работа в Красной Армии. Документы. 1921—1929 гг. М., 1981. С. 11, 52.

8. Там же. С. 53, 54.

9. ЦГАСА. Ф. 25883. Оп. 2. Д. 884. Л. 18.

Стр.88.

ности. В сводках Калужского Губполитсекретариата за 1921 — 1922 годы постоянно отмечалось, что красноармейцы частей, расположенных в уездах, очень часто отрываются от учебы нарядами, дежурствами и командировками. Наблюдался большой недостаток канцелярских принадлежностей, учебных и наглядных пособий, не хватало средств на их приобретение. Ощущалась особо острая нужда в писчей бумаге для учащихся. Не хватало опытных культпросветработников¹⁰.

Наряду со школами культурно-просветительной работой в Красной Армии занимались клубы и библиотеки. В Положении о клубах Красной Армии и Флота, утвержденном 12 декабря 1921 года, отмечалось, что «красноармейский клуб является просветительным учреждением, представляющим собой центр культурно-политической жизни и деятельности красноармейцев данной части или нескольких частей»¹¹.

В г. Боровске в этот период был один районный рабоче-крестьянский клуб, в котором проводились мероприятия как для жителей города, так и для красноармейцев гарнизона: читались лекции, доклады по политико-экономическим, сельскохозяйственным, естественно-научным вопросам, по антирелигиозной пропаганде, устраивались спектакли, концерты.

В марте 1921 года при Боровском районном клубе было три кружка: драматический, хоровой и музыкальный,¹² в которых участвовали и красноармейцы гарнизона. Однако в работе клуба, кружков имелось много трудностей. Не хватало музыкальных, театральных принадлежностей, отсутствовали опытные руководители. В связи с этим число кружков сокращалось. В мае 1921 года при Боровском клубе работало только два кружка: драматический и музыкальный.¹³

Войсковые части, расположенные в уездах, своих библиотек не имели. Красноармейцы пользовались библиоте-

10. ЦГАСА. Ф.25883. Оп. 2, д. 778, л. 8; д. 912, лл. 12, 13об.

11. Партийно-политическая работа в Красной Армии... С. 47.

12. ЦГАСА. Ф. 25883. Оп. 2, д. 884, л. 18.

13. Там же. Д. 852, л. 1.

Стр.89.

ками Уездполитпросветов. Красноармейцы Боровского гарнизона пользовались городской библиотекой, которая в 1921 году насчитывала 3500 книг. При библиотеке имелась читальня.¹⁴

Пополнение существующих библиотек новыми книгами было поставлено плохо. Новые книги не поступали и в Калужский Губполитпросвет.

Большую помощь воинским частям в проведении культурно-просветительной работы оказывали шефы. Шефство, как форма проявления единства армии и народа, зародилось еще в годы гражданской войны. В воинских частях г. Калуги и уездов работа шефов на первых порах не была постоянной и выражалась в виде случайной помощи. В декабре 1922 года была создана Губернская шефская комиссия под председательством Губвоенкома, с участием членов Губпрофсовета, Губисполкома, Губкома и других.¹⁵ Благодаря работе комиссии усилилось общее руководство и учет шефской работы. Боровский УВК получал денежную помощь от Уисполкома и комхоза на ремонт помещений, на политпросветработу, на приобретение канцелярских принадлежностей и подписку центральных газет. Только в ноябре 1923 года Боровский гарнизон получил от шефов 18 000 рублей на ремонт помещений и 2 500 рублей на политпросветработу.¹⁶ За счет помощи шефов Боровский УВК в 1923 году имел возможность выписывать центральные газеты: «Известия», «Рабочую газету», «Крестьянскую газету», а с января 1924 года — «Красную Звезду».¹⁷

Говоря о культурном строительстве в Красной Армии в начале 1920-х годов, нельзя не остановиться еще на таком направлении, как агитационно-пропагандистская работа, которая была направлена прежде всего на осуществление задач политического воспитания воинов. Так, по заданию Калужского Политсекретариата в 1921—1922 годах в уездах проводились кампании «Помощь голодающим», «Помощь инвалидам гражданской войны», «4-ая годовщина Красной

14. ЦГАСА. Ф. 25883. Оп. 2, д. 884, л.18.

15. Там же. Д. 1024, л. 77.

16. Там же. Д. 1024, л. 161 об.

17. Там же. Д. 102, лл. 441, 529.

Стр.90.

Армии и т. д.¹⁸ С 1 января по 1 апреля 1922 года проводилась кампания «по изъятию церковных ценностей». О результатах этой кампании было сообщено в докладе Калужского Губполитсекретариата.¹⁹

Большое внимание уделялось проведению различных праздников с участием войск. В день Парижской Коммуны в марте 1923 года в Боровском уезде был проведен парад войск гарнизона.²⁰ Широко по всем уездам Калужской губернии отмечался праздник Пятилетия Всеобуча в сентябре 1923 года. Шефами на проведение этого праздника было отпущено 20 000 рублей. В Боровском УВК во время строевой подготовки в перерывах велись беседы, читались лекции о значении праздника. Празднование открылось парадом, демонстрацией, чаепитием. Вечером были устроены бесплатные спектакли. В программу праздника входили и спортивные выступления.²¹

Таким образом, проводимая в Красной Армии политико-просветительная работа была направлена на осуществление политического воспитания и культурного просвещения красноармейских масс. Несмотря на то, что в фонде Московского военного округа имеется небольшой материал о проведении партийно-политической и культурно - просветительной работы в воинских частях, расположенных в Калужской губернии в начале 1920-х годов, он дает достаточное представление о проведении этой работы в Боровском гарнизоне.

18. Там же. Д. 912, л. 96.

19. Там же. Д. 912, л. 136 об.

20. Там же. Д. 1024, л. 55 об.

21. Там же. Лл. 90,90 об.

В.М. Завитаев.

Подвиг Вани Андрианова

9 мая 1990 года весь советский народ будет отмечать 45-летию Победы над фашистской Германией. Никогда не будет забыт народный подвиг! Вместе со взрослыми в боевых действиях принимали участие и дети. Об одном из них — уроженце Боровского края — Ване Андрианове пойдет сейчас рассказ.

После оборонительных боев 10—22 октября 1941 года Боровский район два с половиной месяца находился под

Стр.91.

фашистской оккупацией. В эти дни на Наро-Фоминском направлении была сформирована 33-я армия, командующим которой был назначен генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Ефремов¹. После упорных оборонительных боев под Москвой 5—6 декабря 1941 года началось контрнаступление Красной Армии. 18 декабря 1941 года перешла в контрнаступление 33-я армия Западного фронта по направлению на Боровск — Верея — Малоярославец. В это время в состав 33-й армии входили: 1-я гвардейская мотострелковая дивизия, 110-я, 113-я, 338-я стрелковые дивизии, 201-я Латышская стрелковая дивизия. 31 декабря 1941 года части 113-ой и 93-й стрелковых дивизий вели бои за д. Ново-Михайловское. В овладении этим населенным пунктом большую помощь советским солдатам оказал 13-летний Ваня Андрианов².

Ваня родился в 1927 году в крестьянской семье. Весной 1941 года закончил 7 классов. В период оккупации жил в д. Ново-Михайловское.

Со второй половины декабря 1941 года со стороны г. Наро-Фоминска стал доноситься мощный гул артиллерийской канонады. Всего два месяца прошло с тех пор, как деревню заняли фашисты, а жителям казалось — прошли года. Много горя и страданий пришлось пережить им за это время. С надеждой смотрели они на восток. Наша армия была совсем близко. Фронт приблизился настолько, что стали слышны отдельные пулеметные очереди, а от разрывов снарядов в окнах домов дрожали стекла. Вражеский гарнизон, засевший в деревне, спешно возводил укрепления.

Приготовления фашистов не ускользнули от внимания вездесущих деревенских мальчишек. Мечтая вступить в партизанский отряд, ребята собирали оружие и боеприпасы на

1. Виноградов А.П., Игнатова А.А. Герой—командарм. М., 1967; Соболев А.М. Бои под Наро-Фоминском. // Битва за Москву. М., 1985. С. 248—261.

2. Кожевников В. Корреспонденция бойца Симукова. // Пионер. № 1, № 2. 1942; Благовещенский В., Пухов В. Боровск. Тула, 1973. С. 132—133; Завитаев В.М. Подвиг Вани Андрианова. // Дружные ребята. Газета Казахстанской пионерской организации. № 77, 24 сентября 1983 года.

Стр.92.

местах бывших боев. Все, что удавалось найти, прятали в укромных местах в лесу. Помогали нашим солдатам, попавшим в окружение, приносили им в лес пищу и теплые вещи, по глухим тропинкам провожали бойцов к линии фронта.

Теперь, когда бои шли где-то совсем рядом с деревней, они думали о том, как и чем помочь нашим наступающим частям. Однажды, выбрав удобный момент, Ваня Андрианов незаметно исчез из дома. Спустя некоторое время он был уже на краю деревни. Отсюда, с небольшого пригорка, просматривались поле и лес в направлении п. Ермолино и совхоза «Боровский». Вскоре он увидел, что на опушку леса вышли лыжники. Ваня насчитал 30 человек. Это были наши солдаты. Фашисты молчали. Они подпустили разведчиков на близкое расстояние и только тогда открыли по ним сильный перекрестный огонь из пулеметов. Тем временем на опушке леса, за рекой Протвой, вновь показались наши солдаты. Одетые в белые маскировочные халаты, они быстро приближались к селу, как раз с той стороны, где были установлены немецкие пулеметы. Гитлеровцы молчали. Как видно, они опять решили подпустить наших солдат поближе и только тогда открыть огонь. Ваня не раздумывая бросился бежать вниз к реке, навстречу своим. «Остановитесь, там пулеметы!» - кричал он на бегу. Но его не слышали, голос тонул в гуле артиллерийской канонады. Фашисты заметили бегущего мальчика и открыли по нему огонь. Ваня упал на снег. «Возвращаться нельзя, надо обязательно предупредить своих», — думал он. Ваня опять бросился вперед. Бежать было очень трудно. Ледяной ветер перехватывал дыхание, мальчика едва не настигали пулеметные очереди врага. Он часто проваливался в глубокие сугробы, падал, поднимался и опять бежал вперед. Вот, наконец, и берег реки. «Остановитесь! Здесь немецкие пулеметы! — вновь закричал он. — Я проведу вас другой дорогой». Он повел солдат в обход позиции противника. Бойцы осторожно пробирались — от дома к дому — и неожиданно ударили с тыла.

Когда враг был разбит, Вани рядом с бойцами не оказалось. Командир батальона капитан Иванов и его заместитель по политчасти капитан Егоров приказали разыскать мальчика. Но его нигде не было. Однажды один из бойцов увидел парнишку на улице и привел его на командный пункт одного из подразделений 113-ой стрелковой дивизии

Стр.93.

33-й армии. Капитан Иванов крепко обнял мальчика, поблагодарил за помощь: ведь, выбив врага из Ново-Михайловского, наши войска пробились к шоссе, которое имело важное стратегическое значение. Этим маневром противнику был отрезан путь к отступлению.

Через несколько дней Ваню Андрианова вызвал командующий 33-й армией генерал-лейтенант М.Г. Ефремов. От имени Военного совета Западного фронта он вручил мальчику орден Красной Звезды.

Как же сложилась дальнейшая судьба Вани Андрианова? Вскоре после освобождения д. Ново-Михайловское Ваню, с согласия матери, взяли к себе воспитанником бойцы 33-го отдельного инженерного батальона. С ними он прошел

многие сотни километров фронтовых дорог. В 1946 году он закончил военно-морское авиационно-техническое училище. Потом служил в авиации Черноморского флота. В 1954 году демобилизовался. Работал начальником цеха московского машиностроительного завода «Коммунар». С 1987 года Иван Федорович Андрианов — пенсионер. Но с родным предприятием не расстался и активно продолжает работать.

И.М. Нагаев

**Архив и музей
(Из опыта сотрудничества ЦГАСА и
Боровского филиала
Калужского областного краеведческого музея)**

Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА) в сети государственных архивов СССР является крупнейшим хранилищем военно-исторических документов советской эпохи.

За годы своей деятельности ЦГАСА провел сбор, систематизацию, организовал хранение и использование в научных и практических целях всей сохранившейся военной документации за период с 1917 по 1940 год, широко и многосторонне отражающий славную историю Советской Армии с момента ее создания¹.

Сегодня ЦГАСА хранит 1 миллион 721 тысячу дел по истории Советских вооруженных сил. В архиве сосредоточены

1. Крушельницкий А.В., Нагаев И.М. Центральный государственный архив Советской Армии. Иллюстративный буклет. М., 1984.

Стр.94.

документы центральных и окружных органов военного управления, военных учреждений, военно-учебных заведений².

Документы ЦГАСА освещают руководящую роль В.И. Ленина и Коммунистической партии в военном строительстве и организации обороны Советского государства, рассказывают о вооруженной борьбе советского народа против внутренней контрреволюции и империалистической военной интервенции, событиях «малых войн» 1938—1940 годов, о перевооружении и техническом оснащении армии перед Великой Отечественной войной 1941 —1945 годов, зарождении и развитии новых родов войск, советской военной науки, об участии армии в экономическом и культурном строительстве.

ЦГАСА также является научно-методическим центром по работе с военными документами Государственного Архивного Фонда (ГАФ) СССР.

Коллектив архива активно участвует в процессе перестройки государственной архивной службы страны: комплектовании ГАФ СССР личными документами участников вооруженной защиты Советского государства, совершенствовании государственного учета научно-справочного аппарата, обеспечении сохранности документов и их использования, подготовке архивных публикаций, участии сотрудников ЦГАСА в научной и методической работе³.

Выявление и копирование документов по истории Советских Вооруженных Сил, установление имен и судеб воинов, совершивших боевые подвиги, погибших в боях за социалистическое Отечество, уточнение биографий отдельных лиц, разработка вопросов истории — это далеко не полный перечень тех проблем, с которыми приходится сталкиваться архивистам по запросам музеев.

Наряду с этим архив постоянно ведет поиск новых форм взаимодействия с музеями в целях коммунистического воспитания.

Постоянным адресатом ЦГАСА. является Боровский филиал Калужского областного краеведческого музея.

2. Стеганцев М.В. ЦГАСА СССР — научно-методический центр по работе с военными документами ГАФ СССР. // Экспресс-информация ОЦНТИ ВНИИДАД СССР. Сер. Археология и архивоведение. № 1 (49). 1988. С. 2.

3. Там же. С. 5.

Стр.95.

Сотрудничество архива и музея идет по следующим направлениям:

— пополнение фондов музея копиями архивных документов, по истории Боровского района;

— предоставление информационной и научно-методической литературы по вопросам краеведения;

— подготовка и проведение совместных тематических и межотраслевых выставок;

— подготовка и проведение лекций по истории Советских Вооруженных Сил в школах и ПТУ района;

— апробация новых форм использования документов, таких, как устные журналы — диалоги «Архивные документы рассказывают», организация КЛАДов (Клубов Любителей Архивного дела), историко-архивоведческих программ «Прошлое и мы» и т. д.;

— совместное участие в научно-исследовательских конференциях, семинарах по вопросам архивного и музейного дела.

За последнее время по всем этим направлениям сделано немало: в фонды музея поступили фотокопии тематических подборок архивных документов: «Крах контрреволюционного антисоветского мятежа в г.Кронштадте (март 1921 года)», «К.Э. Циолковский и Красная Армия (1919—1935 годы)», «Боровчане на защите социалистического Отечества (1918— 1922 годы)»⁴.

Проведено несколько десятков лекций и тематических встреч «Уроки Памяти» среди учащихся школ г. Боровска, п. Ермолино и Балабаново, а также в других местах района.⁵ При этом были уточнены некоторые факты истории района, собраны и интересные материалы о наших знаменитых земляках.⁶

Боровский филиал Калужского областного краеведческого музея в 1988 году принял участие в межотраслевых тематических выставках «История Советских Вооруженных

4. Нагаев И.М. Весною 21-го... // За коммунизм. 8 декабря 1981 года; Он же. Ученый-патриот. // За коммунизм. 15 сентября 1982 года.

5. Он же. Архив и музей. // За коммунизм. 19 февраля 1989 года.

6. Дианова Л.А. Улица Макарова, д. 29. // Советский патриот. 19 марта 1986 года.

Стр.96.

Сил в документах ГАФ СССР» и «ГАФ СССР — документальная память народа», проводимых на базе Постоянно действующей выставки Главархива.

Об опыте сотрудничества музея и архива в деле подготовки таких широкомасштабных выставок шел разговор на Дне ЦГАСА СССР в рамках Всесоюзной тематической выставки «ГАФ СССР и его роль в перестройке» (август — сентябрь 1988 года, ВДНХ СССР).⁷

С июня 1986 года в музее начали проводиться выпуски устного журнала-диалога, подготовленного Советом Ученых и Молодых Специалистов (СУиМС) ЦГАСА для Калужской области «Архивные документы рассказывают...»

Во время выпусков журнала его создатели выступают не только сами, но и предоставляют слово своим «читателям», получают от них документы, фотографии, ведут магнитозапись устных рассказов.⁸

Выпуски журнала также сопровождаются выставками архивных документов, документальных сборников, книг и публикаций сотрудников архива, проводится широкий обмен мнениями по вопросам нашего исторического прошлого.

С большим успехом проводились следующие выпуски: «Герои 41-го (К 45-летию начала Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов)», «Полководец-коммунист» (К 90-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Г.К. Жукова), «Легендарный начдив» (К 100-летию со дня рождения В.И. Чапаева), «Боровчане-краснознаменцы», «На страже завоеваний Великого Октября» (К 70-летию ВЧК), «Первый Наркомвоенмор» (К 100-летию П.Е. Дыбенко),

7. Стеганцев М.В. Государственный Архивный Фонд СССР и его роль в перестройке (экспозиция по ВДНХ). // Советские архивы. № 6, 1988. С. 17.

8. Нагаев И.М. Устный журнал-диалог. (Из опыта СМУиС ЦГАСА). // Экспресс - информация ОЦНТИ ВНИИДАД СССР. Сер. Археография и архивоведение. № 1 (49). 1988. С. 16—17.

Стр.97.

«Победа на Халхин-Голе» (К 56-летию разгрома японских милитаристов на реке Халхин-Гол в 1939 году).⁹

Ежегодно проходит 4—6 выпусков данного журнала, отзывы на него всегда положительные.

Накопленный в процессе подготовки и проведения краеведческий материал публикуется в прессе Калужской области.¹⁰

В 1987 году при музее была предпринята попытка создать Клуб Любителей Архивного Дела (КЛАД) для молодежи, заседания которого проходили бы поочередно в городах Боровск и Москва, а также заочно (по переписке). Опыт двух лет пока не дал положительных результатов, и тем не менее архивисты и краеведы продолжают работу в этом направлении.

С июня 1989 года группы архивистов и московские школьники — члены КЛАДа — постоянно участвуют в реставрационных работах в церкви Спаса-Преображения г. Боровска, которые проводит председатель горсовета В. С. Канунников.¹¹ Они также принимают активное участие в мероприятиях клуба самодеятельных художников «Жар-птица» г. Боровска. После работы для «гостей» из Москвы традиционно устраиваются экскурсии и пешие прогулки по городу и его окрестностям. В 1989 году они участвовали в проведении Дня города, на котором демонстрировалась временная выставка «ГАФ СССР — документальная память народа».¹²

9. Завитаев В.М. 45 лет назад. // За комунизм. 2 июня 1986 года; Аникина Л. Юбилею посвящается. // За коммунизм. 30 декабря 1986 года; Нагаев И.М. Легендарный начдив. // За коммунизм. 9 февраля 1987 года; Осипов В.И. О героях-чекистах. // За коммунизм, 9 декабря 1987 года.

10. Воспитание памятью (интервью с архивистом). // Молодой ленинец. 9 мая 1987 года.

11. Бычков Ю.А. Принадлежит народу. М., 1988. С. 4. 12. Тарантасова В. Возвращение к истокам. (Репортаж с Дня Боровска). // За коммунизм. 5 октября 1989 года.

Стр.98.

В это же время были возобновлены по инициативе музея тематические вечера во Дворце Культуры: «Архивы открывают загадки» (первый такой вечер прошел в ноябре 1985 года в рамках Клуба интересных встреч). Среди участников этих вечеров ведущие специалисты, ветераны войны и труда, студенты и учащиеся школ и ПТУ.

На 1990 году архивисты планируют проведение историко-архивоведческой программы: «Прошлое и мы» для жителей г. Боровска. В рамках программы, посвященной 45-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, пройдут выставки архивных документов, выступления специалистов по «белым пятнам» нашей истории, историко-архивоведческие конкурсы и викторины, будет работать научно-консультационный пункт, на котором можно будет приобрести архивоведческую литературу и копии архивных документов, показ документальных видео- и кинофильмов, прослушивание уникальных фонозаписей, специальные программы для молодежи. В основе программы «Прошлое и мы» будет лежать история Боровского края, по накопленному в результате мероприятий материалу будет подготовлена брошюра «Как история приходит к нам», ряд публикаций в архивной периодике.

В заключение хотелось бы выразить благодарность боровчанам, оказывающим постоянную помощь московским архивистам в работе: В.М. Завитаеву, М.Ф. Ждановой, С.И. Гарбузовой, А.К. Бойко, Л.Г. Киселевой, Н.С. Милову, В.И. Осипову, В.С. Канунникову, многим другим.

И.В. Лысцева.

Музей в культурном наследии русского исторического города (Калужская область)

Наряду с общими вопросами теории культуры советская наука уделяет внимание исследованию отдельных сторон духовной культуры. Объектом исследования историков, культурологов, музееведов выступают культурные процессы в

Стр.99

масштабах районов, регионов, республик.¹ Между тем вопрос о роли музея в освоении культурного наследия только становится предметом исследования². И если проблема музея в сельской культурной среде в какой-то мере уже нашла отражение в специальной литературе,⁸ то проблемы формирования культурной среды исторического города музейными средствами, роль музея в сохранении и воссоздании историко-культурного фона во многом еще не разработаны. Анализ современной музееведческой литературы показывает, что вопрос взаимоотношений музея и исторического города привлекает внимание исследователей широкого круга, однако целый ряд сторон этой проблемы требует дальнейшего изучения.⁴ В центре внимания — проблемы экологии культуры, задачи музеев в обеспечении преемственности культурного развития, трансляции традиций русской культуры. Определение взаимоотношений исторического города и

1. Зак Л.М. История изучения советской культуры. М., 1981; Фролов А.И. Современное состояние и основные направления научных исследований музейной сети. (На примере Нечерноземной зоны РСФСР). // Вопросы теории и методики. М., 1987. С. 70.

2. Макарова Н.Г. Музеи как социально-эстетический феномен. Автореферат диссерт. М., 1987; Дукельский В.Ю. Музей и культурно-историческая среда. // Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. Сб. тр. НИИ культуры. М., 1989. С. 108.

3. Кудрина Т.А. Культурная среда советской деревни и развитие творческой деятельности. // Проблемы теории культуры. М., 1977; Шляхин В.А. Музей в сельской культурной среде. Красноярск, 1986.

4. Лихачев Д.С. Экология культуры. // Прошлое и будущее. Л., 1985; Бестужев-Лада И. Музей в системе культуры. // Декоративное искусство СССР. № 9, 1976. С. 7; Беллер Э.А. Социальный вопрос и культурное наследие. М., 1987; Барсук В.Л. Культурная среда. (Опыт теоретического конкретно-социологического исследования). Свердловск, 1973; Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания. // Вопросы философии. № 8, 1985.

Стр.100.

музея как предмета музееведческого изучения сопряжено с известными трудностями, главная из которых обусловлена широтой изучаемой проблемы, недостаточной степенью изученности научной классификации ряда исторических и культурологических понятий, таких как: «город», «исторический город», «культурное наследие», «культурная среда». Современная наука и практика не выработали единого подхода к этим понятиям, что обусловлено их комплексным характером. Так, в современной историко-социологической литературе встречается свыше десяти взаимодополняющих и взаимоисключающих друг друга определений «города»,⁵ нет единого мнения в определении понятия «исторический город»,⁶ определений современного понимания музея, его социальных функций,⁷ в определении понятий «культурная среда»⁸ и «культурное наследие»⁹.

5. Юридический словарь. Т.1. М., 1953. С. 109; Советская историческая энциклопедия. Т.4. М., 1963. С. 544; Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1953. Содержит такое определение: «Город — крупное поселение, жители... заняты в промышленности и торговле, обычно административный и культурный центр данного района»; Муравьев Е.П., Успенский С.В. Методические проблемы планирования городского расселения при социализме. Л., 1974. С. 11 —14.

6. Согласно Постановлению Министерства культуры РСФСР от 31 июля 1970 года и Положению об охране и использованию памятников истории и культуры от 16 сентября 1982 года, № 865 к числу «исторических» городов и сел относятся такие, в которых сохранились памятники архитектуры, градостроительные ансамбли и комплексы, природные ландшафты, древний культурный слой земли. Всего 115 городов РСФСР считаются историческими, в том числе и 3 калужских — Калуга, Боровск и Козельск; Сытина Т.М. Исторические села России. // Музеи и памятники культуры в идейно-воспитательной работе на современном этапе. М., 1983. С. 100, 101.

7. Большая Советская энциклопедия. М., 1974. С. 84, 85, 142; Музейные термины. // Терминологические проблемы музееведения. М., 1985. С. 52, 80; Ванслова Е.Г. Динамика социальных функций советского музея. (По материалам экспертного опроса). // Вопросы теории и практики. М., 1987. С. 27.

Стр.101.

Задача данного исследования — изучение механизма взаимодействий музея и исторических городов Калужской области.

В качестве основных источников привлечены краеведческие материалы, научные архивы Калужского областного краеведческого музея и его филиалов, архивные материалы Калужского областного совета по туризму и экскурсиям Калужского бюро путешествий и экскурсий. Особую группу источников составляют периодические издания, центральная и местная печать.

В основе современного понимания музея лежит понимание его как феномена культуры, как института культуры с особой системой производства культурных ценностей, сохранения национальных сокровищ.¹⁰ Под спецификой социальных функций музея понимается исторически сложившееся социальное назначение музея в общественной жизни в целом и в системе учреждений науки и культуры.¹¹ Признавая, что музеи — учреждения, в основном, городского типа, исследователи в качестве факторов, оказывающих влияние на рост музеев и их роль, выдвигают: величину населенного пункта, особенности его географического положения, уровень урбанизации, социально - демографическую структуру, особенности социально-культурной сферы.¹² Наибольшими потенциальными возможностями для расширения сети музеев обладают средние и малые города, которые на данном этапе играют важную роль в экономическом, социально - политическом и культурном развитии России. Специфична роль му-

8 Барсук В.А. Культурная среда. Автореферат диссерт. Свердловск, 1973; Дукельский В.Ю. Ук. соч.

9 Баллер Э.А. считает, что «культурное наследие — совокупность доставшихся человечеству культурных ценностей от прошлых эпох, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в контексте конкретно - исторических задач современности». См. Баллер Э.А. Ук. соч. С. 50.

10 Вопросы теории и методики. М., 1977. С. 4, 9, 37. Там же. С. 13.

12 Куценко В.И. Региональные особенности развития социально - культурной сферы. Киев, 1984. С. 156—158.

Стр.102.

зая в формировании культурной среды этих городов, которые становятся малой столицей для своего района.¹³

Малые и средние города Калужской области обладают большими потенциальными возможностями. Именно в них сосредоточено большое количество памятников истории и культуры, довольно разветвлена сеть государственных и общественных музеев.¹⁴ (Приложение № 2).

Всесоюзное совещание по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры (май 1988 года), научная конференция (ноябрь 1988 года) «Музей и культурно-историческое наследие русского города» поставили целый ряд проблем экологии культуры, подняли вопросы сохранения исторических городов, их своеобразия и красоты, преемственности в градостроительстве и архитектуре, вопросы трансляции исторических ценностей. Закономерно встал вопрос о разработках нормативных документов, таких как Положение об историческом городе (селении), его историческом центре, заповедной территории, Положение о музее-заповеднике, историко-природном парке.¹⁵

Следует отметить, что Госплан РСФСР разработал программу возрождения малых городов,¹⁶ Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест принял в 1988 году Международную хартию об исторических городах.¹⁷ Широкая общественность нашей страны высказы-

13. Культура в небольшом городе. // Материалы к обсуждению. ГИВЦ. Министерство культуры РСФСР. М., 1982; Фролов А. И. Ук. соч. С. 81—84.

14. Лысцева И.В. Общественные музеи как социальное явление современности. // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга, 1989. С. 74.

15. Тихонов Ю.А. Пути сохранения памятников. (К итогам Всероссийского совещания по охране, реставрации и использованию памятников истории, культуры и архитектуры). // История СССР. № 3, 1989. С. 147.

16. Там же.

17. Тихонов Ю.А. Ук. соч. С. 147.

Стр.103.

вается за создание специальной отрасли народного хозяйства по сохранению историко-культурного наследия, единой вневедомственной структуры государственных инспекций по охране, реставрации и использованию памятников и исторической среды.¹⁸

Задачи сохранения и возрождения исторического города заставляют по-новому подойти к проблеме восприятия культурного наследия через музей.

Задача музееведения, направленная на актуализацию памятников истории и архитектуры как объектов музеефикации, раскрывает большие возможности для формирования культурного сознания, так как имеет социально-историческое и культурное содержание. Ансамбль Присутственных мест (1770—1787 гг.) в историческом центре Калуги, Троицкий собор (1786—1819 гг.) в историческом Городском парке, здание

Дворянского собрания (1850 г.), Каменный мост (1777—1780 гг.), Гостиный двор (1784—1821 гг.), усадьба купцов Золотаревых (1805—1808 гг.)¹⁹ — все эти памятники составляют единый ансамбль центра исторического города, который несет в себе не только архитектурную, историческую и научную ценность, но и является образом города. Центр г. Калуги как архитектурно-градостроительная среда, строго упорядоченная по стилю, символизирует исторические события, отражает определенную историческую эпоху, обладает музейными функциями, представляет интерес как памятник культуры и истории.

Думается, что малый исторический город, как особый культурный микрорегион, складывающийся в своеобразной природной и культурно-исторической среде при современной социокультурной практике, является основным объектом музейной деятельности. В то же время музейная практика — это часть локальных культурных процессов.

Музей в историческом городе — это своеобразный аккумулятор культурной специфики. Краеведческий музей областного центра, расположенный в городской усадьбе рубежа 18—19 веков имеет давние культурные традиции. Это один из старейших музеев страны, организованный членами

18. Там же. С. 148.

19. Фехнер М. Калуга. Боровск. М., 1972. С. 68.

Стр.104.

Калужской Ученой Архивной Комиссии в 1897 году.²⁰ В определенное время при соответствующих устойчивых культурных процессах в регионе, музей возвращал городу культурно-исторические ценности путем своей деятельности как учреждения культурно-просветительного, а также в качестве производителя культурных ценностей, являясь в этом случае учреждением, занятым формированием культурно-исторической среды. Иначе не объяснить истоки долгожительства музея и своеобразного содержания культурной коммуникации (уникальные собрания как источниковая база; различные формы взаимодействия музея с другими сферами науки и культуры в регионе; наличие специфичных способов организации деятельности в сфере культурного наследия исторического города).

Ряд городов Калужской области из 115 городов РСФСР — Калуга (1371 г.), Козельск (1146 г.), Боровск (1358 г.) — включены в список исторических городов, утвержденный постановлением Министерства культуры РСФСР от 31 июля 1970 года. Согласно этому документу к числу исторических городов относятся города и села, в которых сохранились памятники архитектуры, градостроительные ансамбли и комплексы, природные ландшафты, древний культурный слой земли с памятниками археологии. Все разработки проектов развития и реконструкции, их реализация, музеефикация, охранные зоны, исследования памятников контролируются законоположением об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 года.²¹

Именно исторические города Калужского края имеют давнюю историю взаимоотношений музея с определенной

20. Мартынович-Лашевский А.И. Открытие Исторического музея при КУАК. // Калужские губернские ведомости. № 42, № 95. 1977; Четыркин И.Д. Открытие Калужского губернского музея, состоящего при КУАК, 20 апреля 1897 г. // Известия КУАК. Вып. 5, 1897. С. 100—110; ГАКО. Ф.47. Оп. 2, ед. хр. 1, 5, 7, 8, 10, 15 — описи пожертвований предметов, и книг в музей и библиотеку Исторического музея при КУАК.

21. Сытина Т.М. Ук. соч. С. 100, 101.

Стр.105.

структурой культурных связей в регионе, с краеведческим движением.²²

Советские и партийные органы Калужской области, московские и калужские архитекторы, краеведы, ВООПИК, Калужское отделение Фонда культуры выступают с предложениями по сохранению, изучению и использованию культурного наследия края.²³ Так, по проекту Главного архитектурно-планировочного управления г. Москвы и МНИИП объектов культуры и отдыха рекомендуется создать до 13 новых музеев и выставок в области: историко-мемориальный музей А.С. Пушкина в п. Полотняный Завод, музей-усадьба Воронцовых-Бутурлиных в с. Белкино (г. Обнинск), Пафнутьев-Боровский монастырь — музей-заповедник, Введенская Оптиная Пустынь — музей-заповедник, музей декоративно-прикладного искусства и ремесел в бывших палатах купцов Коробовых, музей калужской керамики, истории архитектуры г. Калуги и Калужской области и другие музеи. (Приложение № 2). В качестве ресурсов исследователями выявлено в Калужской области 367 памятников истории, культуры, архитектуры и природы.²⁴

В 1950—1960-е годы наблюдается рост музеев на общественных началах, затем создание филиалов областного краеведческого музея. Подъемы и спады в развитии музеев обусловлены острыми социально-политическими, экономи-

22. Лысцева И.В. Эволюция отношений музея и исторического краеведения (Калужская область). // Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1989. С. 150.

23. Тарасова К. Фактор патриотического воспитания. // Знамя. 11 августа 1987 года; Егоров Б. Помнить — значит беречь. // Советская культура. 30 июля 1987 года; Макаров А. Реликвии Калужской земли. // Советская культура. 23 июля 1987 года; Дундукова Д. Быть Калуге городом-музеем. // Знамя. 15 марта 1987 года; Филимонов В. Краеведение — память народа. // Знамя. 12 ноября 1988 года и другие.

24. Развитие сети учреждений и объектов туризма в Калужской области до 1990 и на перспективу до 2000 г. Ч. 1. М., 1983. С. 53.

Стр.106.

ческими, культурными ситуациями общественного развития страны и региона.

В Калужском крае музеи стали развиваться в первые годы Советской власти. (Приложение № 1).

После закрытия монастыря Введенской Оптиной Пустыни в г. Козельске в 1919 году в одном из монастырских корпусов был создан музей, реорганизованный затем в 1924 году в Государственный историко-мемориальный музей Оптиной Пустыни в подчинении Главного управления научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра Наркомпроса (Главнаука).²⁵ Музей стал центром хранения научного, художественно-исторического и декоративно-прикладного искусства. Не принимая во внимание историческую, художественную, мемориальную ценность этого музея-памятника, уникальное явление «старчество», деятельность братьев Киреевских, писателей Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, музей был в начале 1930-х годов преобразован в краеведческий по определенной вульгарно-социологической схеме показа общественно-экономической формации, распространенной в эти годы.

В 1930—1940-е годы в монастыре был устроен Дом отдыха. В 1950-е годы — спецдом для детей репрессированных родителей. С 1959 по 1987 годы в монастыре находилось СПТУ. В 1987 году по распоряжению Совета Министров СССР монастырь был передан Московской епархии для возобновления деятельности, для возрождения традиций Оптиной Пустыни. В сентябре 1989 года открылся историко-литературный комплекс музея «Оптина пустынь», созданный на базе существовавшего с 1969 года литературного отдела Козельского филиала Калужского областного краеведческого музея. В экспозиции «Дома Достоевского» и «Дома Ключаревых» представлены экспонаты, связанные с пребыванием в этих местах крупнейших деятелей русской культуры 19 века.

25. НА КОКМ. Папка «Исторические сведения о музее за 1927 г.». Дело о передаче Главмузеем НКП Оптиной пустыни. 12 января 1926 г. Постановление президиума Губисполкома об охране памятников искусства, старины и природы. Списки памятников гражданской и церковной архитектуры по уездам. 1916 г.; ГАКО. Ф. Р—2878. Он. 3, ед. хр. 43, л. 16.

Стр.107.

Возрождению Оптиной Пустыни как музея способствовала деятельность Козельского историко-краеведческого музея (с 1957 года народный музей, с 1968 года — филиал Калужского областного краеведческого музея). Широкое общественное движение по возрождению культурного наследия связано с выявлением ценностей, бытующих в современной культурной ситуации, и освоением культурных ценностей прошлого. Московские «Оптинские чтения», организованные Всероссийским фондом культуры с приглашением наместника Оптиной Пустыни архимандрита Евлогия, встречи в литературной гостиной Дома литераторов, организованные Советом по литературным музеям, памятникам истории, культуры и литературного наследия Московского отделения Союза писателей РСФСР, встречи с калужскими краеведами и пресс-конференция с министром культуры РСФСР поднимают ряд важных вопросов: взаимодействие музея как социального института и действующего монастыря; роль музея и монастыря в сохранении, воссоздании и передаче культуры прошлого и настоящего, в решении комплексных историко-культурных и социально-культурных проблем города и региона в целом.²⁶

В Боровском крае история музейного дела тесно связана с Н.П. Глухаревым, Г.Н. Дешиным, А.А. Антиповым, М.Ф. Ждановой — краеведами, руководителями боровских музеев в разные годы. Первым заведующим городского музея в г. Боровске в 1918 году был страстный коллекционер и исследователь, автор трудов по истории Боровского края Николай Поликарпович Глухарев.²⁷ Его коллекции — это собрания старообрядческих рукописей, столбцов и грамот,²⁸ богатая библиотека, прекрасные образцы декоративно-прикладного искусства боровских мастеров. Имя Глухарева бы-

26. Морозова Г. Московские «Оптинские чтения». // Знамя. 30 октября 1988 года; Смирнова Р. Соприкасаясь с чудом этих мест. // Знамя. 1 октября 1989 года.

27. Глухарев Н.П. Материалы для истории Боровска и его уезда. Т. 1, 2. Боровск, 1913—1914; о Н.П. Глухаре см. статью в данном сборнике.

28. Маслов Н.М. Боровское собрание рукописей Калужского областного краеведческого музея. // Труды отделения древнерусской литературы. Т. XI. М.-Л., 1955.

Стр.108.

ло известно еще до революции в кругах коллекционеров Москвы и Петербурга. Именно этот музей получил охранную грамоту, подписанную А.В. Луначарским, о том, что музей состоит под охраной и во владении Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса, а управление музеев доверено Н.П. Глухареву.²⁹

В 1919 году спецкомиссия музейного отдела подробную опись художественно-исторических ценностей Пафнутьев-Боровского монастыря и подписала документ, в котором говорилось, что Боровский монастырь представляет собой выдающийся исторический памятник общегосударственного значения, заключающий в себе многочисленные историко-художественные ценности. Монастырь был взят под охрану Всероссийской коллегией по делам музеев и охране памятников искусства.³⁰

В 1920-е годы для дальнейшей организации музея в бывшем монастыре командировались сотрудники музейного отдела Главнауки, приезжают профессор М.М. Богословский, академик И.Э. Грабарь, директор Исторического музея и другие ученые. В

1923 году среди похищенных из монастыря и затем найденных в разные годы уникальных произведений были замечательный памятник древнерусского искусства и письменности Макарьевское евангелие 1533 года и знаменитый Покров Пафнутия Боровского, произведение талантливых мастериц 17 века. После закрытия музея в конце 1920-х годов монастырь использовался различными учреждениями и организациями. Государственная политика тех лет, социально-культурная ситуация предрекала монастырь-музей на медленную смерть, вырвав его из культурно-исторической среды своего региона, оборвав культурные традиции.³¹ Сменяющие друг друга учреждения: школа механизации, дом для беспризорных, ремесленное училище, колония для малолетних преступников, сельскохозяйственный техникум — ни по форме, ни по содержанию не могли

29. ЦГА РСФСР. Ф.2307. Оп.3, д.309, л.49.

30. ГАКО. Ф. Р. 2878. Он. 3, ед. хр. 43, л. 16; Хроника о Боровском кладе. // Калужский краевед. Вып. 1. Калуга, 1958. С. 62.

31. Формирование государственной музейной сети. М., 1988. С. 97.

Стр.109.

обеспечить преемственность культурно-исторических традиций.

С лета 1969 года на территории Пафнутаева монастыря начал создаваться музей на общественных началах (А.А. Антипов, Н.Г. Дешин, В.А. Пчелкин и другие краеведы). В марте 1983 года на территории монастыря начал функционировать еще один музей на общественных началах — «Музей народного творчества» (А.К. Бойко, Л.Г. Киселева, другие).

На базе этих общественных музеев в июле 1987 года был создан Боровский филиал Калужского областного краеведческого музея. Сотрудники музея начали свою работу с установления тесных контактов с общественными краеведческими организациями, центральными комиссиями, занимающимися изучением и охраной культурных ценностей города. Создание филиала в Пафнутаевом монастыре, открытие в монастырских стенах новой экспозиции, посвященной такому неоднозначному явлению в истории Русской церкви как старообрядчество, проведение историко-краеведческих конференций — все это свидетельствует о том, что культурные традиции в Боровском крае сильны и опираются на культурную практику прошлых лет. Впервые был проведен музейно-городской праздник, посвященный 630-летию г. Боровска. Это позволяет говорить о более тесных взаимодействиях музея и города.³²

Таким образом, Козельский историко-литературный и Боровский историко-краеведческий музей с их уникальной природой и культурной средой, рожденные еще в 1920-е годы как музеи-заповедники, — явления уникальные. Декреты Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства», «Об учете, регистрации и охране памятников искусства и старины» и другие создавали возможность скон-

32. Антипов А.А. Районной карте — двести лет. // За коммунизм. 7 ноября 1976 года; Аникина Л. Праздник, который нам нужен. // За коммунизм. 25 октября 1988 года; Нагаев И. Архив и музей. // За коммунизм. 18 февраля 1989 года; Осипов В.И. Хозяйство Пафнутаева монастыря в Боровском уезде в XVII в. // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга, 1989. С.43; Он же. Боровск в XVII в. // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1986. С. 23 и другие.

Стр.110.

центрировать в руках государства огромные культурно-исторические ценности, которые оно в силу объективных и субъективных причин в различные этапы культурного строительства не смогло использовать по своему прямому назначению.

Анализ сети музеев в Калужском крае в первые десятилетия Советской власти (Приложение № 1) дает возможность проследить, как на основе национализированных и конфискованных историко-художественных ценностей образовывались новые музеи. Это были государственные музеи, так как родились вследствие новых общественных отношений. Основанием для превращения в музей Боровского и Козельского монастырей была их историко-художественная и архитектурная значимость, наличие там прекрасных собраний декоративно-прикладного и книжного искусства.

Малые исторические города — Козельск, Боровск, ставшие районными центрами, Калуга — областным,³⁸ в первую очередь являются средоточием всей культурной жизни прилегающей территории, аккумулируя ее культурный потенциал, предоставляя населению городов возможность для избирательного потребления культуры и культурной деятельности.

Социальные предпосылки сохранения целостной традиционной культуры русских исторических городов обрисовали общие тенденции усиленного интереса к историко-культурному наследию. Так, например, недавно прошедший (1989 г.) Пленум Центрального совета ВООПИК обсудил проект нового Устава общества. В свою очередь, Калужский областной совет ВООПИК при обсуждении Устава поставил перед собой актуальные задачи дальнейшего выявления, исследования и изучения историко-культурного наследия Калужского края, осуществление контроля за соблюдением законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры, активное участие в рассмотрении проектов планировки и застройки исторических городов, исторических центров в городах области. Одной из главных обязанностей членов ВООПИК (областное отделение общества объединяет почти 145 тысяч человек или 14,5% к общему числу населения области) является проведение разъяснительной рабо-

33. Сулыкина Т. Калужской области — 40 лет. // Политическая агитация. № 10, 1984. С.28, 19.

Стр.111.

ты о роли и значении культурно-исторических ценностей края.³⁴

Деятельность Калужского отделения Советского фонда культуры, созданного в 1988 году, уже вносит ощутимый вклад в возрождение культурных традиций калужских городов. Основными задачами этой новой общественной организации являются: инициативно и настойчиво участвовать в формировании в крае принципиально новой общественно-государственной системы управления развитием культуры, основанной на повышении роли общественных организаций и самостоятельных объединений в духовном обновлении общества, содействовать созданию условий для повышения активности населения в краеведческом движении, поддерживать конкретные предложения, социальные проекты, практические действия, путем формирования конструктивного общественного мнения.³⁵ Так, Фонд культуры оказал практическую помощь при организации общества Рериха и Пушкинского общества в 1989 году, объединивших в своих рядах музейных работников, ведущие творческие коллективы художественной самодеятельности города, хоровое общество, творческие союзы писателей, художников, архитекторов.

Музеи исторических городов Калужской области пытаются накопленную информацию о культурном наследии организовать своими специфическими формами (традиционными и нетрадиционными), опираясь на свои уникальные собрания и коллекции, как на источниковую базу. Полное использование своих фондов, недвижимых памятников, природных реалий способствует эволюции музейной деятельности.

Именно на музеи — Калужский областной краеведческий музей, Боровский историко-краеведческий, Козельский историко-литературный — возлагается организация культурных процессов в границах своего микрорегиона. Именно эти музеи, как

учреждения культуры, должны быть включены в систему социально-политических, производственно-хозяйственных и культурных сфер деятельности региона. Тогда они будут жизнеспособны, и им под силу будет объединить творческие силы региона, представителей разных

34. Тарасова К. Традиции и наследие — сохранить и умножить. // Знамя. 28 сентября 1989 года.

35. Архив Калужского отделения Советского фонда культуры. Программа, устав, переписка.

Стр.112.

профессий, характеризующих культурную жизнь края. Именно им выпадает роль быть консолидирующими центрами в сохранении и трансляции культурного наследия.

Приложение № 1

1. Возникновение музеев в Калужском крае в первые годы Советской власти

Наименование музея	Адрес	Годы возникновения	Профиль
Калужский художественный музей	Калуга	1918	художественный
Мосальский музей местного края	Мосальск	1919	краеведческий
Государственный музей Оптиной Пустыни	Козельск		
Малоярославецкий музей местного края	Малоярославец	—	
Боровский музей Н. П. Глухарева	Боровск	1919	
Тарусский музей местного края	Таруса	1921	краеведческий
Государственный Калужский областной музей	Калуга	1897, 1919	краеведческий

2. Сеть краеведческих музеев Калужского края на 1927 год

1	2	3	4
Государственный Калужский областной музей	Калуга	1897 1919	краеведческий
Государственный музей Оптиной Пустыни	Козельск	1919	краеведческий
Тарусский музей местного края	Таруса	1921	краеведческий

Стр.113.

Приложение № 2

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПРИРОДЫ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ

№ № п. п. 1	Наименование	Местонахождение	Дата	Исторические сведения	Техническое состояние, система охраны	Использование	Предложения по использованию
2	3	4	5	6	7	8	
1.	Ц. Покрова «что на рву»	А.КАЛУГА ул.Марата, 4	1687 г.	Поставлена на месте дер. церкви на крепостном рву вдоль стен Калужской дер. крепости	Республ. категория охраны	Птицеводческая станция	Музей, ноокультурный комплекс 1990 г.
2.	Ц. Спаса «за верхом»	ул.Смоленская, 8	1700 г. 80-е XVIII в.	Памятник архитектуры	Консервация. Республ. категория	Управление киноремснаб.	Музей атеизма 1990 г.
3.	Палаты Коробовых	ул. Плеханова, 88	конец XVII	Построены Коробовым К. И. кал. купцом, памятник граждан, архитектуры	Республ. категория, консервация, реставрация.	Пустует	Музей декоративно-прикладного искусства, филиал Калужского обл. краевед. музея
4.	Городская усадьба И. Х. Билибина	ул. Ленина, 104	1809 — 1810гг.	Построена купцом Билибиным, «калужский ампир»	Республ. категория	Калужский обл. худож. музей	
5.	Городская усадьба П. М. Золоторева	ул. Пушкина, 14	1805— 1808 гг.	Усадьба калужск. купцов, образец зрелого классицизма, имеет богатую отделку интерьеров дома	Республ. категория охраны	Калужский обл. краеведческий музей (КОКМ)	
6.	Палаты Макаровых	ул. Пушкина, 16	серед. XVIII в.	Усадьба калужск. купцов Макаровых	Республ. категория	Жилой фонд	Филиал Калужского краеведч. музея (КОКМ)
7.	Ц. Рождества богородицы	с. Ромоданово	1691 г.	Построена для владельца села Ф.Ю. Ромодановского, ближайшего сподвижника Петра I, затем село приобрел заводчик А.Н. Демидов (в 1739 г.)	Реставрац. республикан. категория	Склад	Филиал КОКМ. Рекоменд. к экскурсион. осмотру к 1990 г.
8.	Ц. Космы и Дамиана	ул. Суворова, 102	1794 г.	Памятник культовой архитек. в стиле зрелого барокко (школа Растрелли)	Респуб. категория	Склад горпромоторга	Музей боевой славы
9.	Калужский бор			Уникальный памятник природы, истории			Рекомендуется к экскурсион. осмотру.

Стр.114-115.

Приложение №2							
1	2	3	4	5	6	7	8
10.	Дом Кадминой	А. КАЛУГА ул. Кирова, 42	Дом архитектуры XIX в.	В доме родилась, провела детские и отроческие годы Е. П. Кадмина (1853 — 1881) — выдающ. Русская певица и драматич. актриса, большой друг Чайковского		Жилой фонд	Музей истории Калужского драматического театра
11.	Троицкий собор		1786— 1819 гг.	Памятник архитектуры. Архитектор И. Д. Ясныгин		Выставочный, концертный зал	Рекомендуется к экскурсион. осмотру. Органный зал областной филармонии к 1990 г.
12.	Ц. Жен Мироносиц	ул. Кирова, 41		Памятник архитектуры	Республ. категория	Реставрация	Музей развития архитектуры и градо-

XVIII в.

строительства, выставочный зал Союза архитекторов СССР 1990 г.
Этнографический музей 1990 г.

13.	Ц. Иоана Предтечи	ул. Кирова		Памятник архитектуры XVIII в.	Респуб. категория		
14.	Ц. Богоявления	ул. Кутузова	1834 г.	Памятник архитектуры	Респуб. категория	Склад	Концертный зал музыкального училища 1990 г. 1990 г.
15.	Организация музейной зоны в районе ц. Георгия «за верхом»						
16.	Организация Дома - музея профессора Л. А. Чижевского						1986 — 1987 гг.
17.	Организация Дома - музея декабриста Батенькова						1985, 1989 гг.

**Б. КАЛУЖСКАЯ
ОБЛАСТЬ
а) Боровский район**

1.	Ц. Бориса и Глеба	г. Боровск	1704г.	Памятник культовой архитект. в традициях моск. зодчества XVII в.	Подлежит реставрац. Реснубликан. категорир охраны	Склад	Рекомендуется к экскурс. осмотру к 1990 г.
----	-------------------	------------	--------	--	---	-------	--

Стр.116-117.

Приложение №2

1	2	3	4	5	6	7	8
2.	Ансамбль Пафнутьев – Боровского монастыря	с. Роща	XVI— XVIII вв.	Памятник истории, культуры и архит. XVII—XIX вв. Монастырь, в XVI—XVII — крепость Моск. гос-ва Крупный феодал, играющий важную роль в XVII — XVIII вв.	Реставрация Республикан, категория охраны	Филиал обл. краеведческого музея	Музей - заповедник
3.	Усадьба Воронцовых – Бутурлиных	с. Белкино	нач XIX в.	Вотчина С. Годунова, в XVIII в. имение И. Л. Воронцова, затем библиофила Бутурлина Д. П. В им: родился хирург Иноземцев, жили Полёнов В. Д., Брюсов В. Я.	Подлежит реставрац. Местная категория охраны	Частично контора совхоза	Музей - усадьба, Рекомен. к туристическому осмотру к 1990 г.
4.	Усадьба Гончаровых	п. Полотняный завод	XVII — XVIII вв.	б) Дзержинский район Выдающийся памятник истории, культуры и архитектуры, связан с пребыван. Кутузова (1812), Пушкина(1830, 1834 гг.), Луначарского, (1908), Книппер-Чеховой, Гнесиной О. Ф.	Реставрация Местная категория охраны	Пустует	Отдел Калужского краеведческого музея историко – мемориальный А. С. Пушкина, художественная школа, библиотека
5.	Дом Щепочкиных	п. Полотняный завод	кон. XVIII в.	Памятник архитектуры зрелого классицизма, связан с пребыванием хирурга Пирогова	Республикан, категория охраны	Ср. школа	Рекомен. к осмотру к 1990 г.
6.	Ансамбль с.Спас. Спас-Воротынского монастыря			б) Калужская пригородная зона	Республ. категория	Не используется	Выставка «Памятники архитектуры» Калужской обл. Реком. к осмотру к 1990 г

в) Жуковский район

7.	Ц. Спас-Прогнань	с. Спас-Прогнань	II пол. XVIII в.		Местная категория охраны	Использ. общиной верующих	Рекоменд. к осмотру
8.	Ансамбль монастыря Оптиная Пустынь	п. Ново-казачье	XVIII—XIX вв.	г) Козельский район Памятник истории, культуры, архитектуры, с которым связаны имена ряда	Реставрац. Республ. категория	Частично Филиал КОКМ, «Домик Достоевско-	

Стр.118-119.

Приложение №2							
1	2	3	4	5	6	7	8
				деятели русской культуры: Киреевские И. В. и П. В., Гоголь, Достоевский, Л. Толстой, Н. С. Кашкин, А. А. Ах-матова и др.		го», часть комнат монастырской гостиницы XIX в.	
9.	Комплекс скита монастыря Оптиная Пустынь	п. Ново-Казачье	XIX в.	Основана библиотека (33500 т.), была организована широкая книгоиздательская деятельность Киреевских, Л. Леонтьева, С. Шевырева, существование своеобразное явление — «старчество» как религ. — филасовское, нравствен, течение	Республ. категория Реставрац.		Рекомендуется к экскурсион. осмотру
10.	«Чертово городище»	Лесничество, с. Шепелево		Уникальный памятник природы с реликтовой флорой	Местная категория охраны		
д) Малоярославецкий район							
11.	Ц. Преображения	с. Спас-Загорье	II пол. XVII в		Республик. категория охраны	Испол. церк. общиной	Музейный показ.
е) Мещовский р-н							
12.	Собор Рождества Богородицы Георгиевского монастыря	г. Мещовск, п. Искра	XVIII-сер. XIX вв.		Республик. категория	Не используется	Музейный показ.
ж) Ферзиковский район							
13.	Корпус чугунолитейного з-да	п. Дугна	XVIII в		Местная категория охраны	Использ. современным з-дом	Музей истории завода
з) Юхновский р-н							
14.	Усадьба Ярошенко (им, Степановское - Павлицево)	с. Павлицево	сер XIX в.	Известно с XIX в. Жил и работал художник – передвижник Н. Я. Ярошенко в 1880 г.	Местная категория охраны	Использ. санаторием	Рекоменд. к осмотру до 1990 г.
и) Перемышльский район							
15.	Комплекс Успенского монастыря, Ц. Успения, Георгиевская	с. Гремлчево	1673, 1701 гг.		Республик. категория	Не используется	Музейный Показ.

Стр.120-121.

Приложение №2							
1	2	3	4	5	6	7	8
16.	Успенский собор	г. Перемышль	кон. XV-нач. XIX вв.	Памятник архитектуры	Аварийное состояние, консервация	Не используется	Музейный показ.

17.	Ц. Успения	с. Ильин- кое	кон. XVII- нач. XVIII вв.	Памятник архитек- тура	Не используется	Музейный показ.
18.	Ц. Введенская	с. Верхнее Алопово	1720 г.	Памятник архитек- туры XVIII в.	Склады	Музейный показ.

1. В основу таблицы по изменению использования памятников истории, культуры, архитектуры и природы положены данные научно-технического отчета, составленного Главным архитектурно-планировочным управлением и Московским научно-исследовательским проектным институтом объектов культуры, отдыха, спорта, здравоохранения. См.: Развитие сети учреждений и объектов туризма в Калужской области до 2000 г.». Ч. III. —М., 1983, —с 5. Рекомендации и предложения Калужского краеведческого музея. См.: Архив КОКМ, папка «Планы мероприятий музея; справки 1977—1980-е годы». А также: Постановление «Мероприятия по повышению уровня градостроительства, улучшения архитектурно-художественной выразительности застройки и благоустройства г. Калуги на 1985—1990 годы». (Реконструкция памятников архитектуры, истории и культуры). Принято на первой сессии 19 созыва от 16 марта 1985 г.

Стр.122-123.

Список сокращений

АМГ — Акты Московского государства.
 ИА АН СССР — Институт археологии Академии Наук СССР.
 АО — Археологические открытия.
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории.
 ГАКО — Государственный Архив Калужской области.
 ГАФ — Главный Архивный фонд.
 ГММК — Государственные музеи Московского Кремля.
 ДДГ — Духовные и договорные грамоты.
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
 НА КОКМ — Научный архив Калужского областного краеведческого музея.
 МАМЮ — Московский архив Министерства Юстиции.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РО ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
 ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.
 Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического Музея.
 ЦГА — Центральный Государственный Архив.
 ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.
 ЦГАСА — Центральный Государственный архив Советской Армии.
 С.124.

Содержание

Бубликов В.В. Археологические исследования в Боровском районе Калужской области в 1989 году	3
Прошкин О.Л. Археологическая карта Малоярославецкого района Калужской области. (К вопросу о составлении археологической карты бассейна р. Протвы и смежных территорий)	6
Фролова Н.Ю. О месте захоронения князя Василия Ярославича боровско-серпуховского	12
Пуцко В.Г. Боровские иконы 16 века	16
Ларин А.К. Калужские иконописцы 17 века	28
Поздняков С.В. Служилое землевладение и движение феодальной собственности в Малоярославецком уезде в первой половине 17 века. (По материалам писцовых книг)	34
Осипов В.И. Взаимоотношения посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырем в 17 веке	51

Сафонова Г.Б. Художественное шитье 17—19 веков из Пафнутьев-Боровского монастыря	67
Личенко С.И. Развитие кустарных промыслов в Боровском уезде Калужской губернии	72
Дешин Н.Г. Первый краевед Боровского края. (Н.П. Глухарев)	81
Головникова О.В. Культурное строительство в Боровском гарнизоне в начале 1920-х годов. (По материалам Московского военного округа)	86
Завитаев В.М. Подвиг Вани Андрианова	91

С.125.

Нагаев И.М. Архив и музей. (Из опыта сотрудничества ЦГАСА и Боровского филиала Калужского областного краеведческого музея)	94
Лысцева И.В. Музей в культурном наследии русского исторического города. (Калужская область)	99

С.126.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Карта-схема археологических памятников Малоярославецкого района Калужской области:
1 — грунтовые могильники, 2 — городища, 3 — селища, 4 — курган, 5 — стоянка, 6 — граница района.
2. Д. Лужное. Городище. Фрагменты лепных (1—13) и гончарных (15—17) сосудов, наконечник стрелы.
3. Схема расположения гробниц в Архангельском соборе на 1508 г.:
1 — Василий II Темный;
2 — Василий Ярославич.
4. Свт. Никола. Первая треть 16 в. Москва. ГИМ.
5. Богоматерь. Первая треть 16 в. Москва. ГИМ.
6. Симеон Богоприимец. Третья четверть 16 в. Москва. ГТГ.
7. О тебе радуется. Вторая половина 16 в. Москва. ГТГ.
8. Покров. Пафнутий Боровский. 1632 г. КО КМ.
9. Покровец Богоматерь Знамение. Сер. 17 в. КОКМ.
10. Праздничный костюм молодой женщины. Калужская губ. Вторая пол. 19 в. Понева, рубаха, занавеска. Перевить, цветное ткачество, кружево.
11. Полотенце. Калужская губ. Начало 20 в. Холст, бумажные нити, крестик, кружево.
12. Фрагмент кружева. Край. Калужская губ. Кон. 19 в. Плетение многопарное. Хл./бум.
13. Работы Н. П. Глухарева.
14. Газета «Боровская жизнь», издававшаяся Н. П. Глухаревым.
15. Н.П. Глухарев. Фотография нач. 20 в. Боровский филиал КОКМ.

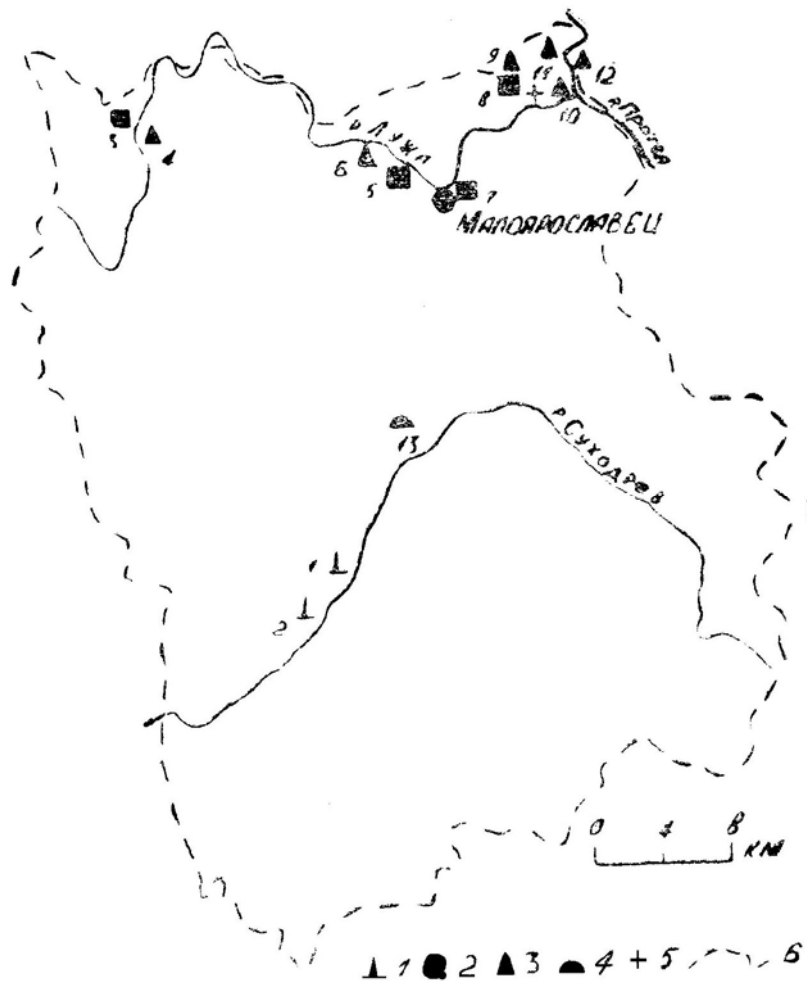
С.127.

Боровский краевед

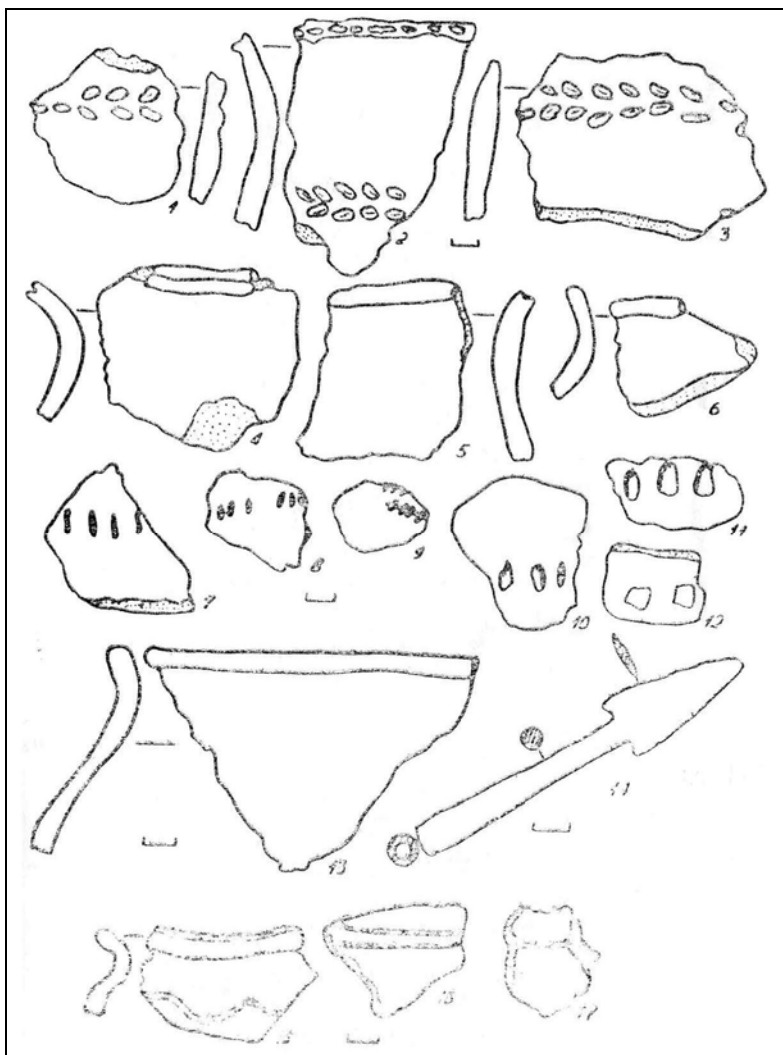
Составитель	Осипов В. И.
Редактор	Осипова А. И.
Художник-оформитель	Ларин А. К.

С.128.

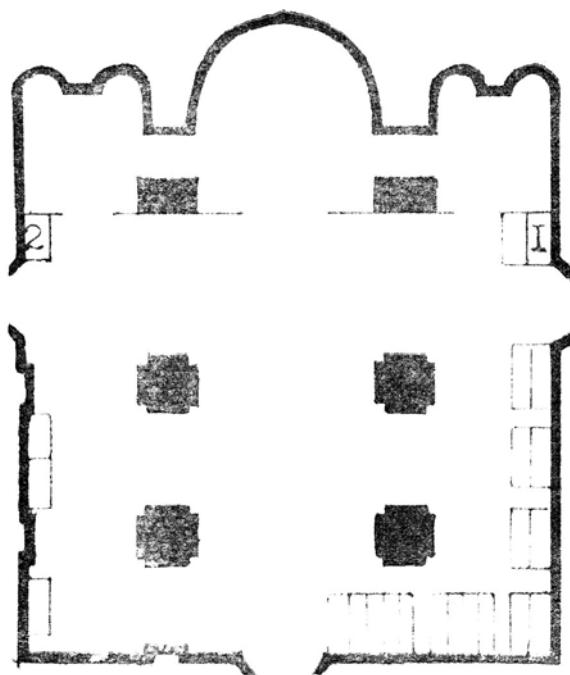
Иллюстрации

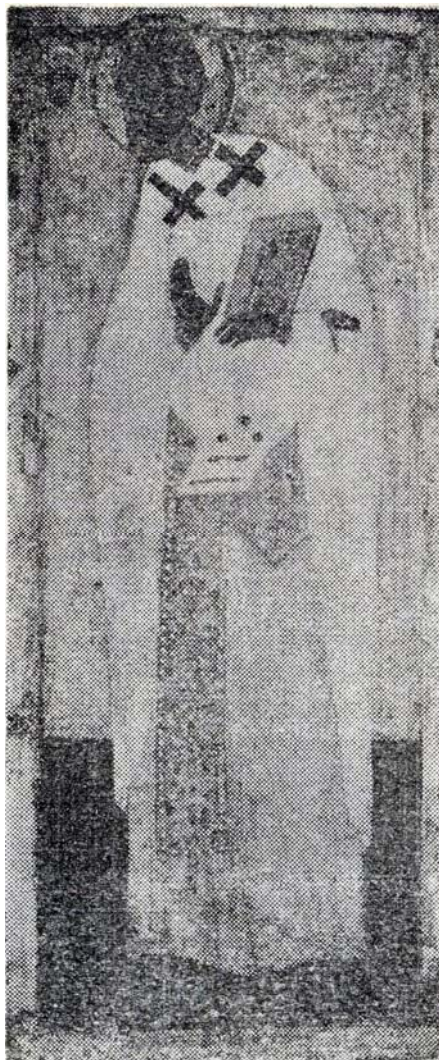
1. Карта-схема археологических памятников Малоярославецкого района Калужской области:
1 — грунтовые могильники, 2 — городища, 3 — селища, 4 — курган, 5 — стоянка, 6 — граница района.

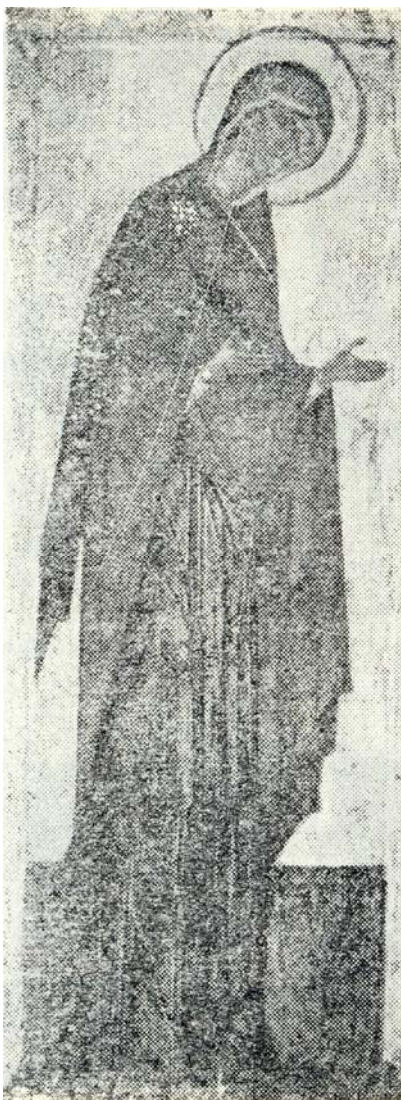
2. Д. Лужное. Городище. Фрагменты лепных (1 — 13) и гончарных (15—17 сосудов, наконечник стрелы.

3. Схема расположения гробниц в Архангельском соборе на 1508 г.:
1 — Василий II Темный;
2 — Василий Ярославич.

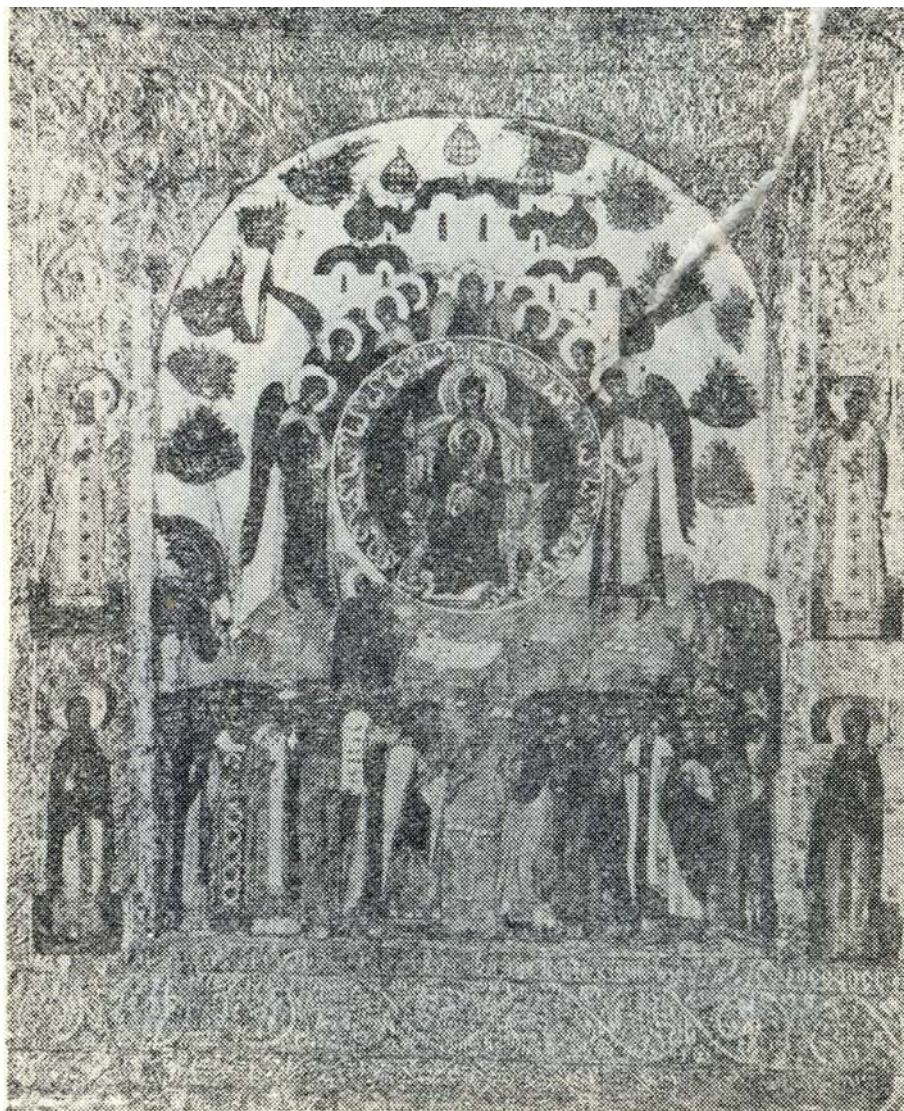
4. Св. Никола. Первая треть 16 в. Москва. ГИМ.

5. Богоматерь. Первая треть 16 в. Москва. ГИМ.

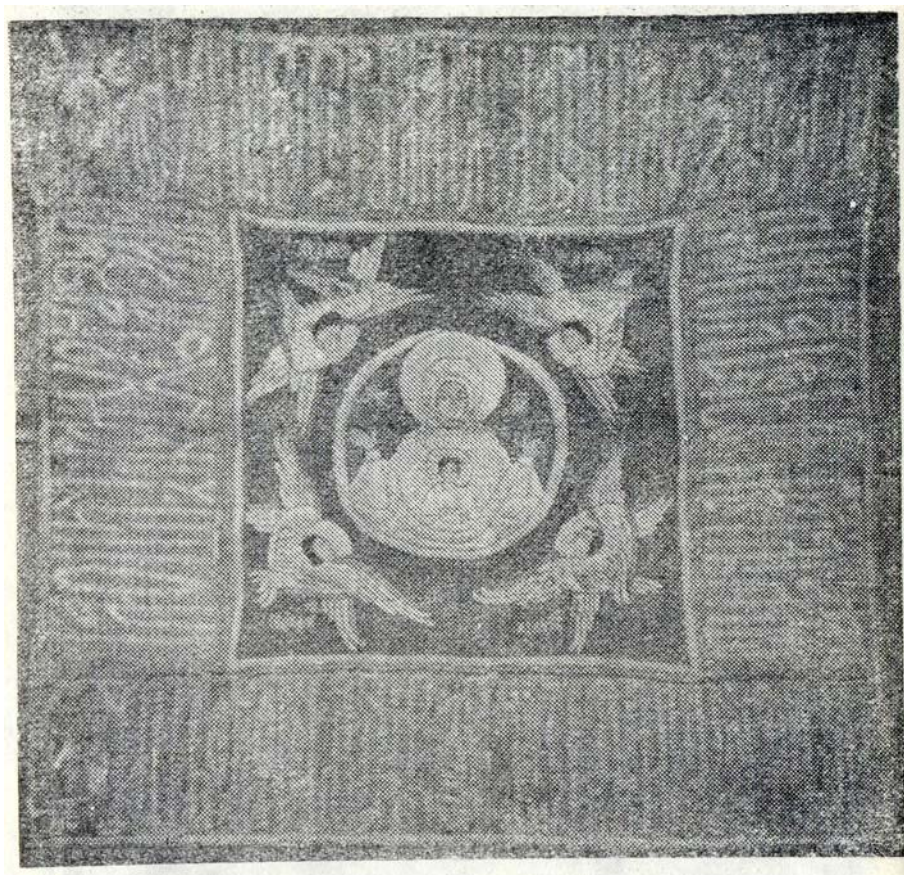
6. Симеон Богоприимец. Третья четверть 16 в. Москва. ГТГ.

7. О тебе радуется. Вторая половина 16 в. Москва. ГТГ.

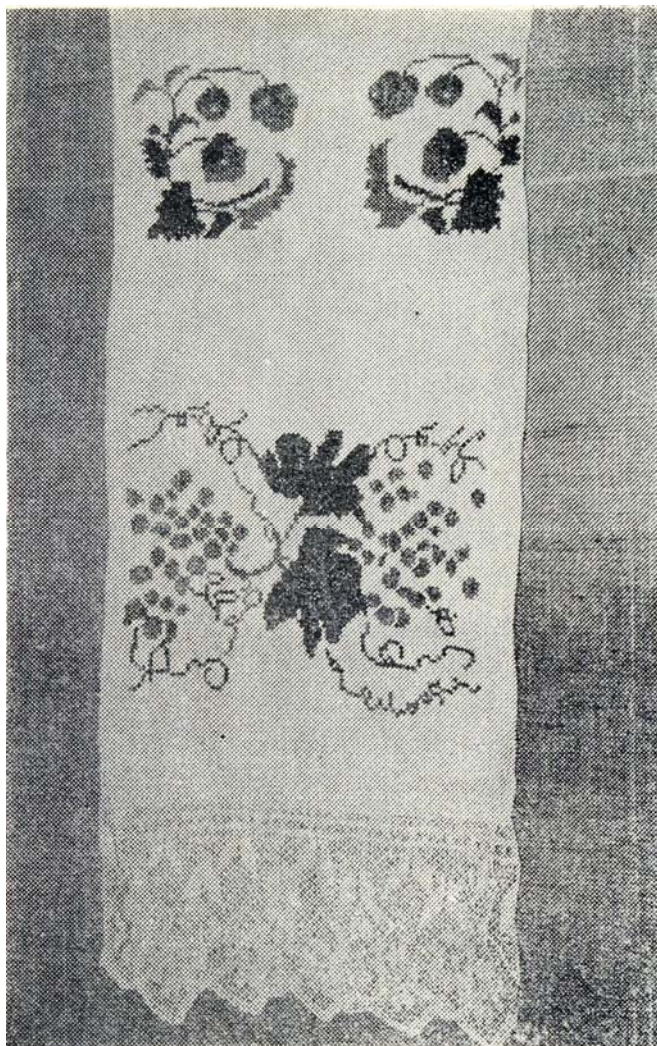
8. Покров. «Пафнутий Боровский». 1632 г. КО КМ.

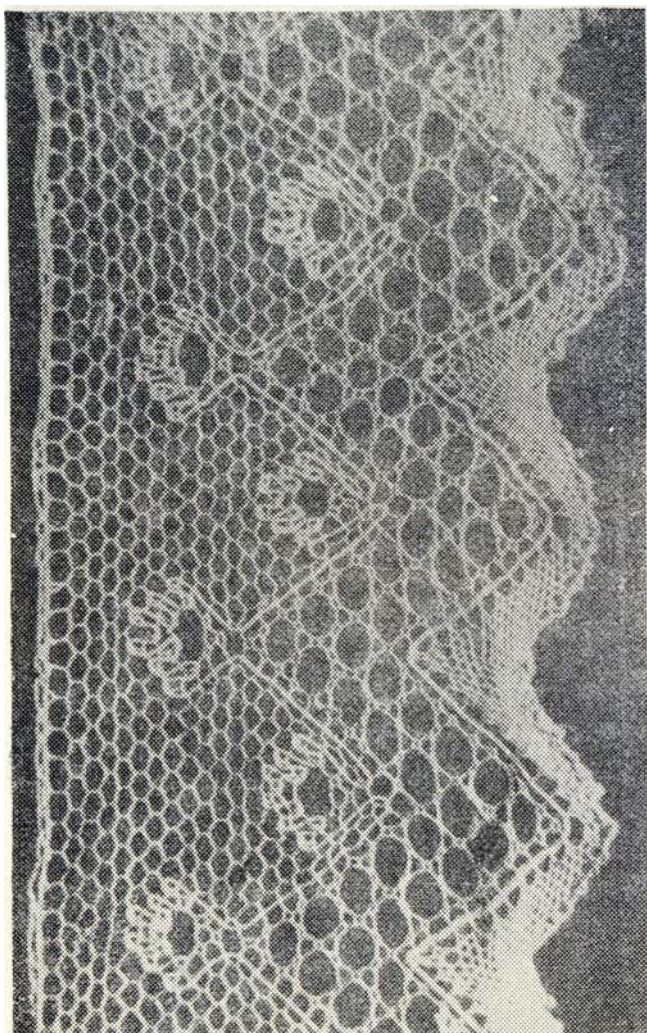
9. Покровец «Богоматерь Знамение». Сер. 17 в. КОКМ.

10. Праздничный костюм молодой женщины. Калужская губ.
Вторая пол. 19 в. Понева, рубаха, занавеска. Перевить,
цветное ткачество, кружево.

11. Полотенце. Калужская губ. Начало 20 в. Холст, бумажные нити, крестик, кружево.

12. Фрагмент кружева. Край. Калужская губ. Кон. 19 в.
Плетение многопарное. Хл./бум.

13. Работы Н. П. Глухарева.

15. Н. П. Глухарев. Фотография нач. 20 в.
Боровский филиал КОКМ.